

Не вороши осиное гнездо

П Татьяна ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

Я не находила себе места из-за неожиданного отъезда Владана Марича. Куда он исчез? Надолго ли? Безднадежно влюбленная, я согласна довольствоваться малым: только бы находиться рядом с ним, помогать ему вести расследование. Но клиентов пока не наблюдалось, да и не за каждое дело Владан – «специалист по трудно разрешимым проблемам» – брался... Однажды в безлюдной подворотне я случайно наткнулась на истекающую кровью женщину. Когда приехала «Скорая» и полиция, она уже умерла. На душе было скверно. Зрела уверенность: эта трагедия затеряется в десятке подобных. Вряд ли полиция будет искать убийцу: район с говорящим названием Дно пользовался дурной славой. Я решила сама во всем разобраться, разворошив тем самым осиное гнездо. Теперь мне грозит смертельная опасность. К счастью, великий сыщик Владан Марич вернулся, и началось наше захватывающее дух расследование...

- [Татьяна Полякова](#)

- -
-

Татьяна Полякова

Не вороши осиное гнездо

© Полякова Т.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Девушка еще не знает все,
Девушка никак не поймет его,
Для девушки он просто чемпион...*

Бандэрос

В то утро пробки в городе были просто чудовищные. В офис я добиралась больше часа, бросила машину напротив входа и бегом поднялась по ступенькам. Дверь оказалась заперта, значит, Владан еще не пришел. Я вздохнула с облегчением, не то чтобы боялась выговора за опоздание, шеф вряд ли бы обратил на это внимание, просто мне нравилось приходить пораньше, немного прибраться и запустить кофемашину. Помещение офиса наполнит аромат крепкого кофе, а Владан будет знать – его здесь ждут.

Офис давно стал моим родным домом, по крайней мере тут я проводила большую часть времени. Вовсе не по той причине, что дел у нас невпроворот. С последнего расследования прошло уже две недели, клиентов пока не наблюдалось, оттого Владан не считал нужным сидеть в офисе, хотя и в прочие дни его здесь не часто застанешь. Расследование – вещь хлопотная, приходится много передвигаться. Держать дверь открытой, поджидая случайных клиентов, нужды нет, точнее, ни о каких клиентах с улицы не было и речи. К Владану обращались за помощью, как правило, по рекомендации. И далеко не за все дела он брался.

Надо сказать, мой шеф в здешних краях личность легендарная. Приди мне охота записать все, что болтали о его подвигах, получился бы солидный том. Я, кстати, была бы совсем не прочь заняться его биографией

– она меня чрезвычайно интересовала, но точно знала: от Владана ничего не добьешься. К разговорам о себе он относился с философским спокойствием и никогда их не комментировал. Временами насмешливо фыркал, чаще равнодушно отмахивался. А без него разобраться, что в рассказах о нем правда, а что вымысел, совершенно невозможно. Вполне правдивая история на поверку оказывалась досужим вымыслом, а та, что выглядела абсолютно фантастической, напротив, являлась чистой правдой. Убедившись в этом пару раз, я мудро решила ничему особо не верить, но все принимать к сведению.

Нужно ли говорить, что я влюблена в своего шефа? Если быть точной, не просто влюблена, он стал для меня единственным мужчиной, смыслом всей жизни... продолжать можно до бесконечности. Жаль, что моя любовь остается без ответа. На момент нашего знакомства у Марича уже была женщина, и ничего в своей жизни он менять не собирался, о чем и поставил меня в известность при первых попытках навязаться ему в возлюбленные. Зато я настояла на том, чтобы с ним работать. Не очень равноценный обмен, но что поделать. Маринка, его подруга, утверждает, будто я пробуждаю в нем отцовский инстинкт. Радости от этого никакой, еще в одном родителе я точно не нуждалась, такого отца, как у меня, поискать, и от Владана ждала совсем иных чувств. Подозреваю, они все же есть, хотя... В общем, вопрос, есть или нет, все еще стоит очень остро, и я надежды не теряю. Но даже если все сложится скверно для меня, вряд ли решусь изменить свою жизнь (в этом мы с Владаном похожи), потому что совершенно не представляю этой самой жизни без него.

Только не подумайте, будто я считаю себя несчастной, совсем наоборот. Любимый рядом, это главное. Куда хуже, если бы мы вовсе никогда не встретились. Теперь, надеюсь, понятно, почему я рвусь на работу как на праздник и просиживаю в офисе дни напролет. Само собой, я просто жаждала, чтобы у нас появился очередной клиент. Оттого так и обрадовалась вчерашнему посетителю, солидно одетому мужчине в возрасте, который пришел ближе к обеду. И тут же позвонила Владану. Шеф поговорил по телефону с посетителем буквально пять минут, и тот покинул офис весьма недовольным.

Вечером, когда Марич заглянул в контору, я ворчливо поинтересовалась:

– Мы не нуждаемся в клиентах?

Он равнодушно махнул рукой:

– Надо предыдущий гонорар потратить.

Если верить Владану, работал он весьма неохотно, и только тогда,

когда ему требовались деньги. Но как раз в этом вопросе я ему не особо доверяла, потому что уже неплохо его знала. В нем необыкновенно остро было развито чувство справедливости, а еще он добрый человек, умеющий сострадать. Хотя, скажи я это Владану, он бы меня непременно высмеял.

В общем, клиента у нас не было, и в ближайшее время, с таким-то отношением моего шефа к делу, он вряд ли появится. А значит, мне остается терпеливо ждать, надеясь, что Марич без меня скучает и в офис пару раз в день все же заглянет.

Я открыла окно и увидела Тамару, барменшу из кафе напротив. Она стояла возле двери, уперев руки в широкие бедра, и с хмурым видом обзревала улицу.

– Привет, – крикнула я и помахала ей рукой.

– Привет, – откликнулась она. – Пацанов не видела? Какой-то гаденыш мячом в окно зафутболил. Чтоб ему...

Окна выглядели целехонькими, но я на всякий случай спросила:

– Разбил?

– А что, нужно дожидаться, когда разобьют?

Тамара скрылась в кафе, а я заметила лист бумаги, лежавший на столе Владана и прижатый перекидным календарем, чтоб не улетел. До той поры я просто не обращала на него внимания. Размашистым почерком Марича было написано: «Вы меня малость утомили, решил развеяться. Считай, что ты в отпуске». Мы – это я и Маринка, надо полагать.

– Ужасное свинство, – пробормотала я, плюхаясь в кресло шефа. – Какой еще отпуск? И где носит Владана?

Я едва не заревела от досады, то есть непременно бы заревела, но тут хлопнула входная дверь, и появилась Маринка. Парадокс в том, что, уcati он куда-то с ней, мне было бы спокойнее.

– Пришла? – спросила соперница, решив не здороваться, и села на диван.

Обычно она в конторе не задерживалась, если Владана не было, впрочем, в последнее время и здесь наметились изменения. Несмотря на то что Маринка жила с Владаном (то есть жили они все же в разных квартирах, хоть и на одной лестничной клетке, еще одна деталь, позволявшая надеяться), так вот, несмотря на это, никакой неприязни я к ней не испытывала, даже наоборот. И она ко мне тоже. Наверное, это ненормально, но мы стали подругами, впрочем, соперничество никуда не исчезло. Должно быть, Маринка, как и я, надеялась: все само собой рассосется ко всеобщей радости и благополучию. Например, я влюблюсь в другого, выйду замуж и перестану сидеть в офисе, мозоля ей глаза. Я же

мечтала, что это она мне глаза мозолить перестанет. Похоже, наши молитвы были услышаны, но Господь, как всегда, решил по-своему, исчезла не я и не Маринка, исчез Владан.

– Он уехал, – сказала Маринка. – Так что тебе здесь торчать без надобности.

– Какая разница, где торчать? – буркнула я.

– Ты могла бы съездить куда-нибудь, – пожалала она плечами.

– Сама и поезжай.

– Ладно, я тебя предупредила... – Она начала подниматься с дивана, а я показала ей записку. – Значит, он сюда заходил, – кивнула она.

– Куда он уехал? Надолго? – Маринка вновь пожалала плечами. – Как это вообще понимать? Он тебе что-нибудь сказал? – разозлилась я.

– Записку оставил. Утром встала, его нет. На холодильнике записка.

– И что написал?

– Советовал, пока есть время, выбрать место для совместного отдыха. Вернется, и полетим в теплые страны.

– А сейчас он где, в холодных?

Маринка направилась к двери, не пожелав ответить. Она была непривычно тихой, и это насторожило. Владана она ревновала неумолимо и страстно и готова была закатить скандал по малейшему поводу. А скандалили они так, что вся улица была в курсе, то есть все могли слышать, почему на этот раз Маринка решила, что он кобель, чертов бабник и неблагодарная скотина. Первые полчаса он обычно молчал, потом начинал орать «дура ревнивая!», «идиотка» и «безмозглая курица». После чего Маринка бросалась в атаку и награждала его пощечинами. Удары были слышны даже на улице. Он терпел еще минут двадцать, после чего следовала звонкая затрещина и наступала тишина.

«Трахаться пошли», – делали вывод особо продвинутые дети, стайкой сидевшие на ступеньках офиса, надо сказать, к этим скандалам улица относилась с большим интересом, стар и млад замирали на месте, подняв голову к заветным окнам. Некоторые специально прибегали за два квартала.

Иногда сценарий менялся, и Владан вместо того, чтобы вклеить Маринке пощечину, что-нибудь выбрасывал в окно, стул или любимую Маринкину вазу. Наверное, по этой причине она предпочитала скандалить на его квадратных метрах, там что ни выкини – все равно не жалко, сплошная рухлядь. Временами я мечтательно думала: не худо бы ему выбросить саму Маринку... Но это скорее из зависти. Я бы на месте этой чокнутой скандалить с ним не стала. К великому сожалению, я не на ее

месте...

В общем, теперешнее ее поведение сбивало с толку и даже тревожило. Тут я обратила внимание еще на одну деталь, которую поначалу упустила: Маринкин наряд выглядел крайне скромно: юбка ниже колена и шелковая блузка с длинными рукавами. И это при том, что Маринка тяготела к одежде яркой и довольно откровенной, что позволяло мне зачастую обвинять ее в дурновкусии, само собой, мысленно. Скажи я это вслух, все могло бы закончиться дракой, а в кулачных боях я не сильна.

Маринка спускалась по ступенькам, я наблюдала за ней в окно. Она не спеша проследовала мимо своего дома, то есть возвращаться к себе не собиралась, однако была без дамской сумочки. Куда в таком случае она направляется? Решила прогуляться? Может, Маринка рассказала далеко не все, может, они с Владаном поссорились, и он в сердцах уехал в неизвестном направлении? Надо у Тамары спросить, скандалили вчера или нет?

Сама толком не зная, зачем это делаю, я, подхватив сумку, поспешно покинула офис и отправилась следом за Маринкой, держась на расстоянии.

Она свернула, и я за ней. Теперь мы шли по бульвару и вскоре оказались возле церкви. Соперница достала из кармана платок, на ходу повязала его и пошла к церковным дверям, трижды перекрестившись. Вот уж не знала, что она верующая. Возможно, сегодня большой праздник... Но, судя по тому, что прихожан совсем немного, вряд ли в самом деле праздник.

Маринка скрылась за дверью, я немного потопталась на месте, не зная, чем себя занять, подумала и решила в церковь все-таки зайти. На входе взяла платок, выбрав из висевшего на протянутой веревке цветного вороха самый скромный, бледно-голубой, торопливо его повязала и принялась оглядываться. Маринка успела купить свечи и теперь, держа их в руке, шла в боковой придел. Свечи я тоже купила и направилась в сторону алтаря, помолилась как могла, то и дело поглядывая, не появится ли Маринка.

Прошло полчаса, не меньше, а ее все не было. Вероятно, я не заметила, как она ушла. Молитвенного рвения я от нее не ожидала, но на всякий случай в придел заглянула. Там находилась чудотворная икона Богородицы, возле нее Маринка и молилась. Стоя на коленях, истово, с поклонами, касаясь лбом пола из металлической плитки. Взгляд ее был устремлен к лику Богородицы, а губы беззвучно шевелились.

«Точно разругались», – подумала я, наблюдая за всем этим почему-то с большим беспокойством и уж точно без намека на радость или надежду, которая просто обязана была возникнуть: вдруг они и вправду разбежались

и теперь у меня появится шанс?

Маринка тяжело поднялась, перекрестилась, приложила к иконе, но и после этого не ушла. Стояла, склонив голову, руки безвольно опущены вдоль тела. Выглядела она как человек в большом горе, который пришел в церковь с последней надеждой.

Мне захотелось немедленно ее обнять и сказать что-нибудь утешительное, типа «не переживай, он вернется». Ну, не глупость ли? Хороши соперницы!

Я решительно направилась к Маринке. Почувствовав мое присутствие, она повернулась, посмотрела без удивления и сказала:

– Пойдем, – после чего направилась к выходу.

Я плелась рядом, готовя свою речь. Мы оказались на улице, Маринка стянула с головы платок, а я вспомнила, что должна вернуть свой, и бросилась назад. Маринка терпеливо ждала меня на нижней ступеньке лестницы.

– Что случилось? – спросила я, решив не ходить вокруг да около.

Она вроде бы удивилась:

– Ничего. Все нормально.

– Нормально? Оттого ты в церкви лбом об пол стучишь?

– Тебе что за дело, это мой лоб, – отмахнулась она, на мгновение став похожей на прежнюю Маринку. Но только на мгновение.

Мы шли рядом, возвращаясь к офису. Она молчала, хмуро глядя себе под ноги.

– Ты знаешь, где он? – не выдержала я.

– Нет, – покачала она головой.

– Но он ведь тебе что-то сказал?

– Ничего он мне не говорил, – поморщилась Маринка. – Вечером ушел, сославшись на дела...

– Какие?

– Не знаю. Буркнул «срочно по делам надо». Ты ж его знаешь... а утром записка.

– А вещи? Он что-нибудь с собой взял?

– Отстань от меня, – рявкнула она, но совершенно беззлобно, я бы сказала, с отчаяньем, если б была способна в такое поверить: вообще-то Маринка стойкий оловянный солдатик. Минут пять мы шли молча, потом я все-таки не выдержала.

– Думаешь, у него кто-то есть? – спросила тихо.

А вдруг и правда? Женщины его вниманием не обделяли, и это еще мягко сказано.

– Что? – переспросила Маринка с таким видом, точно не поняла вопрос, и тут же кивнула: – Может, и есть. Откуда мне знать? Давай его дождемся и все выясним.

Мы как раз подошли к дому, где находился наш офис и ее квартира. Она вновь кивнула, на этот раз на прощание, и скрылась во дворе, оставив меня в полном недоумении.

– Не знает она, – передразнила я. – Как же... так я и поверю.

Я огляделась, жалобно вздохнув, понятия не имея, что делать. Они там что-то делают, а страдать теперь мне. Где в этом мире справедливость? Вторично вздохнув, я направилась к кафе.

Тамара маячила в окне, явно за мной наблюдая. Когда я вошла, она переместилась за стойку. По телевизору шел показ мод, звук был выключен.

– Привет, – сказала я, устраиваясь на высоком табурете.

Посетителей не было, в это время они редкость, неясно, зачем тогда так рано кафе открывать? По наивности я даже пробовала поговорить с Тамарой на эту тему, но отклика не нашла. Здесь все следовали заведенному порядку, и никто не спешил его менять.

– Куда ходили? – спросила Тамара, ставя передо мной чашку кофе.

Вообще-то она меня не особо жаловала. Зато к моему боссу испытывала чувства, которые смело можно назвать безграничным восхищением. Что бы он ни делал, было разумным и правильным. Приди Владану охота сделать вопиющую глупость, к примеру, спрыгнуть с крыши своего дома, она и этому нашла бы оправдание и даже усмотрела признак гениальности.

Мое водворение в офисе Тамара не приветствовала и как-то откровенно заявила: Владану я не пара. Более того, по ее мнению, я способна испортить ему жизнь. Вот уж чепуха. Кто тут кому жизнь портит – еще большой вопрос.

– В церкви были, – с заминкой ответила я. – Маринке пришла охота бить поклоны.

– С чего вдруг? – удивилась Тамара, должно быть, как и я, не замечая в ней до сего дня особого благочестия.

– Похоже, они поссорились. Вчера шумно было?

– Нет.

– Чудеса. Маринка какая-то заторможенная. И даже допускает мысль, что у него кто-то появился.

– Тю... – пропела Тамара. – Весь район давно бы знал. Тут не спрячешься.

– Может, он нашел кого в другом районе, – съязвила я.
– Разве что тебя, – фыркнула толстуха. – Сам-то Владан где?
– Вот это и неясно. Оставил записки и смылся. То ли поздно вечером, то ли рано утром. Мне предложил отправиться в отпуск, а Маринке мечтать о жарких странах. И ни намек на то, куда исчез и когда вернется. И как она это только терпит, – в досаде покачала я головой, имея в виду Маринку и точно зная, что сама бы тоже терпела. Что еще остается?

В продолжение моей тирады выражение лица барменши стремительно менялось от любопытно-насмешливого до настороженного.

– Что ж, будем ждать, – нахмурившись, сказала она и перекрестилась на икону, висевшую в углу подальше от досужих взглядов. – Храни его, Пресвятая Богородица.

Вот тут мне вдруг стало не по себе. Я поспешно допила кофе и вернулась в офис. Первым делом проверила все ящики в столе Владана, подобного вмешательства он не жаловал, и я запросто могла схлопотать, узнай он об этом. Хотя, насколько мне известно, ничего особо примечательного, а уж тем более ценного или важного мой босс здесь не хранил. До моего водворения в офисе он и дверь-то зачастую не запирал. Вряд ли с его стороны это был жест доверия к согражданам, скорее желание продемонстрировать: тут он у себя дома. А задираться с Владаном себе дороже, на расправу он скор, впрочем, местные считали это достоинством, а отнюдь не недостатком. В общем, с моей стороны большая глупость лазить по ящикам его стола, никакой подсказки я не найду. То, что Марич желал скрыть, оставалось для других тайной за семью печатями.

В досаде я задвинула ящики и переместилась за свой стол. И вот тогда вспомнила недавнее происшествие, впрочем, его и происшествием-то не назовешь. Дней пять назад мы с Владаном пили кофе. Он ненадолго заглянул в офис с намерением посоветовать мне занять себя чем-нибудь приятным, вместо того чтобы без всякой пользы торчать здесь дни напролет. Я буркнула: «Вообще-то я здесь работаю», – он хмыкнул, но от предложенного кофе не отказался. В надежде задержать его подольше я сразу же принялась трещать, сообщая местные новости, которые он и без того отлично знал.

Мы мило болтали, и тут раздался звонок на его мобильный. Он достал телефон из кармана и нахмурился, но ответил поспешно. На дисплее высветился только номер, это я отлично видела, но создалось впечатление: Владан понял, кто ему звонит, то есть номер был ему известен.

– Да, – отрывисто произнес он.

Что говорил ему собеседник, расслышать не удалось, но звонил,

безусловно, мужчина. Разговор длился полминуты, точнее, мужчина что-то сказал, Владан ответил:

– Хорошо, – и убрал мобильный.

К кофе внезапно охладел, выглядел задумчивым. Само собой, звонивший заинтересовал. Вряд ли это клиент, но я все-таки спросила:

– У нас появится работа?

– Что? – Вот тут и выяснилось: Владан пребывает в глубоких размышлениях, раз пропустил вопрос мимо ушей. – Нет, – тут же отмахнулся он.

– А кто звонил?

– Знакомый.

Ясно, что разговор на эту тему закончен, но мое любопытство лишь возросло. Допив кофе, Владан взглянул на часы и сказал, поднимаясь:

– Будем считать, твой рабочий день уже закончен.

– Вот еще, – фыркнула я. – Что мне делать дома?

– Придумай что-нибудь.

– А ты что будешь делать?

– Отдохнуть, раз выпало такое счастье.

Он направился к дверям, и я за ним в надежде, что мы еще некоторое время побудем вместе. Но он, махнув рукой, сказал «пока» и зашагал в переулок.

После минутного размышления я решила, что у него назначена встреча. И отправилась за Владаном, держась на расстоянии. Дурацкий поступок, продиктованный неумеренным любопытством, а еще бездельем.

Владан шел, ни разу не обернувшись, но я все равно держалась от него подальше. Он скрылся в овощной лавчонке, а я заняла позицию на углу здания, чтобы в случае его появления успеть спрятаться.

Прошло минут десять, я начала терять терпение. Что он там делает столько времени? Вряд ли овощи покупает, на это есть Маринка, значит, зашел поболтать с хозяином? Я переминалась с ноги на ногу, прикидывая, стоит ли подойти поближе, и едва не взвизгнула от неожиданности, почувствовав чью-то руку на своем локте. Рука принадлежала Маричу, и сам он стоял за моей спиной, сурово хмурясь.

– Привет, – расцвела я улыбкой.

– Какого хрена ты за мной увязалась? – ворчливо осведомился он.

– Ничего подобного, я просто...

– Девочка-врушка, – хмыкнул он.

– А тебе есть что скрывать? – в отместку съязвила я.

– Конечно, нет.

– Тогда я с тобой пойду.

– Куда?

– А куда ты собрался?

Он тяжело вздохнул:

– Иди домой.

– Все-таки подозрительно, что тебе так хочется от меня избавиться.

– Я уж об этом и мечтать перестал, – ввернул он.

А я сказала:

– Свинья. – И тут же добавила: – У тебя встреча, о которой я не должна знать?

– О господи! С чего ты взяла? Ладно, идем, не то ты бог знает что навывдумываешь.

Мы вернулись к офису, но заходить в него не стали. Владан направился к своей машине, и я за ним.

Через двадцать минут мы тормозили возле набережной.

– Сиди здесь, – приказал Владан, покидая джип.

– И что я здесь увижу? – скривилась я.

– А что бы ты хотела? – Он захлопнул дверь, вовсе не ожидая ответа на свой вопрос, и зашагал по аллее в сторону реки. Достиг обзорной площадки с фонтаном и устроился на скамейке.

Туристов в тот день было не много, я продолжала наблюдать за Владаном, гадая, кто сейчас появится. Оказалось, уже появился. На скамье сидел мужчина в белой футболке с газетой в руке. Когда Владан сел на ту же скамью, мужчина свернул газету и что-то ему сказал, протягивая ее. Владан сунул газету в карман своего пиджака, и они минуты две болтали, глядя на реку. Потом Владан поднялся, пожал мужчине руку и направился ко мне.

– Что это за газета? – спросила я, как только он сел рядом.

– Просто газета, – вроде бы удивился Марич.

– Ты не читаешь газет.

– Много ты знаешь.

Он завел машину и бросил газету мне на колени. Схватив ее, я тщательно просмотрела все двенадцать страниц. Ничего интересного.

– Зачем она тебе? – умоляюще спросила я.

– От комаров отбиваться, – серьезно ответил он.

– Что это был за тип?

– Старый знакомый. Хотел услышать совет.

– И что?

– Услышал. Надеюсь, теперь ты отправишься домой?

Возле офиса мы простились, и я об этой истории через час уже забыла. А сейчас вспомнила. Звонок, встреча на набережной, неожиданный отъезд Марича. Маринка бьет поклоны в церкви, а Тамара хмурит лоб и тоже крестится.

Картинка складывалась, скажем прямо, тревожная. Конечно, я не раз слышала разговоры о том, что мой босс выполняет задания спецслужб. Якобы еще с войны в Боснии, в которой ему довелось участвовать совсем мальчишкой. Его связям можно позавидовать, об этом я знала доподлинно: «знакомые» находились в самых неожиданных местах. Опять же, я не могла не обратить внимание на особое отношение к Владану сотрудников правоохранительных органов, что косвенно свидетельствовало: слухи не такие уж беспочвенные. Но за время, пока я у него работала, он впервые вот так вот исчез. Одно ясно: то, что для меня в диковинку, для Маринки и даже Тамары вещь скорее привычная. Припомнив все нюансы нашей сегодняшней встречи с соперницей, я невольно поежилась: даже подумать страшно, где Марич может быть сейчас. Схватив сумку, я бросилась в церковь и долго молилась у иконы Богородицы, очень надеясь, что буду услышана.

Теперь к тоске из-за его отсутствия прибавились страх и беспокойство. Вряд ли Маринке известно намного больше, чем мне. В любом случае расспрашивать ее бесполезно. А вдруг он надолго уехал? Лишь бы живой вернулся. И поскорее.

Я все-таки зашла к Маринке, в надежде если и не обсудить свои догадки, то хотя бы просто поговорить о Мариче, но дома ее не застала. Выходило, что делать мне в офисе действительно нечего. Решив навестить папу, я направилась к машине. Это лучше, чем метаться в четырех стенах в крайней тревоге.

Только я тронулась с места, как из подворотни показалась стайка мальчишек. Самому старшему было лет тринадцать, он шел чуть впереди. Слева от него весело подпрыгивал в такт мячу, которым он бил по асфальту, вихрастый пацан с таким веснушчатым лицом, что на ум тут же приходил домовенок из мультика. Рыжие волосы ослепительно сверкали на солнце. Никого из мальчишек я не знала, и это слегка удивило. В этом районе болтаться на чужой территории опасно. Дрались здесь отчаянно, улица на улицу, и, несмотря на юный возраст бойцов, драки были весьма кровавые. По словам Тамары, на прошлой неделе одному из мальчишек нос сломали.

Рыжий, до того момента ловко управлявшийся с мячом, засмотрелся на мою машину, и мяч покатился под колеса, я, как на грех, увеличила скорость и сманеврировать попросту не успела, да и не было особых

возможностей для маневра, разве что на тротуар вылететь, но на тротуаре в тот момент находились прохожие. В общем, судьба мяча была предрешена. Мальчишки замерли, дружно ахнув, а я с опозданием затормозила. Мяч остался на асфальте, являя собой довольно жалкое зрелище.

– Извини, – сказала я, открывая окно.

Старший отвесил Рыжему затрещину и буркнул:

– Сам виноват.

В глазах Рыжего стояли слезы, и вовсе не из-за тумака, он смотрел на бывший мяч, как смотрят на возлюбленную, с которой расстанутся навеки.

– Придунок, – в сердцах добавил старший, махнул рукой, и компания отправилась дальше по улице.

Рыжий забрал мяч, точнее, то, что от него осталось, и теперь шел позади всех, держа его под мышкой. Непонятно, что он с ним собирался делать. «Вряд ли его можно починить», – подумала я. Кстати, при других обстоятельствах данное происшествие могло мне выйти боком, здешние пацаны весьма изобретательны и мстят обидчикам люто и беспощадно. Свинтить колеса или выбить стекло у машины им ничего не стоило. Но если б они лелеяли планы мести, уже сообщили бы мне об этом. Точнее, потребовали бы новый мяч, красочно обрисовав, что будет, если я этого не сделаю. Вместо этого вину переложили на Рыжего и удалились. Их покладистость объяснялась просто: они меня узнали. Тот факт, что я работаю у Владана, решал все, делая меня для местной шпаны лицом неприкосновенным.

Происшествие немного отвлекло от тревожных мыслей о Марице, я ехала по направлению к родительскому дому и по дороге позвонила отцу.

– Ты сегодня очень занят? – спросила я, когда папа ответил.

– Вечером у меня встреча, но могу перенести.

– Не надо. А как насчет того, чтобы пообедать вместе?

– Отличная идея. Сможешь подъехать в «Розу ветров»?

– Конечно.

– Я буду там через час.

У меня оставалось еще много времени. Ресторан находился на набережной, и я, оставив машину на парковке, решила прогуляться вдоль реки. Возвращаясь назад, я заметила машину отца, он, по всей видимости, приехал раньше, до назначенного срока оставалось минут двадцать. Не успела я обрадоваться, как наткнулась взглядом на еще одну знакомую тачку и головой покачала. Неужто папа не оставил идею помирить меня с бывшим мужем? Последнее время разговоров на эту тему он не заводил, и я успокоилась. Выходит, поспешила.

Я все-таки поднялась на веранду ресторана и сразу увидела отца в компании Забелина, они пили кофе и неспешно беседовали. Бывший сидел ко мне лицом и заметил меня раньше отца, на его физиономии появилась улыбка, с которой родители-мученики обычно взирают на неразумное чадо.

Папа повернулся и помахал мне рукой. Мой бывший супруг – редкая сволочь, но папа, к сожалению, об этом не догадывается.

Когда я еще училась в школе, Забелин меня похитил, выкуп стоил родителю кучу денег, а мне несколько лет душевных терзаний и комплексов. Похитителя я не видела, и его так и не нашли. Но однажды он сам появился в роли прекрасного принца, а я была такой душой, что втюрилась в него по самые уши. Однако через год совместной жизни у меня возникли подозрения, которые Забелин встретил с насмешкой, был уверен: влюбленная дура, то есть я, никуда от него не денется. И просчитался. Мы расстались и даже заключили что-то вроде соглашения о взаимном ненападении. Папа испытывал к зятю большую симпатию, Забелин при желании мог прикинуться отличным парнем, к тому же оказался толковым бизнесменом, а отец всегда мечтал о сыне-наследнике, из меня-то бизнесмен вряд ли получится. В общем, огорчать его еще больше не хотелось. Забелин придумал причину для развода, которую я опровергать не стала, и остался у папы на хорошем счету. Я знала, что они продолжают видеться, мало того, у них есть совместные проекты, но по негласному уговору с отцом мы подобных встреч избегали. И нате вам.

– Привет, – сказала я, даже не пытаясь скрыть недовольство.

– Здравствуй, милая. – Папа поднялся и меня поцеловал.

Забелин вскочил и заботливо придвинул стул с видом благовоспитанного мальчика, который знает, как себя вести в обществе. Ни за что не догадаешься, что издевается. Однако, улучив момент, он мне подмигнул, мол, поиграем? Очень хотелось сказать гадость, но это бы весьма расстроило папу. Мало того что дочка-дурочка развелась с таким сокровищем, так еще и манеры у нее подкачали.

Я была уверена, Забелин продолжит развлекаться, изображая принца в изгнании, но он, вероятно, вспомнил о нашем уговоре и решил не нарываться, произнес с легкой грустью:

– Не буду вам мешать, – и поспешно откланялся, чем очень порадовал.

Папа простился с ним в высшей степени дружески и даже вздохнул, глядя ему вслед, правда, постарался сделать это незаметно. Для меня загадка, как мой отец, человек умный и, безусловно, хорошо разбирающийся в людях, до сих пор не понял, с кем имеет дело. То ли Валерка актер от Бога, то ли все мы готовы обманываться, лишь бы

сохранить выстроенный нами мирок, где все привычно и понятно.

Папа, заметив мой взгляд, сказал ворчливо:

– Я не нарочно.

– Надеюсь, – кивнула я. – Сводить нас с Забелиным довольно глупая затея.

– Хотелось бы знать почему?

– Мы это уже обсуждали.

– Вот уж неправда, – продолжил ворчать отец. – Остается лишь догадываться о причине твоей стойкой неприязни к мужу.

– К бывшему мужу, – поправила я, а папа не отказал себе в удовольствии съязвить:

– К сожалению. И не смотри так. С Валерой мы встретились еще час назад и до твоего прихода собирались расстаться. Ты пришла чуть раньше.

– Извини.

– Не говори глупостей. Расскажи лучше, как твои дела?

– Плохо, – вздохнула я.

– Что случилось? – насторожился отец.

– Марич отправил меня в отпуск. И я понятия не имею, чем себя занять.

– А сам он тоже отдыхает? Со своей подружкой? Тебя действительно устраивают ваши... как бы это помягче... необычные отношения?

– Папа, что здесь необычного? Я его люблю, а он меня нет. Ты что, никогда о таком не слышал?

– Прости, но это какая-то блажь, так же как и твоя работа. С твоим дипломом... – Тут отец махнул рукой и добавил мягче: – Может, ты пока у меня поработаешь? Временно, раз уж твой Марич в отпуске?

– Меня вполне устраивает моя работа, просто без Владана мир блекнет и тоска наворачивается. Ты не поверишь, но я вполне счастлива, папа. Лишь бы он поскорее вернулся.

Отец покачал головой и вздохнул:

– Может, подобные чувства и хороши для романов, но для своей дочери я бы хотел семейного счастья, заботливого мужа и детишек, двух, а лучше трех. Я мечтаю стать дедом, и твоя несчастная любовь попросту пугает. Одно утешает: когда-нибудь она должна закончиться.

– Все когда-нибудь кончается, – не стала я спорить.

Подошел официант, мы с папой сделали заказ и продолжили разговор, избегая темы Владана и моей работы. Согласия в этом вопросе мы не достигнем, а аппетит друг другу портить не хотелось.

– Если уж у тебя отпуск, ты могла бы съездить куда-нибудь, – сказал

отец.

– Может, и съезжу. Попозже.

– Будешь сидеть в офисе? – нахмурился он. – Какой в этом смысл? Ладно, делай как знаешь.

Я мысленно вздохнула, беда как раз в том, что делать мне совершенно нечего. Может, Маринку в кино позвать?

Часа через полтора мы простились с папой, после обеда немного прогулявшись по набережной.

После недолгого размышления я отправилась в офис. Еще раз вытерла пыль, вымыла полы и разобрала бумаги, в основном платежки за коммунальные услуги. Подумала, что Маринка уже должна вернуться. Только собралась звонить ей, как она сама появилась. Входная дверь хлопнула, а вслед за этим Маринка заглянула в кабинет.

– Все сидишь? – спросила хмуро.

– Тебе-то что за дело, скажи на милость?

Приглашать ее в кино тут же расхотелось.

– Денег у тебя куры не клюют, – продолжила Маринка. – Могла бы найти себе развлечение.

– Свой первый миллион я еще не заработала, – съязвила я. – А у папы брать принципиально не хочу. А ты где-нибудь отдохнуть не желаешь?

– Обязательно. Отдохну вместе с Владаном, – в ответ съязвила Маринка, но уходить не спешила, из чего я сделала вывод: ей так же тошно, как и мне.

Налив воды в чайник, я дождалась, когда она закипит, заварила чай, разлила по чашкам и одну подала Маринке.

– Конфеты есть? – буркнула соперница.

– Варенье. Владан не любит конфеты.

– Варенье он тоже не любит. Давай что есть.

В молчании мы выпили чаю.

– Ты правда не знаешь, где он? – все-таки спросила я. Она лишь головой покачала. – Он недавно встречался с каким-то типом...

Маринка в ответ на эти слова кивнула.

– Часто он так исчезает?

На этот раз она пожала плечами:

– По-разному. В прошлом году часто, а в этом – первый раз. Ты особо об этом не болтай, уехал и уехал.

– Тамара, похоже, догадывается.

– Шила в мешке не утаишь, но все равно помалкивай. Пойдем в кино сходим, что ли? – поднимаясь, предложила она. – Вот почему так: то

времени хронически не хватает, а он уехал, и дел вроде никаких.

С этим я вынуждена была согласиться. И мы отправились в кино, а потом еще с час гуляли. Вечер был теплым, небо звездным, грех дома сидеть. Наш променад без внимания не остался, соседи маячили в окнах, прохожие оборачивались. Мысли у тех и других легко читались на физиономиях, по идее, мы должны друг друга не жаловать (в этом я, кстати, с гражданами была согласна), а мы прогуливаемся чуть ли не под ручку.

– Хочешь, у меня оставайся, – сказала Маринка, когда я собралась домой.

– Спасибо, – ответила я, решив, что это уже слишком.

Она что думает, я брошусь под ближайший паровоз? В общем, я отправилась домой. Часов до двенадцати читала любовный роман, а потом болтала по скайпу с подружкой. У нее, кстати, бывают видения, и в одном из них, случившимся на днях, я, веселая и, само собой, счастливая, шла под руку с мужчиной. Надеюсь, с Владаном, все прочие меня совсем не интересуют. Убедив себя, что это хороший знак, я отошла ко сну в умиротворенном состоянии духа.

Утром по дороге в офис я обратила внимание на витрину магазина спорттоваров и вспомнила о мяче, закончившем существование под колесами моей машины. Заехала на парковку и пошла покупать мяч. На то, чтобы выбрать достойный экземпляр, потратила примерно полчаса и к офису подъехала с заметным опозданием.

Тут меня ждал сюрприз. На ступеньках сидел Бад, то есть Басаргин Алексей Дмитриевич. Прозвище Бад он получил по первым буквам фамилии, имени и отчества. Оно прилепилось к нему еще в детстве, когда он сколотил банду на своей улице. В отличие от Владана этот район Бад давно покинул, жил в шикарной квартире в самом центре, и, если верить его словам, веселое, как он выражался, прошлое осталось далеко позади. Теперь он бизнесмен и законопослушный гражданин. С первым я согласна, второе вызывало сомнение, правда, робкое, потому что, сказать по правде, о делах Бада я ничего не знала. С Владаном они дружили с тех пор, как себя помнили. С годами дружба их лишь крепла, но несколько лет назад жизнь развела их далеко и, казалось, навсегда. По крайней мере, Владан бывшего дружка знать не желал. О причинах я кое-какое представление имела, оттого далеко не все претензии Владана казались мне обоснованными. Но теперь и здесь наметились перемены. Под ручку, как вчера мы с Маринкой, они не ходили, но пиво пару раз уже пили, о чем я знаю доподлинно.

Мои отношения с Бадам можно было назвать дружественно-

ироничными. Он любил надо мной подтрунивать, а я в ответ дерзила, чем повергала в изумление ту же Маринку: никто на обозримом пространстве ничего подобного позволить себе с Бадом не мог.

В общем, его появление тем утром не было громом среди ясного неба, учитывая наметившееся улучшение отношений между ним и моим боссом. Но удивление все же вызвало, если сидит он в это утро не в своем офисе, а рядом с нашим, значит, тому должна быть весома причина.

Увидев меня, Алексей улыбнулся, щурясь на солнце, солнцезащитные очки он сдвинул на лоб и сказал, кивнув на мяч в моих руках:

– Поиграем?

– Я умею только в «лягушку», – ответила я, садясь рядом с Бадом, и положила мяч на ступеньку.

– Научишь?

– Ты по делу?

– Соскучился, – усмехнулся он.

– Придется еще поскучать, Владан решил немного отдохнуть.

– От непосильных трудов?

– Нет, от нас с Маринкой. По крайней мере, именно это было в его записке, а сомневаться в словах босса – дурной тон.

– Поэтому у тебя мордаха грустная? – проявил любопытство Бад.

– Мордаха просто помятая, сериал до утра смотрела.

– Какой?

– Дурацкий.

– Понятно. Не переживай, вернется твой работодатель целым и невредимым, разве что немного загорелым.

– Почему? – насторожилась я.

– Что «почему»? – нахмурился Бад, изображая недоумение.

– Почему загорелым? Ты ведь это не просто так сказал?

– О господи...

– Ты знаешь, где он?

– Понятия не имею.

– Врешь. Знаешь.

Мы понемногу начинали скандалить, и тут Алексей махнул рукой в досаде.

– Угораздило брякнуть. Клянусь, я ничего не знаю, просто... предполагаю. Где сейчас самая большая заваруха?

– Ты думаешь... – ахнула я, а он перебил:

– Все. Отстань от меня. Вернется Серб, у него и спросим, где его носило. Между прочим, я заехал тебя провести, соскучился. По тебе, а не

по Владану.

– А кто говорил, что я зануда?

– Я соскучился по твоему занудству. Вечером поужинаем вместе?

– Лучше в кино пойдем.

– Если хочешь... – поскучнев, пожал он плечами. – Почему в кино-то?

– Вчера с Маринкой ходили, сегодня с тобой. Голливуду за нами не угнаться.

– По мне, так хорошая пьянка с элементом легкого дебоша тебе точно не повредит. Опять же, я рассчитываю тебя соблазнить. Самое подходящее время, пока этого типа где-то носит. Надеюсь, ты в своих поползновениях на его горячее тело особо не продвинулась?

– Не каркай, гад. Я не теряю надежды.

– Я тоже. Вчера сон видел, веду тебя под венец, ты вся такая красивая, в белом с переливами, и я рядом тоже ничего.

– Мне по пьянке тоже, бывает, кошмары снятся, – ответила я, но слегка запаниковала, вспомнив сон подруги. – Надо меру знать, не то чего и похуже привидится.

– Я был счастлив. Но недолго. Если честно, там было продолжение: появился Серб, взял тебя за руку и к алтарю повел, а мне сказал «перетопчешься». Вот ведь свинство.

– Такой сон мне нравится, – прониклась я. – Вот так бы спала круглые сутки и с ним к алтарю ходила.

– Как насчет ужина?

– Я на диете. Осчастливь кого-нибудь другого, то есть другую, я хотела сказать.

– Ты разбила мне сердце, – вздохнул Бад. – Я одинок и бесконечно несчастлив...

– Хватает совести морочить людям голову, – в тон ему продолжила я. – Уверена, девушек у тебя полтора десятка. Блондинки, брюнетки и рыжие – под цвет разных галстуков.

– Пальцем в небо. Последняя оказалась бритой наголо. Не подходила ни под один мой костюм. Пришлось с ней проститься. А жаль, хорошая была девушка.

– Может, мне тоже побриться? Владан решит, что я неизлечимо больна, и выполнит заветное желание.

– Давай я его выполняю?

– Давай ты куда-нибудь пойдешь... – Я поднялась, и Бад, смеясь, тоже.

– Мячик тебе зачем? – спросил он, взяв мяч из моих рук, и принялся стучать им об асфальт.

- Пацану одному задолжала.
- Так как насчет ужина?
- Подумаю.

Он вернул мяч, поцеловав меня в лоб, и пошел к своей машине, оставив гадать: зачем он приезжал? Слух о Владане и до него дошел, вот и решил проверить?

– Если ни один костюм не подойдет, я готов ходить голым, – крикнул он, уже садясь в машину, а я помахала ему рукой.

В офисе я в очередной раз занялась уборкой. По чистоте кабинет теперь мог соперничать с операционной, но при всем старании занять себя больше чем на два часа я не смогла, с ужасом думая, что впереди целый день. Бог знает, сколько еще таких дней осталось до возвращения Владана. Хотя бы какой-нибудь потенциальный клиент пришел, все веселее.

Я то и дело поглядывала в окно, надеясь обнаружить вчерашних мальчишек. Улица точно вымерла.

Ближе к обеду я отправилась к Тамаре, есть не хотелось, однако выпить кофе и немного поболтать я была не против. Когда я переходила дорогу, в конце улицы показался знакомый мальчишка. Стоя возле дверей бара, я дождалась, когда он приблизится.

– Привет, – сказал он, протягивая мне руку.

С серьезными людьми принято за руку здороваться, здешние мальчишки этому правилу следовали, что лично у меня вызывало хорошо скрываемое умиление. Само собой, я оказалась в числе «серьезных» людей благодаря Владану, а не за собственные заслуги, которыми вряд ли обладала с точки зрения местных, что, кстати, совершенно справедливо.

Алику было одиннадцать, ростом он похвастать не мог, доставал мне до плеча, но, безусловно, чувствовал свое превосходство, будучи мужчиной, то есть сильнее и парадоксально старше. С этим точно ничего не поделать, и я давно смирилась, хотя иногда очень хотелось дать затрещину «настоящим мужчинам» вроде Алика.

– Привет, – ответила я, максимально крепко пожав протянутую руку.

– Владан надолго уехал?

«Ну что за район?» – подумала я, а в ответ сказала:

– Кто ж знает.

Алик, сурово нахмурясь, кивнул с пониманием:

– Ну, помогай, Господи, – выдал он, повторяя где-то услышанную фразу.

Я удивилась, не удержавшись, спросила:

– Ты вроде мусульманин, нет?

– Бог един, – заявил Алик с видом заправского проповедника. – А молиться Ему каждый может, как считает нужным. Это, кстати, Владан сказал.

– Ну, если Владан сказал... – вздохнула я.

Об особом здесь отношении к Маричу я уже говорила, однако Алик принадлежал к той категории местных, которые считали моего босса практически святым, и то, что он по улице ходит без нимба над головой, лишь свидетельствует о его скромности и равнодушии к головным уборам.

Если честно, у Алика был для этого повод. Год назад у мальчишки заболела мать, Владан оплатил дорогостоящую операцию. Алик, пока мать была в больнице, жил у родни, но Владан навещал его каждый день, убеждая, что с матерью будет полный порядок. К счастью, все так и закончилось. Только не подумайте, что у моего работодателя тут одни друзья и почитатели, врагов тоже предостаточно.

Наконец я решила отвлечься от личности Марича и перейти к насущному:

– Вчера пацанов здесь видела. Чужих.

– Чужих? – переспросил Алик, в оригинале это должно было звучать как: «без объявления войны враг вторгся на нашу великую Родину...» и далее по тексту. Чужие тут и правда не ходили без особой к тому нужды, в основном в целях собственной безо-пасности.

– Да, – кивнула я. – Я у них футбольный мяч раздавила нечаянно.

– А-а, – обрадовался Алик. – Вчера за школой товарищеский матч был.

– Наши выиграли?

– Продули. Два ноль. Правильно ты этим гадам мяч раздавила.

– Мячи давить в отместку неспортивно. Так, кстати, Владан сказал. А с кем играли?

– С Барсами.

У уличных банд названия были одно другого цветистее, к счастью, ничем особо предосудительным они не занимались, с поправкой на то, что драки, мелкое хулиганство и воровство, тоже мелкое, здесь считалось нормой.

– Они откуда?

– Со Дна.

Тут надо пояснить: район, раскинувшийся вокруг старого рынка, в народе прозывался Ямой из-за своего специфического месторасположения, и название это вполне оправдывал уже совсем в ином смысле. Похоже, власти на него давно рукой махнули. Дно – самая низкая точка Ямы, трупщобы, вплотную примыкающие к рынку, что-то сродни фавелам, туда

даже местные старались не заглядывать, а шпана считалась и вовсе отмороженной. Неудивительно, что наши парни продули, «водолазы», как звали обитателей Дна, наверняка устроили настоящее побоище.

– У них там Рыжий есть такой, с веснушками. Он мяч нес.

– Рупа, – кивнул Алик.

– Это прозвище?

– Не-а, имя.

– Ладно заливать. Нет такого имени.

– Говорю тебе, есть.

– Допустим, хотя пацан на русского похож. Откуда такая экзотика?

– На рыжее чучело он похож, – хмыкнул Алик. – А русский или нет...

Они ж там все вперемешку живут, ты знаешь. Зовут Руперт, это совершенно точно.

«Господи, – мысленно ахнула я. – Как он тут с таким именем и сумасшедшей мамашей в придачу?»

– А мяч ему вроде отец подарил. Хотя никакого отца у него сроду не было. И вдруг нате вам. Рупа на этот мяч только что не молился.

– Отцы иногда появляются, – заметила я миролюбиво, Алик зло хмыкнул.

– Ага. Мамаша кого-нибудь нашла. Сначала мячи дарят, а как приживутся, одни подзатыльники. У Вована из тридцать седьмого дома теперь тоже отец. Вован вторую неделю на чердаке живет.

– Рупу где найти можно?

– Зачем?

– Мячик отдать.

– Здесь он точно не появится.

– Вот и спрашиваю: где его искать?

– Ты дура, что ли, на Дно соваться? – возмутился Алик. – Там одни чокнутые. Без мяча проживет. Вот Владан вернется, тогда и отдашь. Кстати, нам бы мяч тоже не помешал.

– Ваш я не раздавила, так что перебьетесь.

Я отправилась к Тамаре, а Алик пошел дальше по улице.

– О чем с Аликом болтала? – спросила толстуха, лишь только я устроилась за стойкой. Любопытством она отличалась прямо-таки патологическим.

– Спрашивала про одного мальчишку. Я у него вчера мячик раздавила нечаянно.

– Кто-то из наших?

– Алик говорит – из «водолазов».

- Уж не хочешь ли ты туда отправиться? – фыркнула она.
- Между прочим, – разозлилась я, – это просто городской район. Да, не самый лучший, но там живут такие же люди, как и мы.
- Такие люди, как ты, живут в особняках вдоль реки. У твоего папы домишко там находится? А квартирка у тебя в самом центре.
- И что? – хмыкнула я.
- А то...

После этих слов захотелось немедленно на Дно отправиться, однако здравый смысл победил. Болтаться одной по тамошним трущобам не самое ра-зумное занятие. Как же я тогда мяч передам? Я отложила решение этого вопроса на следующий день, но ничего толкового в голову так и не пришло.

К вечеру объявился Бад, и мы отправились ужинать. Напиваться не стали, но время провели приятно. Пару раз я задавалась вопросом: Бад со мной мил и предупредителен из большой дружбы с Владаном или я ему и в самом деле нравлюсь? Выходило по-разному, то мне казалось, что нравлюсь, то становилось очевидным: это просто дружеский треп, и ничего больше. Впрочем, не так уж меня интересовал ответ.

Моя машина осталась возле офиса, куда мы и вернулись ближе к полуночи. Я отправилась домой, Бад сопровождал меня на своем «БМВ», дождался, когда я войду в подъезд, но уехал не сразу, а лишь после того, как я включила свет в кухне и подошла к окну. Он мигнул фарами и отчалил, а я подумала: Бад считает своим долгом, пока Владана нет, меня оберегать и даже развлекать. А может, это Владан его попросил?

Мысли о Мариче вызвали привычное беспокойство, и я, прежде чем лечь спать, долго молилась, взяв с полки купленный в церкви сборник, где оказались молитвы на все случаи жизни.

Последующие дни мало чем отличались друг от друга. Днем я мучилась от безделья, завтракала с Маринкой, обедала с Тамарой. Вечером приезжал Бад, и мы отправлялись в ресторан, в кино, гуляли по набережной. А один раз даже были в театре. Маринка по утрам непременно интересовалась, где мы были накануне, и сияла, как медный чайник. На предложение присоединиться к нам отвечала решительным отказом. Надо полагать, не теряла надежды, что я брошусь в объятия Басаргина и угроза ее счастью наконец исчезнет. Зря надеется. Но огорчать ее не хотелось, и подобные мысли я держала при себе.

Прошла неделя. Мяч лежал в офисе неммым укором. Самый простой способ передать его рыжему Руперту – попросить об этом кого-то из мальчишек. Хоть того же Алика. Самый простой, но не самый разумный, учитывая их страсть к дракам.

От безделья я отправилась с папой в Санкт-Петербург. В результате в офисе я появилась лишь через пять дней. Вошла, взглянула на пустующее кресло, где обычно сидел Владан, и заревела. Его нет две недели, уже две недели, а может, всего две. Тут взгляд мой метнулся к мячу, и я решила доставить его немедленно, тем самым наполнив свою жизнь смыслом, дабы окончательно не расклеиться. Взяла мяч, направилась к двери и, уже стоя на ступеньках, подумала: ехать на машине? Или лучше пешком? Моя машина в глаза бросается, как американский флаг в российской глубинке. Граждане Дна живут по старинке, с шиком раскатывая на кое-как залатанных «Жигулях», а «Волга» все еще считается показателем благосостояния.

Держа мяч под мышкой, я пошла в сторону рынка, убеждая себя, что совершенно ничем не рискую. Белым днем никто ко мне цепляться не станет, это глупо. Вечером, когда все по домам попрячутся, – другое дело. Подбадривая себя подобным образом, я и не заметила, как достигла Дна. Пересекла невидимую границу, слегка удивляясь дурной славе этих мест: никаких отличий от привычного пейзажа. Те же дома, что и два квартала позади, те же магазинчики, торговля с лотков, сквер с поломанными скамейками и перевернутыми урнами. Мусора на тротуарах примерно столько же. Окна, выходящие на проезжую часть, такие же грязные. Коты на подоконниках, бродячие собаки, в общем, ничего особенного.

Я глазела по сторонам в надежде увидеть мальчишек, неважно, кто это будет. Уверена: здесь все друг друга хорошо знают. Довольно скоро мне повезло. Заглянув в один из дворов, я заметила играющих детей: двух девчонок лет семи и мальчика помладше.

– Вы Рупу знаете? Рыжий такой? – спросила я. Мальчик с интересом разглядывал мяч в моих руках, девчонки дружно кивнули. – Где его найти?

Девчушка с короткой стрижкой ответила:

– Я покажу, – и пошла в сторону покосившихся сараев, сказав подруге: – Я быстро, ты за братом смотри. Мяч Рупе? – принялась расспрашивать моя провожатая, ныряя в жуткого вида подворотню. – Значит, это ты его мяч раздавила?

– Я.

– Он здорово переживал. Отцовский подарок. Пацаны его дразнят, что отец не настоящий. Ну и что? Хоть такой. Мяч купил. А отцы почти у всех не настоящие. У меня тоже. Ну, не тот, кто нас родил.

Я не знала, чему изумляться больше: разумности доводов совсем юной особы или убогости строений, мимо которых мы проходили. Это даже трущобами не назовешь, настоящие развалины. Прогнившие рамы,

осыпавшая штукатурка, латанные-перелатанные крыши и удобства во дворе. И это практически в центре губернской столицы, в двадцать первом веке.

На колонке (водопровод здесь был не у всех) женщина полоскала белье, перекладывая его из одного таза в другой.

– У нас вода есть, – проследив мой взгляд, с гордостью заявила девчонка.

– Далеко нам еще? – спросила я, вдоволь насмотревшись на местные достопримечательности.

– Не-а, они на пустыре, совсем рядом.

Пьяный мужик сидел на покосившемся крыльце, толстая баба остервенело била его по голове тапкой, он пытался увернуться, чем еще больше выводил ее из себя.

– Она дурная, – прокомментировала девчушка.

Тетка вдруг повернулась и заорала громко:

– Чего уставились!

Я сочла за благо ускорить шаг, машинально взяв девочку за руку.

«Ужас, – билось в мозгу. – Как можно здесь жить?»

И тут некстати вспомнила слова Тамары.

«Это их жизнь, – подумала в досаде. – И уж точно не мне их судить».

Девчушка тянула меня за собой.

– Сказала ведь, она дурная, – произнесла нетерпеливо, и мы быстрым шагом отправились дальше.

Еще одна подворотня, и мы наконец оказались на пустыре, довольно большом и, странное дело, не захламленном. Его приспособили под футбольное поле. Вместо ворот столбы с перекладиной, по импровизированному полю бегали два десятка мальчишек, на перевернутых ящиках сидели трое ребят постарше, курили, наблюдали за игрой.

– Вон Рупа, – ткнула девочка пальцем в одного из игроков, впрочем, я его уже заметила, что немудрено: рыжая шевелюра бросалась в глаза даже на расстоянии. – Тетя, ты мне мороженое купишь? – подергав меня за руку, спросила девочка.

– Да, конечно.

– Мне идти надо, – сказала она.

Я полезла в кошелек, достала купюру и протянула ей:

– Купи мороженое себе и подружке с братом.

– Спасибо. Дорогу найдешь?

Она уже бежала к подворотне, не дожидаясь моего ответа, а я, держа мяч под мышкой, наблюдала за игроками.

Очень скоро на меня обратили внимание те самые ребята постарше. Один из них громко свистнул, игроки дружно повернулись в его сторону, игра разладилась. Воспользовавшись этим, я крикнула:

– Рупа! – и помахала ему рукой.

Рыжий посмотрел на меня, перевел взгляд на троицу подростков и нерешительно направился в мою сторону. Вслед за ним и остальные, в том числе трое курильщиков. Я почувствовала легкое беспокойство, вполне вероятно, уйду отсюда без мобильного. Денег в кошельке кот наплакал, потеря невелика... Первое правило улицы: хочешь выжить – не показывай, что боишься.

Мальчишки подошли совсем близко.

– Привет, – сказала я, обращаясь к Рупе и делая вид, что остальных просто не замечаю. – Я тебе мяч принесла. Извини, что так вышло.

Мальчишка смотрел в нерешительности.

– Он сам виноват, – сказал один из подростков, наклонился к Рупе и что-то шепнул ему на ухо.

Тот взял мяч, кивком поблагодарив. Тот же парень отвесил ему подзатыльник.

– Язык проглотил от счастья?

– Ты с руками поаккуратней, – посоветовала я, парень усмехнулся, но промолчал.

А Рыжий буркнул:

– Спасибо.

– Пока, – сказала я и зашагала туда, где несколько минут назад скрылась девочка.

Мальчишки приступили к игре, а у меня появился провожатый, тот самый любитель раздавать подзатыльники. Он шел за мной, держась на расстоянии, но это совсем не успокоило.

«В конце концов, он почти ребенок, – думала я. – Как-нибудь справлюсь».

Очень скоро стало ясно: я умудрилась заблудиться, должно быть, размышляя, чего стоит ждать от жизни, пропустила нужный поворот. Переулок был точно незнакомый. Из пяти домов два заброшенных, и ни души вокруг. Куда идти, налево, направо? Я свернула направо, но вскоре выяснилось: там тупик. Пришлось возвращаться. Мальчишка стоял, привалившись к стене дома, сунув руки в карманы джинсов, что-то насвистывал, поглядывая в небо.

Когда я поравнялась с ним, он позвал:

– Эй, тебя Полиной зовут?

– Да. А тебя?

– Виктор, – он протянул руку, и я ее пожала. – Хотя все зовут Котом, у меня фамилия Котов.

– Виктор мне все-таки нравится больше. – Страх мой исчез, как только парень произнес мое имя. Он меня знает, точнее, знает, у кого я работаю, так что можно не волноваться.

– Ты заблудилась, что ли?

– Похоже, что да.

– Понятно. А я смотрю, носишься как ошпаренная, туда-сюда... Тебе куда надо?

– К «Продуктовому» на углу Семашко, там уж точно не заблужусь. Ты решил меня проводить?

– Конечно, решил. Ты особо по подворотням не болтайся. Район у нас, сама знаешь...

– Я подумала, днем безопасно.

– Для своих и вечером нормально, но лучше не рисковать. Мало ли придурков.

Мы достигли конца переулка, когда из подворотни показалась женщина. Длинные темные волосы падали на лицо, она была босая, в ситцевом платье в мелкий цветочек. Держась за стену, сделала несколько неуверенных шагов. Я решила, что она пьяная, и уже хотела отвернуться, картины здешней жизни порядком утомили, но тут заметила, что руки у нее в крови. Не только руки, босые ноги тоже окровавлены.

Я шагнула к ней, а Виктор сказал:

– Не связывайся, она небось в отключке.

Женщина, услышав голос, медленно повернулась, а потом начала оседать на землю, беззвучно шевеля губами. Лицо было таким бледным, точно из ее тела выкачали всю кровь, глаза казались черными впадинами. Под левой грудью ткань платья пропиталась кровью. Не обращая внимания на слова Виктора, я попыталась ее поддержать и смогла смягчить падение. Тело женщины завалилось вправо, и она, вздохнув, как будто с облегчением, закрыла глаза.

Виктор не сводил взгляда с кровавого пятна и хмурился.

– Отлепись ты от нее, – буркнул он. – В крови извозишься.

– Надо «Скорую» вызывать, – бестолково шаря руками в поисках мобильного, пробормотала я. – У нее, кажется, серьезное ранение.

– Ага, – кивнул он. – Кто-нибудь пырнул по пьянке. У меня мать в прошлом году батю ножом так отоварила, кровячки было будь здоров. Думали, загнется, а он ничего, очухался. Пьет больше прежнего.

Мобильный я наконец нашла и набрала номер «Скорой». Если бы не Виктор, общаться с ними было бы затруднительно, объяснить, где нас следует искать, я бы точно не смогла. Он взял у меня телефон, назвал адрес и добавил:

– Шевелись, а то она копыта отбросит.

Он вернул мне мобильный и присел рядом на корточки, косясь на женщину.

– Вроде дышит.

– Мать посадили? – спросила я в надежде отвлечься от жуткого зрелища.

– Чью? – не понял Виктор.

– Твою. Ты сказал, она отца ножом...

– А-а... не, не посадили. Батя напел, что хулиганы возле магазина напали, типа пузырь не поделили.

– Благородно, – подивилась я.

– Батя не дурак, если мать сядет, кто его кормить-то будет? Уж точно не я. Полина, – вдруг посуровел он. – Я, пожалуй, пойду. Доктора ментов вызовут, они потом в гроб вгонят своими вопросами, да и не жалую я ментов-то. А они, если честно, меня.

– Ты ее раньше не видел? – все-таки спросила я.

– Нет, не видел. Я думал поначалу, она бомжиха, домов здесь брошенных полно, они там селятся. Поскандалили, и схлопотала баба перо под сердце. Но бомжы тупые предметы предпочитают, да и она на синюху не похожа, лицо даже симпатичное.

Я посмотрела на женщину и согласно кивнула. Волосы очень темные и не похоже, что крашенные. Лицо восточного типа, разрез глаз, форма носа. Я попыталась прикинуть, сколько ей лет. Не больше тридцати пяти. Скорее всего, она гораздо моложе, мертвенная бледность и круги под глазами, понятное дело, не молодят.

Виктор выпрямился и сказал немного виновато:

– Я пошел.

– Иди. Спасибо тебе!

Он махнул рукой и скрылся в подворотне, а я сунула женщине под голову свою сумку и робко позвала:

– Вы меня слышите?

Понять, слышит или нет, было невозможно. Подумав, я позвонила в полицию, дежурный разговаривал со мной так, точно я сознательно отравляю ему жизнь, а когда услышал адрес, и вовсе чертыхнулся.

– Дождитесь машину, – пробормотал нервно и отключился.

Только я убрала мобильный, как увидела бабулю, она не спеша шла навстречу с хозяйственной сумкой в руках. За пятнадцать минут это первый прохожий.

– Пьяная, что ли? – поравнявшись со мной, спросила она, кивнув на женщину, и тут же нахмурилась, заметив кровавое пятно под грудью. – Кто ж ее так?

– Не знаю. Она вот отсюда вышла, – ткнула я пальцем в подворотню.

– Помрет, – буркнула бабка, а я разозлилась.

– С чего вы взяли?

– Вижу.

– Вы, случайно, не знаете, кто она такая?

– А мне, милая, чужая жизнь неинтересна, себя не люблю показывать и на других не смотрю. Тут всяких-разных пруд пруди, всех не упомнишь.

Однако уходить она не спешила, за что я была ей благодарна. Вскоре появилась еще одна местная жительница. Женщины живо обсуждали происшествие, и я вновь поинтересовалась, не знают ли они пострадавшую. Ответ получила отрицательный. Наконец подъехала «Скорая», из машины вышел врач, мужчина лет сорока. Не сказав ни слова, склонился к лежащей на асфальте женщине, проверил пульс, приподнял веки. Пока он все это проделывал, и полицейские пожаловали. Мужчин было двое, один из них спросил, обращаясь ко мне:

– Это вы звонили?

– Да. Женщина вышла вот отсюда, еле на ногах держалась. Я сначала подумала, что она пьяная. Пока кровь не увидела.

– Кто-нибудь ее знает? – теперь полицейский обращался к бабкам. Те молча покачали головами.

– Она мертва, – выпрямившись, произнес врач.

– Как же так... – начала я, он молча пожал плечами.

И, только проходя мимо полицейских, добавил:

– Нам здесь делать нечего...

«Скорая» уехала, один из полицейских стал звонить по телефону, второй задавал вопросы. Бабки хоть и сообщили, что ничего не видели и не слышали, так как пришли позднее, но отправляться по своим делам не торопились.

– Идемте в машину, – предложил мне полицейский.

Он устроился в водительском кресле, положив планшет на руль, я села рядом. Мой рассказ занял не больше пяти минут, вместе с его вопросами мы уложились в пятнадцать. За это время подъехала машина, в нее загрузили тело женщины. Полицейский посмотрел на меня с сомнением и

сказал:

– Если возникнут вопросы, вам позвонят. А сейчас идите домой и чего-нибудь выпейте. На худой конец валерьянки. Но лучше коньяка.

– Обязательно, – кивнула я, не особо оценив чужую заботу. – Может, мне стоит дожидаться опергруппу? Следовательно наверняка захочет поговорить со мной?

– Захочет, так позвонит, – пожал полицейский плечами с таким видом, что расследование, да и само существование следователей, начало вызывать сомнения.

Оттого, покинув машину, торопиться домой я не стала, а присоединилась к женщинам. К тому моменту их количество возросло до четырех человек, и в последующие двадцать минут к нам примкнули еще семь прохожих, двое мужчин и пять женщин разного возраста. Я пожалела, что не сделала фотографию погибшей женщины. Вдруг кто-то из присутствующих ее бы узнал?

Наконец появилась машина с двумя мужчинами в штатском. Выслушав краткий рассказ полицейского, который до того беседовал со мной, они принялись осматриваться без особого интереса, один скрылся в подворотне, а второй направился в дом напротив. Выглядел дом развалюхой, но, судя по шторам грязно-серого цвета, там могли обитать люди. Поняв, что ничего интересного не ожидается, народ начал расходиться, и вскоре я осталась в одиночестве.

Когда один из следователей вернулся, полицейский кивнул в мою сторону и сказал:

– Девушка труп обнаружила, то есть тогда еще не труп.

Мужчина подошел и выслушал мой рассказ, время от времени кивая.

– Вы здесь живете? – спросил он, когда я закончила.

– Нет, работаю неподалеку. Просто проходила мимо...

Он сунул мне в руки визитку.

– Если от кого-то из местных узнаете об убитой, позвоните.

Я согласно кивнула, сказала «до свидания» и отправилась восвояси. На душе было скверно. Не только из-за того, что вдруг пришлось столкнуться со смертью. Зрела уверенность, что эта трагедия затеряется в десятке себе подобных, говоря попросту, вряд ли кто-то из следов, с кем довелось сегодня встретиться, будет искать убийцу.

Я прошла пару кварталов, когда услышала за спиной негромкое:

– Эй!

Повернулась и обнаружила Витьку. Оглядываясь, он быстро подошел ко мне.

– Ну, что там? – спросил он почему-то шепотом.

– «Скорая» приехала поздно. Женщина умерла.

– Ты ментам про меня не рассказала?

– С какой стати? Особо любопытными они не выглядели, – вздохнула я.

– Понятно, – кивнул Витька. – Сто процентов «глухарь».

– Почему ты так думаешь?

– Сама прикинь: место там гиблое, живет всякая рвань да срань, как мамуля любит выражаться. Ментам надо во всем этом копать? Кто кого пырнул по пьяни...

– Алкоголем от нее не пахло, и на бомжиху она не похожа, ты сам сказал.

– На английскую королеву тоже.

– Королева-то здесь при чем?

– При том, что из-за какой-то непонятной бабы никто не будет напрягаться.

– Вообще-то это их работа.

– Ха-ха, очень смешно, – скривился Витька.

– В конце концов, у нее есть родственники. Должны быть. В общем, полицейским придется заняться своей работой.

– Это смотря какие родственники. Взять батю моего, к примеру, он вряд ли скоро заметит, что кого-то из членов нашей дружной семейки не стало. Вдруг ей тоже с родней повезло?

– У меня к тебе просьба, – немного подумав, сказала я. – Об убийстве наверняка разговоры пойдут, вдруг услышишь что интересное. Ведь где-то эта женщина жила, кто-то ее знал или хотя бы видел.

– Ментам помогать не стану, – плюнув себе под ноги, заявил Виктор, а я головой покачала.

– Кто говорит о ментах?

– Думаешь, Владан... Так ведь он уехал, разве нет?

– Уехал. Ненадолго.

– Я слышал, он за работу дерет втридорога.

– Из любого правила есть исключение, – заявила я, хотя Виктор, конечно, был прав: здешним обитателям услуги Владана не по карману.

– Понятно, – кивнул Витя. – Это его земля, а на своей земле нельзя позволять кому попало баб резать.

– Точно, – с готовностью согласилась я, в очередной раз дивясь своеобразной логике обитателей Ямы. Баб, выходит, резать можно, но не кому попало, а исключительно своим. Идиотизм, ей-богу.

Витька пожал плечами:

– Ладно, если что узнаю, сообщу.

– Запиши мой номер... – заторопилась я.

– Без надобности, я знаю, где тебя найти.

Он проводил меня до перекрестка, где мы и расстались. Через двадцать минут я вошла в офис и тут же почувствовала себя сиротой. Куда разумнее домой отправиться, но я упорно таращилась в окно и пила чай в больших количествах за неимением других дел.

Часа в три отправилась в кафе напротив, уверенная, что слухи об убийстве уже распространились.

– Новости есть? – бодро спросила я, получив стакан молочного коктейля.

– А то не знаешь, – фыркнула Тамара.

– О чем?

– О бабе, которую зарезали. Ты ж ее нашла. Ты да этот малахольный Витька.

– Почему малахольный?

– Потому что с мелкотой в футбол играет, он у них вроде тренера.

– А тренер непременно малахольный? – разозлилась я. Тамара, кстати, тоже эмоции не сдерживала.

– Иди к лешему! – гаркнула она, ткнув пальцем в сторону входной двери.

– Про Витьку-то как узнали? – вздохнула я, вовсе не желая ссориться с толстухой. – Я имею в виду, что он был со мной. – Тамара лишь презрительно фыркнула. – И что общественность думает по поводу убийства? – после непродолжительной паузы осведомилась я.

– Ничего не думает.

– Вообще ничего?

Тамара пожала плечами.

– А что это за женщина?

– Видать, приبلудилась, никто ее не знает. Ты сама как считаешь, что за баба?

– Вряд ли бездомная. Не похожа. И не наркоманка. Руки чистые.

– И что нормальной бабе в таком месте делать?

– Разные бывают обстоятельства. Искала кого-нибудь. Я ведь там тоже оказалась.

– Ты где только не оказываешься. Вот я Владану-то скажу, куда тебя без него носит.

– Я не маленькая девочка, и он мне не отец. А ябедничать нехорошо.

– Полина, – глядя исподлобья, сказала она. – Не вздумай сама убийцу искать. Сыщик из тебя, как из меня балерина, а шею ненароком свернуть могут. Владана это вряд ли порадует, хоть и не знаю, с какой такой стати у него к тебе большая симпатия.

– Это наш секрет, – скривилась я. Слова Тамары о моих талантах сыщика задела, хоть я и знала, что она права.

Допив коктейль, я вернулась в офис. Посидела немного на банкетке возле входной двери и поехала домой. По дороге позвонил папа, мы решили вместе поужинать, а вскоре после этого объявился Бад.

– Привет, красотка. Чем занимаешься?

– Прикидываю, какое платье надеть к ужину.

– Неужто для меня стараешься? – хохотнул он.

– Еще чего. Для папы.

– Ты ужинаешь с отцом?

– Тебя это удивляет? Я примерная дочь, так что сегодня у тебя выходной, займись чем-нибудь приятным.

– Понимать это надо так: вечер в твоём обществе для меня тяжёлая и изнурительная работа? Полина, ты дурочка.

– Конечно, кто ж ещё.

– Три часа на ужин с отцом тебе за глаза. А потом махнем за город. Будем пить коньяк из горлышка и смотреть на звезды.

– Заманчиво. Может быть, завтра?

– Завтра обещают дождь.

– Кто верит обещаниям? Ладно, пока.

Я отбросила мобильный в сторону, в очередной раз задавшись вопросом: в чём истинная причина более чем лояльного ко мне отношения Бада? Неужто я ему в самом деле нравлюсь? Эта мысль занимала меня весь вечер. Должно быть, слишком занимала, папа обратил внимание на мою задумчивость.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил он, нахмурившись.

– Нет, все нормально. Папа, почему ты не женишься? – брякнула я. – Ведь со смерти мамы прошло столько лет... – Лицо его помрачнело, и я пошла на попятный: – Прости, папа.

– Ты знаешь, я не терплю разговоров на эту тему, но, наверное, поговорить все-таки стоит. Мне очень сложно представить другую женщину на месте твоей мамы. Это вовсе не значит, что у меня нет женщин. С одной из них я поддерживаю отношения уже три года.

– Почему ты тогда...

– Потому что она не твоя мама. Невозможно вернуть то, что было

когда-то.

– Допустим. Но кто сказал, что нельзя быть счастливым с другим человеком?

– Наверное, можно, – вздохнул папа. – Но я-то хочу как раз того, что у меня было. Скорее всего, нас обоих постигнет разочарование: меня будет раздражать, что вторая жена не является точной копией первой, ее – сам факт подобного сравнения. Кстати, я вполне доволен жизнью, то есть я был бы совершенно счастлив, если бы твоя семейная жизнь наконец сложилась.

– Если ты о Валере, то забудь об этом.

– Это ведь тоже табу? Мы избегаем разговора о вашем разводе. Точнее, о его причине.

Вот уж о чем я точно не хотела говорить... Я покачала головой, а потом предложила, улыбаясь:

– Давай не будем портить вечер.

– Хорошо, – кивнул отец. – Ты моя дочь, но я, по сути, мало что о тебе знаю. Подобные мысли пугают.

– Папа... – Я накрыла его руку своей. – Ей-богу, у меня все в порядке. А что касается Валеры... нет никаких тайн, просто он совсем не тот человек, которого я себе вообразила до замужества.

– А Владан тот?

– Владан – тот, – кивнула я, уловив в голосе отца иронию и недоверчивость.

– Надеюсь, ты не ошибаешься.

После этого разговора мы оба почувствовали неловкость и поспешили всячески ее сгладить. Отец предложил остаться у него, и я осталась. После ужина мы часа полтора гуляли в парке, я висла на его руке, как когда-то в детстве, и чувствовала себя маленькой девочкой, для которой любимый папочка сделает невозможное. Неудивительно, что о Баде я забыла. Мобильный я отключила еще в ресторане (папа не любил, когда нас отвлекали), и пропущенные звонки увидела только утром по дороге в офис, когда включила телефон. Подумала позвонить Алексею, но тут же мысленно махнула рукой: в конце концов, я ему ничего не обещала.

То утро отличалось от предыдущего появлением Маринки, она заглянула ко мне перед тем, как отправиться в салон красоты, хозяйкой которого являлась.

– Не надоело тебе здесь без дела торчать? – спросила ворчливо.

– Кто-то должен встретить клиента...

– Ага, их целый табун у дверей. Слышь, Полинка, у меня девки в отпусках, почему бы тебе не поработать администратором, раз уж тебя так

тянет к трудовой деятельности.

В первое мгновение я предложению даже обрадовалась, в самом деле, это куда лучше, чем томиться здесь, точно в заключении. Но тут же возникло опасение: Владан, чего доброго, может решить, что вполне без меня обойдется. Я сурово покачала головой, и Маринка, чертыхнувшись сквозь зубы, убралась восвояси.

Я перебралась на диван, прихватив книжку, и успела дойти до семьдесят четвертой страницы, когда в окно кто-то бросил камешек. Ущерб от броска никакого, да и звук был едва слышным, однако я решила взглянуть, кто это такой смелый? Или все-таки неловкий?

В общем, я открыла окно, повертела головой в поисках подходящего кандидата и увидела в подворотне Виктора. Он махнул мне рукой, предлагая к нему присоединиться, и я бросилась через дорогу, едва не забыв дверь запереть. Парень к моменту моего появления в подворотне успел переместиться подальше от выхода на улицу и теперь подпирал стену, сунув руки в карманы спортивных штанов.

– Привет, – сказала я, понижая голос.

Он кивнул, поглядывая поверх моего плеча. Шпионские страсти вызывали улыбку, но я не спешила ее демонстрировать, не хотела обижать парня.

– Узнал что-нибудь?

– Про бабу эту? Не-а. Глухо, как в танке. Я поспрашивал.

– Но ведь откуда-то она взялась?

– Понятное дело, – кивнул Виктор. – Вот я и думаю, не иначе, как это Горбатого баба.

– Какого Горбатого? – насторожилась я.

– У него фабрика прямо возле рынка.

– Фабрика? – переспросила я с сомнением, мимо рынка я проезжала не раз и никакой фабрики не видела.

– Ну, сумки шьют, кошельки всякие.

– Почему ты решил, что убитая работала на этой фабрике?

– Так я же сказал, никто эту бабу не знает, а у Горбатого нелегалки работают. На фабрике и живут, он их отпускает раз в сто лет по обещанию.

– А ты не выдумываешь? Это ж просто рабство какое-то.

Витька презрительно хмыкнул:

– Если хочешь, можешь сама взглянуть.

– На фабрику?

– Ты чего такая бестолковая? На девок, что там работают. Вдруг кто-то из них нашу покойницу знает.

– Но если там работают нелегалы, посторонних вряд ли пустят.

– Само собой. Но пролезть можно.

Я едва вновь не брякнула «куда», но вовремя опомнилась, спасая остатки Витькиного уважения.

– Когда пойдем?

– Можно хоть сейчас. – Витька отлепился от стены и направился во двор, я смотрела ему вслед, пока он не повернулся, буркнув: – Что стоишь, потопали, – и припустилась следом.

То, что передо мной фабрика, мне бы и в голову не пришло. Жуткого вида сооружения, обшитые железом и напоминающие гаражи, которые строят из того, что оказалось под рукой, чаще всего просто из хлама. Они тянулись вдоль всего переуллка, примыкающего к рынку, и, как выяснилось, занимали целый квартал.

Двигаясь за Витькой, я разглядывала эту китайскую стену, у которой, похоже, не было ни единой брешки. Ни входа, ни выхода. Однако вскоре возникла не только дверь, но и ворота, наглухо закрытые. Подтверждением моей догадки о назначении данных сооружений над воротами была вывеска: «Гаражный кооператив “Луч”». И ниже на белой дощечке: «Проезд только по пропускам».

Машин, так же как и людей, не наблюдалось. Я покосилась на Витьку, он уверенно шел дальше, игнорируя дверь, которая не могла похвастать вывеской, только лампочкой, свисавшей на длинном шнуре и в настоящее время совершенно бесполезной. Задавать вопросы я не спешила и продолжала разглядывать чудо архитектуры, стараясь не отставать от Витьки.

Мы свернули в соседний переулок, еще более узкий и грязный. Впереди я увидела деревянные ящики, сваленные в кучу, к ним мой провожатый и направился. Соорудив из ящиков подобие лестницы, он взгромоздился на крышу гаража и махнул мне рукой, предлагая присоединиться. Шаткое сооружение вызывало страх, но ударить в грязь лицом не хотелось, и я полезла следом, подумав, что, скорее всего, именно этим дело и кончится: свалюсь с высоты трех метров прямо в мусорную кучу. Однако ничего подобного не произошло, Витька джентльменски подал мне руку, после чего мы весело поскакали по крышам, с гаража на гараж, точно зайцы. К счастью, длилось это недолго. Но тут оказалось, что это было лишь начало пути и испытания еще даже не начинались. Витька улегся на крыше и ползком начал перемещаться влево, я последовала его примеру, мысленно попрощавшись с блузкой, которая обошлась мне совсем

недешево.

Мы достигли конца крыши, я начала оглядываться и в первое мгновение не увидела ничего интересного. В пространстве между гаражами стояла «Газель», в которую парни в рабочих комбинезонах загружали коробки, судя по всему, не особо тяжелые.

– Дождемся, когда они свалят, – сказал Витька, устраиваясь поудобнее.

Машина отъехала минут через пятнадцать, парни в комбинезонах вернулись в гараж, но ворота оставили открытыми.

– Идем, – позвал Витька и ловко спрыгнул на землю.

Я в ужасе смотрела вниз, уверенная, что непременно переломаю ноги. Однако Витька и здесь пришел на помощь, сложил руки замком, чтобы я смогла поставить на них ногу. Меня так пугала перспектива свернуть себе шею, что об остальном я не подумала, а надо бы. Например, о том, что незванным гостям вряд ли будут рады.

Мои ноги коснулись земли, Витька припустился к воротам, и я, конечно, тоже. Тут и ждал первый сюрприз. Гаражи стояли вплотную друг к другу, стены между ними снесли, в результате получилось большое пространство, что-то вроде склада. Я видела стеллажи и коробки на них, подобные тем, что загружали в машину.

– Куда мы идем? – шепотом спросила я, хотя интересовало меня вовсе не это.

Витька, как видно, это понял, потому что ответил:

– Не бойся, когда машин нет, грузчики в конторе чай пьют. У них там телик, оттуда их за уши не вытащишь.

– Откуда ты знаешь?

– Не первый раз здесь, – хихикнул Витька.

– Что тебе здесь могло понадобиться? – удивилась я.

– Что, что... сумки тырили. Толкнешь сумку на толкучке возле рынка – и, считай, в шоколаде. – Тут он сделал знак молчать, я увидела дверь, вела она, скорее всего, в ту самую контору.

Мы осторожно двигались дальше. Вокруг тюки, какие-то коробки, а еще я обратила внимание на все нарастающий звук и не сразу поняла, что это, и лишь потом сообразила: швейные машинки. А через пару минут глазам предстало жутковатое зрелище: два ряда столов, уходящие в полумрак, как в бесконечность. Ни одного окна, дневной свет сюда не просачивался, над каждым столом свисала лампа, при свете которой и работала швея. Женщины сидели, низко склонив головы, оттого казалось, что у швей вовсе их нет, только спины в синих рабочих халатах.

– Что скажешь? – спросил Витька с самодовольным видом.

– Ужас. Сколько их тут?

– Это надо у Горбатого спрашивать. Ладно, потопали, а то еще нарвемся на кого-нибудь.

– Но ведь мы хотели... – начала я, а Витька перебил:

– Здесь не побазаришь, мастер увидит, да и не до базаров бабам, нужно норму выполнять.

– Где же тогда с ними поговорить?

– Да тут, по соседству. Они живут напротив.

Мы вернулись к воротам никем не замеченные. Любопытство заставило меня заглянуть в одну из коробок на стеллажах. В ней была фурнитура. Я только головой покачала: здесь были представлены, наверное, все известные бренды. Интересно, куда они отсюда отправляются? Я покосилась на свою сумку. Ее я покупала в Милане, а вот где ее шили, остается лишь гадать. Перед глазами вновь возникла недавняя картина: согбенные спины, стук машинок и бьющий в глаза свет лампочек. Увиденное способно навсегда лишить удовольствия от шопинга.

Выйдя из цеха, Витька уверенно повернул налево, я обратила внимание на железную решетку, которая была тут вместо забора, калитка закрыта, но не заперта. По словам моего провожатого, эта часть гаражей, в плане имеющих букву «П», жилой блок. В его словах сомневаться не приходилось: на натянутых веревках сушилось белье, пахло едой, а еще хлоркой. Из ближайшего гаража появилась женщина, взглянула на нас с недоумением и поспешно вернулась обратно еще до того, как я успела хоть слово произнести. Витька направился за ней, перспектива быть пойманным его, судя по всему, вовсе не пугала. Меня же все увиденное навело на мысль, что наше предприятие куда опаснее, чем даже можно представить.

Витька широко распахнул дверь и позвал:

– Эй, кто-нибудь говорит по-русски?

Заглянув в гараж, я увидела трех женщин, сидевших на расстеленных вдоль стен одеялах, слева стоял стол, небольшая газовая плита, над ней полка с посудой. Женщины в молчании наблюдали за нами.

– Не беспокойтесь, – начала я, зачем-то выставив перед собой руки. – Я просто хочу узнать об одной женщине. Возможно, она здесь работала. Никто из ваших подруг не пропадал на днях? Отправился куда-то и не вернулся?

Никакой реакции.

– Сколько человек тут работает? – вновь задала я вопрос, а Витька рявкнул:

– Вы русский язык понимаете?

– Не понимаем, – покачала головой одна из женщин. – Ничего не понимаем.

В этот момент за нашими спинами появилась девушка лет двадцати, в длинном черном платье. Я вздрогнула от неожиданности, а она бросилась бежать. Бежала она к калитке и хоть не издала ни звука, но у меня не было сомнений: она спешит за помощью. А значит, через пару минут нам придется туго. Должно быть, те же мысли и Витьку посетили.

– Сматываемся, – крикнул он, но рванул совсем не в ту сторону, откуда мы сюда явились.

Задавать вопросы не было времени, я бросилась за ним, и вскоре мы оказались в узком пространстве между гаражами. Впереди была решетка, закрывая проход. Витька по-обезьяньи на нее забрался, а я вздохнула с облегчением: выбраться отсюда будет гораздо легче. Но радовалась я рано. Витька от избытка волнений не особо заботился о том, куда поставить ногу, и в результате сорвался. Ничего не повредил, но на вторичный подъем потребовалось время. Я в страхе оглядывалась, ожидая появления рассерженных дядей, они и в самом деле появились, но не там, где я думала.

Преодолев препятствие в виде решетки, я приземлилась на землю, и вот тогда-то и увидела двоих мужчин, вооруженных дубинками на манер полицейских, один, не раздумывая, двинул ею по ногам Витьке, который, само собой, пытался сбежать. Витька рухнул на колени, отчаянно вопя:

– Ты мне ногу сломал, гад!

Второй тип кинулся ко мне, замахнулся, я заорала отчаянно, но мужчина руку отвел, должно быть, разглядел, что перед ним девушка.

– Ворье проклятое, – зло бросил он, хватая меня за плечо.

– Мы ничего не украли, – возмутилась я. – Вызывайте полицию.

Упоминание о полиции не понравилось ни охранникам (ими, скорее всего, мужчины и являлись), ни Витьке. Витьке моя идея даже больше не пришлась по вкусу.

– Будет тебе полиция, – буркнул крепкий мужчина со стрижкой «ежиком», державший его. – Потопали к хозяину.

Оказалось, решетку можно открыть, что он и сделал. Она запиралась на замок. Мы вернулись на территорию гаражного кооператива, который на проверку им не был, и прошествовали к цеху, где недавно побывали, никого из обитателей не встретив по дороге, но я чувствовала: из-за неплотно прикрытых гаражных дверей за нами наблюдают.

В цехе наше появление ажиотажа тоже не вызвало, швеи усердно трудились, не поднимая голов. Дисциплина, надо полагать, здесь была

железная.

Мы оказались возле двери, мой конвоир постучал и, не дождавшись ответа, дверь распахнул. Перед нами был кабинет с дешевой мебелью, стеллажами вдоль стен и коробками, которые занимали половину комнаты. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, светловолосый, бородатый, похожий на старовера из советских фильмов. На нем была рубашка в клетку, застегнутая на все пуговицы, что сходство лишь усиливало.

– Вот, – незамысловато начал мой конвоир. – Болтались на территории.

– Что-нибудь свистнули? – спросил мужчина за столом, приглядываясь ко мне.

– При них ничего не было, наверное, успели сбросить. Этот гаденыш здесь точно не в первый раз.

Мужчина кивнул и ко мне обратился:

– С гаденышем все ясно, а вам, милая, не стыдно?

– Это вам надо стыдиться. Рабовладелец. В каких условиях у вас люди работают. И живут.

– Между прочим, они мне благодарны.

– Еще бы. У вас на лице написано «благодетель». Руку отпусти, – буркнула я охраннику. Мужчина покосился на хозяина, тот кивнул, и руку он отпустил. – Я не сделала ничего плохого... – продолжила я.

– Если не считать, что вы проникли на частную территорию.

– Еще вопрос, что это за территория такая. На воротах значится «гаражный кооператив». Интересно, у кого из нас будет больше проблем, если вы в самом деле вызовете полицию?

– Менты точно в доле, – буркнул Витька, дотоле молчавший, не худо бы ему и дальше молчать.

– Парень знает жизнь, – кивнул хозяин кабинета, кстати, никакого горба я у него не заметила. – Что вас привело сюда? – спросил он.

– Важное дело. Пусть охрана выйдет.

Горбатый, который не был горбатым, вновь кивнул, и мужчины вышли с легкой обидой на лицах. Витька, не дожидаясь приглашения, устроился на стуле и выпячивал грудь, так его разбирало. Я тоже села, поближе к хозяину.

– Слушаю вас, – вздохнул он.

– Вы, наверное, знаете, что вчера неподалеку отсюда обнаружили женщину, она была вся в крови и скончалась до приезда «Скорой помощи». В этом районе новости распространяются быстро, но до сих пор об этой женщине нет никаких сведений. Предположим, она здесь нелегально...

– И работает на моей фабрике? – повертев карандаш в руках, спросил

Горбатый. – С таким же успехом она могла работать в другом месте или вовсе нигде не работать. Вам известно, сколько в Яме живет нелегалов? Точной цифры не знает никто. Ваша женщина могла приехать в гости или просто пришла сюда к кому-то... При чем здесь я?

На самом деле в его словах содержалась горькая правда, по крайней мере в том, что касалось нелегалов. Периодические рейды ФМС мало что меняли, на смену одним гражданам, незаконно находящимся здесь, появлялись другие, и тоже без документов.

Говорил Горбатый уверенно, полиции не боялся, потому что Витька прав, подобная фабрика просто не могла бы функционировать без надежной «крыши». Но соглашаться с тем, что я сваляла дурака, явившись сюда, все же не хотелось, особенно после того, как я почувствовала явное беспокойство Горбатого, лишь только речь зашла об убитой женщине.

– Я просто хотела поговорить с работницами вашей фабрики, – улыбнулась я, предлагая мировую. – Вдруг сегодня кого-то недосчитались?

– Мои все на месте. А эту бабу, скорее всего, пырнули ножом в пьяной ссоре. Что вам за интерес копаться в таком дерьме?

– А это уж мое дело.

Горбатый усмехнулся:

– Вы тут, конечно, на особом положении, но тот, кому вы этим обязаны, вряд ли придет в восторг, когда узнает...

– Вы сейчас кого имеете в виду? – перебила я, а он кивнул.

– Идите, дорогая девушка. Надеюсь, вас здесь больше не увидать. А ты, – повернулся он к Витьке, – за квартал это место обходи. Еще раз поймаю – сядешь. Года на два гарантированно. Понял?

Витька, насупившись, направился к двери, я за ним. Охранники ждали неподалеку и проводили нас до ворот.

– Девушка тут работала? – не удержалась я от вопроса.

– Какая девушка? – хмыкнул один, второй нахмурился.

– Вы прекрасно знаете, о ком я говорю.

– Пока, красавица.

Ворота закрылись перед моим носом, Витька прошипел гневно:

– Козлы.

И мы побрели дальше по улице.

– Завтра можно опять попробовать, – вдруг произнес мой спутник.

– С ума сошел? Слышал, что он сказал? Хочешь оказаться в тюрьме?

– Да плевать я хотел на его угрозы...

– Кстати, а откуда у него кличка Горбатый, никакого горба у него нет, – решила я удовлетворить свое любопытство.

– Это не кличка, – ответил Витька. – А фамилия.

– Ну, что ж... бывает и хуже. Спасибо тебе за помощь. И сделай одолжение, завязывай с воровством, добром это не кончится.

Мы простились. Я вернулась в офис и принялась искать визитку, которую неизвестно куда успела сунуть, уверенная, что она вряд ли понадобится. За этим занятием меня и застал Бад.

– Привет, – сказал он, устраиваясь в кресле. – Что ищешь?

– Визитку одного знакомого.

– Не с кем выпить кофе?

Бад, по обыкновению, насмешливо улыбался, но явно был чем-то озабочен.

– Вообще-то он мент.

– Боже, что за странные знакомства для приличной девушки.

– Да уж, один ты чего стоишь, – не осталась я в долгу, Бад засмеялся, а я чертыхнулась. Похоже, визитку я все-таки потеряла, о чем сейчас горько сожалела. – Кстати, что ты делаешь здесь в такое время?

– Проезжал мимо, – ответил он.

– Вот как. Что-то ты зачастил мимо ездить.

– На самом деле хотел узнать, на кого ты вчера меня променяла, – засмеялся он.

– Я же говорила, что ужинаю с папой.

– И дома не ночевала. Мобильный отключен...

– Вот скажи, – уперев руку в бок, спросила я с вызовом, – какое тебе до этого дело?

– Я бы мог соврать, что беспокоюсь за друга, но звучит совсем уж по-дурацки.

– Ага, тем более что другу моя верность пофиг.

– Кто знает, – вздохнул Бад. – Скажи-ка лучше, зачем тебе мент понадобился?

– Надеялась кое-что узнать.

– Это как-то связано с трупом, на который ты наткнулась, болтаясь бог знает где?

То, что Баду известно об этом, несколько не удивило. Несмотря на то что здесь он давно не жил и дел никаких не имел, новости узнавал с космической скоростью. Впрочем, насчет дел тоже не все ясно. Бад это Бад, птица дневная и ночная в одном лице, в том смысле, что есть дела, которые вершатся днем, и есть те, которые ночью, и знать о них таким, как я, не положено. Оттого я слегка насторожилась. Возникло ощущение: именно по этой причине Бад и появился. «Неужто убийство имеет к нему

отношение?» – уже через минуту думала я с испугом.

– Допустим, связано, и что? – ответила я.

Он поморщился.

– Полинка, Владану очень не понравится, что ты без его ведома суешь свой хорошенький носик черт знает куда, подвергая себя опасности... Еще больше это не нравится мне.

– Почему? – нахмурилась я. Он закатил глаза. – Ответь, пожалуйста... – Отвечать он не спешил, и я продолжила: – Что за опасность может мне грозить?

– Сомневаюсь, что за этим убийством скрыта вселенская тайна. Напротив, уверен, все банально до зевоты. Но то, что ты в компании шпаны будешь шляться по темным подворотням, безусловно, поднимет мне давление днем и лишит покоя ночью.

– Вот оно что, – протянула я с некоторым разочарованием. – Слушай, а у тебя есть знакомые в полиции?

Он тяжело вздохнул и после непродолжительной паузы спросил:

– Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

– Алеша, мне бы только узнать, кто она...

– Я даже не спрашиваю зачем. «Алеша» прозвучало как ангельская музыка. – Он засмеялся, достал мобильный и принялся кому-то звонить.

Из разговора я вынесла следующее: его собеседника зовут Павел, и Бад намерен с ним встретиться через час в кафе на улице Марата. На этой самой улице как раз находится Следственный комитет.

– Поехали, – кивнул мне Бад. – Заодно пообедаем вместе.

Павел явился с пятнадцатиминутным опозданием, поздоровался торопливо и тут же спросил:

– Откуда такой интерес к этой гастарбайтерше? Ты меня удивил.

Он оказался совсем молодым человеком, лет двадцати пяти, не больше. С модной стрижкой, в отлично сшитом костюме и с золотыми часами на запястье. Подъехал, кстати, на новеньком «Мерседесе». «Золотой мальчик», тут же окрестила его я. Папа небось генерал. Впрочем, не мне упрекать в этом человека. Я тоже благодаря отцу живу на всем готовеньком, и место под солнцем добывать, орудуя локтями, не приходится. Любопытно, что их связывает с Бадом?

Алексей между тем с кривой ухмылкой кивнул в мою сторону:

– Интерес у Полины Леонидовны, а я готов выполнить любой ее каприз.

Павел безуспешно пытался справиться с изумлением, неизвестно, что

его поразило больше: существование девицы, чьи прихоти Бад готов выполнять, или тот факт, что меня интересует убийство. Я решила: истина где-то посередине.

– Можно узнать вашу фамилию? – очень вежливо спросил Павел, обращаясь ко мне.

– Забелина, – ответила я, гадая, почему до сих пор ношу фамилию бывшего мужа. Должно быть, природная лень сыграла не последнюю роль: не хотелось возни со сменой документов.

Павел явно заинтересовался, я-то думала, он вспомнил фамилию в протоколе, и оказалась не права.

– Ваш папа – Немцов Леонид Сергеевич?

Я молча кивнула. Он перевел взгляд на Алексея и тоже кивнул. Бад нацелился на невесту с приданым, примерно такие мысли наверняка бродили в его голове.

– Давайте отвлечемся от моего папы, – предложила я миролюбиво, Павел засмеялся:

– Теряюсь в догадках, зачем вам...

– Это я вызвала полицию. И «Скорую».

Улыбка исчезла с его лица, а Бад спросил:

– Нарыть что-нибудь успели?

– Куда там... – махнул рукой Павел. – До сих пор не установили, кто она такая. Родственников у нее здесь либо нет, либо на исчезновение еще не обратили внимания. Вскрытие провели, два ножевых ранения в область груди, в результате чего она и скончалась. Собственно, это все.

– Как «все»? Откуда-то она в подворотне появилась? Неужели ничего не нашли?

На этот раз Павел пожал плечами.

– На пустыре за этой самой подворотней обнаружены следы крови, но откуда девица там взялась... Вокруг жуткий бомжатник. Похоже, она нелегалка. Это объясняет, почему ее судьбой никто не поинтересовался до сих пор. Что-нибудь не поделила со своими друзьями или еще с кем...

– То есть убийцу никто искать не будет, я правильно поняла?

– Почему же? – обиделся Павел. – Все необходимые следственные действия...

Дальше мне было неинтересно, и я нетерпеливо перебила:

– Неподалеку от старого рынка фабрика, на которой работают нелегалы. Территория гаражного кооператива. Возможно, женщина оттуда.

Павел кивнул, вроде бы соглашаясь. Подошла официантка. Бад спросил, обращаясь к Павлу:

– Пообедаешь?

– Нет, спасибо. Дел до черта, прошу прощения, – торопливо добавил он, повернувшись ко мне. И снова к Баду: – Позвоню, если что. Пока.

Они обменялись рукопожатием, и Павел припустился к своему «Мерседесу». Я проводила его неприязненным взглядом.

– Убийцу они не найдут. Даже искать не будут.

– Обычно ищут, иногда даже находят.

– Издеваешься?

– Полина, – позвал он. – Я понимаю: столкнуться в подворотне с теткой, которая вдруг стала трупом на твоих глазах, неприятно. И это еще мягко сказано. У девушки вроде тебя это способно вызвать шок. Но... не подскажешь, почему у меня складывается впечатление, что ты просто страдаешь от безделья?

– Она вовсе не тетка, – буркнула я. Слова Бада вызвали неприятное беспокойство, наверное, поэтому я и продолжила, то ли его стараясь убедить, то ли себя: – В одной книжке я наткнулась на фразу главного героя – сыщика: «Мы говорим устами мертвых». Занимаясь делом об убийстве, следователь узнает то, что убитый уже не в состоянии рассказать. Кто-то обязательно должен сделать за него это. Понимаешь?

Я думала, Бад меня высмеет, но он смотрел исключительно серьезно.

– Давай дадим им возможность выполнить свою работу, – наконец сказал он. – Там есть толковые ребята. И дождемся Сербя, я хотел сказать Владана...

Через полчаса он отвез меня в офис, где была моя машина.

– Есть идея культурной программы на вечер? – спросил он, помогая мне выйти из «БМВ».

– Я девушка без фантазий.

– Ни за что не поверю. Отправляйся домой, зай-мись чем-нибудь приятным, а часа через три я за тобой заеду. – Он поцеловал меня, легко коснувшись губами моих губ, и отбыл.

Возле двери офиса стояла Маринка и наблюдала за нашим прощанием с материнской улыбкой.

– Он все-таки в тебя втюрился, – сказала она, когда я приблизилась.

– Старая песня.

– Нет, правда.

– Не надейся сбыть меня с рук. Я мечтаю о другом мужчине, что тебе хорошо известно.

– Так бы и двинула по носу, – фыркнула Маринка, опускаясь на ступеньку. Я устроилась рядом. – Не может это долго продолжаться, –

проворчала она.

– Я готова ждать всю жизнь.

– Сейчас в самом деле схлопочешь. А вдруг он правда влюблен? Даже помолодел, ей-богу.

– Он и так не старый, – кивнула я. – Если Бадю кто и нравится в нашей семье, так это папа.

– Да ладно...

– Ага... Кто говорил, что во мне нет ничего хорошего?

– Так это я в сердцах. Сдуру брякнула. На самом деле ты не девчонка, а загляденье.

– Не подхалимничай. О таком тесте, как мой папа, можно только мечтать. Владан считает, Бад созрел для женитьбы на девушке с приданым.

– Ну, так это неплохо.

– Возможно, но я готова идти замуж исключительно по любви.

– Правильно Марич говорит, что ты дурочка, – поднимаясь, заявила Маринка. – Смотри, останешься у разбитого корыта.

Я с трудом сдержалась, чтоб не ответить, и пошла заливать обиду чаем. Владан назвал меня дурочкой, впрочем, это не новость, но называть меня так в разговоре с Маринкой... Вот свинья... Господи, когда же он вернется?

Чай я так и не выпила. Поглазела немного в окно, вернулась мысленно к недавней встрече и решила посетить тот самый пустырь, о котором говорил Павел. Сборы заняли пару минут, и вскоре я уже была в переулке, таком же безлюдном, как и накануне. С некоторой опаской вошла в подворотню. Похоже, ее использовали как туалет, запах стоял почти нестерпимый. Слева и справа двери, судя по цифрам три и семь, здесь две квартиры. Со стороны переулка дом выглядел нежилым, но я на всякий случай двери проверила. Обе то ли заперты, то ли вовсе заколочены.

Пустырь начинался сразу от подворотни. Когда-то тут стояли дома с гаражами или сараями, от которых остались лишь фундамент да гнилые доски в высокой траве. Идти здесь опасно, запросто можно поломать ноги. Я заглянула в окна первого этажа со стороны пустыря. В рамах остатки стекол. Все, что могли, давно вынесли, что не могли – искорежили.

Я с осторожностью направилась через пустырь, предварительно оглядевшись. Через полчаса стало ясно: отсюда можно попасть сразу на три улицы, не считая переулка, где я начала свой путь. Выходит, появиться женщина могла откуда угодно. Вопрос, почему предпочла бежать через пустырь, а не по улице, где ей скорее бы пришли на помощь?

Ответ очевиден: она пряталась. А вот дальше все не так просто. На

пустыре, по словам Павла, ее кровь. Женщину преследовали, настигли и ударили ножом? Из последних сил она добралась до подворотни? Или все произошло в одном из примыкавших к пустырю домов? Она решила спрятаться, но, поняв, что без врачебной помощи не справится, вышла в переулок.

Из-за близости той самой фабрики первое казалось более вероятным. Если женщина направлялась туда, могла воспользоваться короткой дорогой через пустырь, хотя никакой дороги, конечно, нет, да и ходить здесь небезопасно, не только из-за местной шпаны. Опять же, женщины обычно носят сумочку...

Предположим, за сумкой как раз и охотились, хотя грабителям сама сумка вряд ли нужна, забрали кошелек с мобильным, остальное тут же выбросили. Да и не стали бы грабители наносить два удара ножом, особенно учитывая тот факт, что женщина не сопротивлялась. Будь иначе, мы с Витькой услышали бы крики.

Вторая версия тоже вызывала сомнения. Если неизвестная получила ранение в результате ссоры, соседи об этой самой ссоре должны были знать. Народ здесь приметливый. Может, и знали, да промолчали.

На всякий случай я заглянула во дворы всех шести домов, что находились в непосредственной близости от пустыря. Павел прав: натуральный бомжатник. Во дворе одного дома на веревке развешено белье, дверь в подъезд открыта, оттуда тянуло сыростью и уже привычным запахом туалета. Заходить в дом я поостереглась. Тут я увидела двух женщин, они о чем-то болтали, посмеиваясь. В руках у той, что старше, хозяйственная сумка. Заметив меня, обе скрылись в доме, судя по всему, жилым в нем был только второй этаж.

Я огорченно вздохнула, теплилась надежда, что удастся с женщинами поговорить, хотя знала: чужаков здесь не любят. Слишком много секретов таят обшарпанные стены. Я оглядывалась, словно ожидая озарения. Если погибшая женщина все-таки жила тут, откуда проще всего выбраться на пустырь, при этом не привлекая внимания?

Двухэтажный жилой дом от пустыря отделяет овраг, довольно глубокий, вряд ли смертельно раненный человек способен его преодолеть. За следующим домом полуразвалившиеся сараи и мусорная свалка – тоже серьезная преграда.

Интерес вызвал покосившийся домишко, по виду не жилой, но крышу не так давно ремонтировали, заплатка из рубероида бросалась в глаза. Я направилась к нему. На окнах решетки, занавески задернуты. Занавески, само собой, не показатель того, что здесь кто-то живет. Допустим, при

переселении их могли просто полениться снять. Надо сказать, городские власти не первое десятилетие пытались расселить людей из этих лачуг. Но если дом в тот же день не сносили (что, согласитесь, довольно проблематично), в нем буквально через пару дней появлялись новые жильцы, и вся эта «воронья слободка» продолжала свое существование. Дома отрезали от электросетей, но электричество тут же проводили своими силами, прочие блага цивилизации здесь редкость, оттого и отключать-то было нечего.

Я подошла к входной двери и попробовала ее открыть. Задание не из легких. Ручку недавно оторвали, о чем свидетельствовали дыры от гвоздей. Открывалась дверь на улицу, следовательно, данное обстоятельство вовсе не значило, что дом необитаем, жильцы могли счастливо обходиться ключом: вставляешь его в замок и используешь как ручку, открывая дверь.

За неимением звонка я принялась стучать, после чего немного послушала тишину и вновь вернулась к окнам. От земли до подоконника всего-то сантиметров пятьдесят. Воровато оглядевшись, я взгромоздилась на подоконник и заглянула вовнутрь, держа руку козырьком, чтобы лучше видеть. Но, к моему разочарованию, сквозь занавески ничего разглядеть невозможно.

Чертыхаясь от досады, я вошла во двор дома. Здесь тоже была дверь, слегка приоткрытая, что вызвало у меня прилив энтузиазма. Однако радость оказалась преждевременной, в узком коридоре была еще одна дверь. Заколоченная. Шляпки новеньких гвоздей я хорошо видела. Хотя для тех, кто надумает тут обосноваться, гвозди не такая уж непреодолимая преграда.

Оглядев кирпичные стены с сеткой трещин, я головой покачала: в каком отчаянном положении должен находиться человек, чтобы решить поселиться в этом месте?

Продолжая оглядываться, я направилась к пустырю. Подворотня, из которой появилась умирающая женщина, прямо напротив. Это просто совпадение? Совсем рядом дома. Если она убегала от взбесившегося сожителя, логичнее искать защиту у соседей. Они бы и спрятали, и полицию вызвали. Логично в любом другом месте, но не здесь. Если дом в таком виде уже давно, все мои догадки яйца выеденного не стоят.

А если его заколотили уже после гибели женщины? Заманчиво допустить такое. Но ведь соседи должны об этом знать, а полицейские их опрашивали... Полицию тут не жалуют...

Положительно, этот дом меня беспокоил. Погруженная в размышления, я не сразу заметила, что во дворе уже не одна. Двое мужчин

стояли в нескольких метрах, преградив мне выход на улицу. То, что эта встреча не сулит ничего хорошего, было абсолютно ясно, лица мужчин скрывали платки, повязанные на манер хирургических масок, на правой руке того, что справа, кастет. Вне всякого сомнения, мне его демонстрировали в воспитательных целях.

Я попятилась в испуге, а мужчины начали приближаться. Первая мысль: бежать, но бежать придется через пустырь, и чем дальше я от жилых домов, тем меньше у меня шансов на спасение. Может, это те самые убийцы? От такого предположения мне и вовсе стало не по себе.

– Эй, – неуверенно начала я, все еще пятясь задом. – В сумке немного денег и мобильный. Забирайте и уходите.

Ответом меня не удостоили, зато один из этих типов сместился вправо, с явным намерением меня обойти, отрезая путь к отступлению.

– Что вам нужно?! – крикнула я, голос предательски дрогнул. – Я работаю на Серба. Уверена, вы о нем слышали. – Уж как мне не хотелось козырять именем босса, но выхода, пожалуй, нет.

К величайшему огорчению, мои слова впечатления не произвели, к огорчению примешалось недоумение: неужто они в самом деле не слышали о Мариче? Может, «гастролеры»? Допустить мысль о том, что Серба они знали, но решили на мои слова наплевать, я категорически отказывалась. Это ж какими отморозками надо быть... или очень ненавидеть Владана, а отыграться на мне. Судя по всему, так и есть.

– Придурки, – пробормотала я, крепче ухватив сумку за неимением иного оружия.

Страх вдруг отступил, то есть я, конечно, отчаянно боялась, но злость на эту парочку была куда сильнее. Я знала: схватка будет чрезвычайно короткой, но собиралась в меру сил дать отпор.

На самом деле я, должно быть, верила в чудо, и оно не заставило себя ждать.

– Кто вы, веселые парни с кастетом? – услышала я знакомый голос и нервно хихикнула.

Невесть откуда появившийся Бад стоял, привалившись плечом к стене дома. Поза расслабленная, на лице ухмылка, а вот руку он держал под полкой пиджака. Весьма выразительно. Оба типа резко повернулись и вполне предсказуемо бросились бежать через пустырь, один из них толкнул меня, и я с криком повалилась в траву.

Завопила я скорее от неожиданности. Бад кинулся ко мне, парочка в платках вместо масок перестала его интересовать, что позволило им благополучно скрыться с наших глаз.

– Не вздумай меня воспитывать, – предупредила я, поднимаясь с помощью Алексея.

– Был бы толк. Может, мне твоему отцу пожаловаться?

– Только попробуй.

– Тогда придется дожждаться Владана и рассказать о твоих подвигах.

– Что такого я сделала?

– Как минимум едва не лишилась здоровья. Идем. – Он взял меня за руку и повел со двора.

– Ты что, следишь за мной? – косясь на него, спросила я с самым независимым видом.

– Делать мне больше нечего, – фыркнул он.

– То есть ты случайно проходил мимо... – ядовито продолжила я.

– Кстати, воспитанные девушки говорят «спасибо», когда их спасают от хулиганов.

– Не увиливай от ответа.

– Не буду. Так я дождусь благодарности?

– Спасибо, – сказала я, желая побыстрее с этим покончить и приступить к допросу.

Бад повернулся ко мне, остановившись, и серьезно спросил:

– А поцелуй?

– Прекрати дурака валять, – разозлилась я, а он ухватил меня за подбородок. Растеряв весь свой боевой задор, я, отступив на шаг, спросила: – Ты чего?

Его физиономия приобрела привычное выражение, которое я окрестила «веселой акулой». Оно весьма подходило Бадю. Зубастый хищник, который, весело подмигивая, говорит «да ладно, все не так уж скверно, постарайся найти в ситуации положительные стороны».

Ничего положительного я не видела, оттого и ляпнула:

– Я Владану пожалуюсь.

– Я тоже. Давай наперегонки. Ты на что жаловаться будешь?

– Пожалуйста, прекрати, – взмолилась я. – Я и так вся на нервах.

– Полина, ты – дура, мать твою, – на сей раз он говорил серьезно. – Ты понимаешь, что тебе могли голову проломить, не окажись я рядом?

Мы вышли на улицу, и я увидела машину Бада, припаркованную возле овощной лавки.

– Садись, – буркнул он, открыв дверь «БМВ».

– И как ты рядом оказался? – пискнула я, отводя взгляд.

– Один хороший человек, не лишенный сострадания, обратил внимание на твои прогулки и позвонил мне. Я собирался тебя найти и

воздействовать словом, а пришлось спасать.

– Я просто хотела выяснить, откуда могла появиться та женщина...

– Почему бы не дать полиции заняться своим делом, дорогая? Владан от твоей самостоятельности не придет в восторг. У вас есть клиент? Нет. Выходит, это не работа, а пустое любопытство, спровоцированное бездельем.

– Без нотации все-таки не обошлось, – скривилась я и спросила неуверенно: – Ты что, с оружием ходишь?

– Я – законопослушный гражданин, – расплылся он в улыбке.

– Но... мне показалось... такое впечатление, что...

– Ты фильм «Крестный отец» видела?

– Конечно.

– Майкл Корлеоне возле больницы, где лежит его раненый отец.

– То есть это был блеф?

– То есть да.

– Я тебе не верю.

– Хочешь меня обыскать? Валяй. Поедем ко мне, сможешь меня догола раздеть при условии, что сама разденешься.

– Что на тебя нашло сегодня? – возмутилась я.

– Я жутко на тебя разозлился. Все могло закончиться очень скверно. До тебя это наконец-то дойдет?

До офиса мы ехали молча. Похоже, Бад действительно здорово злился, я сочла за благо попридержать свой язык. И очень рассчитывала, что, высадив меня, он отбудет восвояси.

Не тут-то было: он вышел из машины вместе со мной и начал подниматься по ступеням. Я малость замешкалась, а он сказал с ухмылкой:

– Чего ждем? Ключ потеряла?

Я достала ключ, открыла дверь и в знак примирения приготовила кофе, успев сообразить, что просто так от Бада не отделаться.

Кофе тоже пили в молчании. Я понемногу успокоилась, однако мысленно то и дело возвращалась к недавнему нападению на пустыре, слава богу, не состоявшемуся.

– Ты ведь их насчет Владана предупредила? – спросил Алексей.

– А что еще оставалось?

– Но они не впечатлились.

– Меня это удивило. А тебя?

– Еще бы.

– У Владана много врагов.

– А ты им на что сдалась? Хотели Сербу досадить, чтоб потом рыдать

кровавыми слезами?

– Они спрятали лица под платками. Надеялись, что я их не узнаю.

– У одного из них был кастет. Чтоб напугать сопливую девчонку, он не нужен.

– Ты хочешь сказать, меня убить хотели? – растерялась я.

– А чего, по-твоему, я так разозлился?

– Алеша, – подхалимски начала я. – Я знаешь, что подумала: возможно, это те самые типы, что убили женщину.

– Топтались на пустыре в ожидании очередной бесстрашной дурочки? – хмыкнул Бад и в досаде покачал головой, подозреваю, досада относилась к его резкости, а не к моей бестолковости. Его дальнейшие слова это подтвердили. – Извини. Однако шпана у нас загадочная.

– А если все-таки не шпана? Если я права и они те самые убийцы...

– А ты вовсе не случайная жертва? – нахмурился Бад. – Скажи-ка, дорогая, куда ты успела сунуть свой нос?

– Только на фабрику, – и, видя недоуменный взгляд Бада, поспешила рассказать о недавнем визите.

– И теперь ты решила, что типов на пустырь отправил Горбатый? – выслушав меня, спросил Алексей.

– Вполне логично.

– Кстати, парочка показалась смутно знакомой.

– Вот видишь...

– Чушь. У Горбатого с башкой полный порядок. Ни за какие коврижки он с Сербом не свяжется.

– Разные могут быть обстоятельства.

– Могут. Но из двух зол выбирают меньшее.

Тут я малость опешила, это что ж получается: Владан зло как раз-таки большее? Уловив мою реакцию, Бад едва заметно поморщился и сказал, поднимаясь:

– Вот что, давай прокатимся на фабрику.

Я вскочила, радуясь вдруг привалившей удаче, Алексей хоть и покинул район уже давно, но, как сам любил выражаться, «репутация-то осталась», в общем, я рассчитывала, что с ним хозяин фабрики будет куда откровеннее.

Через десять минут мы уже тормозили у ворот. Бад вышел из машины и, заметив кутивших охранников, залиvisto свистнул. Парни переглянулись, один из них направился к нам.

– Горбатый здесь? – спросил Бад, когда он приблизился. – Скажи, чтоб вышел, разговор есть.

Охранник торопливо удалился, а вскоре из ворот показался хозяин. Подошел, нервно оглядываясь, и сказал, понижая голос:

– Другое место выбрать нельзя? Торчим у всех на виду.

– С какой стати двум честным бизнесменам от народа прятаться? – хмыкнул Бад, Горбатый в ответ на это криво усмехнулся и сел в машину на заднее сиденье.

– Далась вам эта баба, – заметил ворчливо.

– Убиенную имеешь в виду?

– Ну... ваша девчонка была у меня... Кстати, пацан, с которым она заявила на фабрику, совсем не подходящая для нее компания.

– Дяденька, я уже совершеннолетняя, – пискнула я, но под взглядом Алексея сникла. Когда разговаривают мужчины, бабам лучше помолчать. Вслух он это, может, и не произнесет, будучи человеком «широких взглядов», но наверняка так подумал.

– Так что там с убитой девкой? – спросил Бад.

– Понятия не имею. Она точно не из моих. – Он нахмурился, вроде бы о чем-то размышляя, и вдруг продолжил: – У меня работница пропала, если вам интересно.

– Так, может быть...

– Говорю же, нет. Девку днем в подворотне нашли, а вечером моя исчезла. Короче, на утреннюю смену не явилась. Такого за ней раньше не водилось. Мобильный отключен, в общем, как в воду канула.

– Она жила при фабрике?

– Ага.

– И... смогла ее покинуть незаметно? – подбирая слова, задала я вопрос.

Горбатый презрительно хохотнул:

– Девочка, у меня фабрика, а не тюрьма. Никому уходить не возбраняется. Хоть и не рекомендуется в целях их собственной безопасности.

– Она нелегалка?

Горбатый вновь хохотнул и отвернулся к окну.

– Ответь девушке, – вмешался Бад.

– Мои все с регистрацией... Ну, может, у пары человек она просрочена.

– И у нее?

– И у нее. Охранники ее искали, у местных поспрашивали. Ну и у баб, что с ней жили, может, говорила чего. Все молчат, как партизаны. Ушла после смены, а когда точно, неизвестно. Девка нелюдимая была, все

молчком, ни с кем особо не общалась. Заявить в полицию я не могу, одна надежда, вдруг сама объявится. Хотя я сомневаюсь.

– Вы думаете, ее тоже могли убить? – нахмурилась я.

– Да ничего я не думаю. Девка, которая вас интересует, точно не моя. – И добавил неохотно: – Менты у меня уже были, фотку ее показывали. Про свою пропавшую я им сообщил, неофициально. Если у вас все, я пошел.

Алексей кивнул, и он поспешно покинул «БМВ».

– Ты довольна? – заводя машину, поинтересовался Бад. – Похоже, у нас появился маньяк, который охотится на барышень-нелегалок. Чего ты скучилась? Это шутка.

– Дурацкая.

– Много воли взяла, – нахмурился Бад, но тут же рассмеялся. – Еще задания будут?

– А что, если девушки как-то связаны?

– Ты же слышала, убитая на фабрике не работала.

– Но пропавшая могла покинуть территорию и с кем-то встречаться. После смены она узнала о гибели первой девушки, своей подруги или родственницы, и поспешила...

– Куда? В морг на опознание? В полицию?

– Поспешила проверить, все ли с ней в порядке. А когда убедилась, что нет, решила, что возвращаться на фабрику опасно.

– Сыщик у нас ты, тебе видней, – пожал плечами Бад. – Кстати, сыщик, я у тебя тружусь на общественных началах, а у меня своей работы завались, так что будь любезна терпеливо ждать, когда я освобожусь, и одна никуда не лезь. Надеюсь, сегодняшней встречи на пустыре достаточно, чтобы до тебя дошло: старших слушать надо.

– Я просто хотела...

– Я понял.

– Ты мне поможешь?

– А куда мне деваться? Но не даром. Во-первых, с тебя честное пионерское, что без меня ни шагу.

– Клянусь.

– Умница. Во-вторых, сегодня ужинаем в «Золотом павлине».

– Без проблем. У меня карточка платиновая.

– Плачу я, а ты обещаешь меня развлекать.

– Танец живота подойдет?

– А ты умеешь?

– До вечера полно времени, научусь.

– Вот и ладненько, делом займешься. – Он остановил машину возле

офиса, поцеловал меня куда-то в подбородок и добавил: – Катись. В восемь жду у твоего подъезда.

Бад отбыл, а я устроилась на ступеньках, потому что заметила Маринку, она как раз направлялась во двор, но, увидев меня, сменила траекторию.

– Ему тут точно медом намазано, – сказала она, опускаясь рядом.

– Он меня сегодня спас.

– Повезло. Комара прибил?

– Шугнул двух отморозков с кастетом.

– О господи, – закатила глаза Маринка. – Где тебя носит?

– По разным интересным местам. Ладно, пойду танец живота разучивать.

– А это зачем?

– Обещала сногшибательный вечер.

– Кому обещала, Баду?

– Конечно. В благодарность за спасение.

– Ну-ка сядь, – посуровела Маринка, и я вновь опустилась на ступеньки рядом с ней. – Ты, дорогуша, отлично знаешь, сбить тебя с рук – моя заветная мечта. И хоть порой придушить тебя хочется прямо до скрежета зубовного, на самом деле я тебе добра желаю.

– А можно без предисловий? – скривилась я.

– Можно. Бад не мягкий и пушистый, как ты, должно быть, решила. Поиграть с зайчиком, а потом его на качельках забыть не получится. С ним либо всерьез, либо никак. Усекла?

– Ага. Значит, ресторан отменяется. Возьмешь к себе на постой?

– Возьму, если окно в кухне вымоешь.

– Да хоть во всей квартире.

Мы отправились к Маринке, я мыла окно и жаловалась на Бада: мол, такой стиль общения – это всецело его заслуга, а я невинная овца. Маринка готовила окрошку и ухмылялась.

– Это он к тебе так подбирается. Вроде все в шутку, а потом бац – и все уже всерьез. Запал он на тебя – это ясно. И что нашел, скажи на милость?

– Ты про папу забыла? Мой бывший женился как раз на нем, то есть на его деньгах, я была малоприятным приложением.

– Ага. Рассказывай сказки. Для меня большая загадка, что они в тебе находят. И я очень сомневаюсь в намерениях Бада жениться на деньгах. Слава богу, свои есть.

– Вдруг ему своих мало?

– Возможно. Вот он и нашел девку по душе и с приданым. Он ведь

тебе нравится? Не стала бы ты просто так перед ним хвостом мести?

– Не дожدهшься, – буркнула я.

К тому моменту я уже позвонила Бадю и предупредила: ужин отменяется, я встретила подруг и уже пью в теплой женской компании. Он сказал «удачи», но чувствовалось, что моим рассказам не поверил.

Мы поели крошки, прогулялись вечерком и отправились в постель.

Окна на ночь оставили открытыми, и часа в два проснулись от воя пожарных сирен. Высунулись в окно и, рискуя свалиться вниз, смогли разглядеть зарево в районе старого рынка.

– Пожар, – пробормотала Маринка, я удержалась от ядовитого замечания насчет ее сообразительности, и вдруг холодок пошел по спине, что-то вроде предчувствия.

– Давай посмотрим, – предложила я, натягивая джинсы.

– Спятила? Что нам делать на пожаре? Ночью... только под ногами путаться... утром будем знать все новости... – Маринка, вне всякого сомнения, рассуждала разумно, что, впрочем, не помешало ей при этом быстро одеться.

Через пять минут мы неслись по улице, ориентируясь на звуки сирен. Мои худшие опасения оправдались: горела фабрика Горбатого. Четыре пожарных машины пытались справиться с огнем, толпа зевак делала неутешительные прогнозы. На мгновение я увидела хозяина фабрики, он что-то кричал пожарному, тыча рукой в сторону одного из гаражей. Нечего было и думать попытаться с ним заговорить, придется оставить это до лучших времен.

Маринка с хмурым видом наблюдала за происходящим и вдруг потянула меня за руку:

– Идем отсюда. Не ровен час, кто-нибудь пырнет ножом в толпе.

– Ты спятила, что ли? – растерялась я, но она уже, расталкивая любопытных локтем, тащила меня за собой, точно на буксире.

Мы свернули к рынку и поразились наступившей тишине. Шум пожара сюда не доходил, переулочек пустынный, только в одном из окон горел свет.

– Надо было такси вызвать, – оглядываясь и ускоряя шаг, шепнула Маринка.

Ее нарастающее беспокойство только в первый момент показалось глупостью, потом начали одолевать совсем другие мысли. Несколько часов назад мы с Бадом расспрашивали Горбатого о погибшей девушке, узнали об исчезновении работницы, а теперь вдруг случился пожар. Само собой, это могло быть совпадением. А если нет? Не совпадение, а следствие нашего

появления здесь? И кто-то пытается скрыть нечто очень важное. Заманчивая версия, вот только в ум не шло, с какой стати неизвестный изверг ополчился на женщин, а потом и на фабрику.

Когда впереди показался наш дом, Маринка, с облегчением вздохнув, выпустила мою руку.

– Слышала, что в толпе болтали? Говорят, поджог.

– Кто-нибудь пострадал?

– «Скорых» я не видела. Завтра у Тamarки узнаем.

Остаток ночи я ворочалась, не в силах уснуть. Болтовне зевак вряд ли стоит верить, но слово «поджог» не шло из головы.

Утром, выпив кофе и позавтракав, мы отправились в кафе напротив, не сомневаясь: толстуха барменша успела разжиться новостями.

В кафе было довольно многолюдно, что не мешало Тамаре таращиться в окно, опершись руками на подоконник. На нас она взглянула с укоризной, о причине которой оставалось лишь гадать.

– Налей нам лимонада холодненького, – попросила Маринка.

Тамара с заметной неохотой переместилась за стойку и проворчала:

– На лимонаде можете сэкономить, а то я не знаю, зачем пришли.

– Лимонад у вас замечательный, – подхалимски заметила я. Кстати, так и было, толстуха сама его готовила.

Взяв из холодильника графин, она налила напиток в два стакана и подвинула нам. Маринка выпила половину с равнодушным видом, поглядывая в окно. Обе отличались прямо-таки ослиным упрямством. Так можно час просидеть и ничегошеньки полезного не услышать, оттого я решила взять инициативу в свои руки.

– Какие в нашей деревне новости?

– Скверные, – хмыкнула Тамара. – Ночью кто-то фабрику Горбатого подпалил.

– Конкуренты?

– Хрен знает. Полыхнуло с двух сторон, там, где жилые помещения. Только по счастливой случайности никто не погиб. Срочный заказ был, все вышли в ночную смену. Не то бы головешки выносили. Говорят, бросили бутылки с зажигательной смесью.

– Совсем спятили, – покачала головой Маринка.

– Точно. Там прокурорские рыщут, ну и эти... из ФМС.

– Значит, у Горбатого большие неприятности? Выходит, все же конкуренты?

– Может, и конкуренты. Болтают разное, полыхнуло аккурат после

того, как пигалица наша с Бадом к Горбатову приезжала. Неизвестно, о чем говорили, но все знают: баба, что в подворотне нашли, пигалицу интересуется. Сложить два и два легче легкого. Решили, кто-то кому-то надумал рот заткнуть.

– И для этого готовы были всех заживо сжечь? – нахмурилась Маринка.

Тамара пожала плечами:

– Есть такие уроды, для которых чужая жизнь дешевле копейки.

– Кто бы спорил, – буркнула Маринка и сердито на меня уставилась. – Никуда лезть не смей! – вдруг рявкнула она. – Смотри, что делается.

– Куда я лезу-то? – растерялась я.

– Куда не просят, ишь, следователь нашелся. Владан вернется, вот и решит, как поступить. Не то отцу твоему позвоню...

– Да что ж вы все отцом грозитесь? – всплеснула я руками. – Мне что, по-твоему, десять лет?

– Умом ты несильно старше, – выдала Тамара.

– Вот уж спасибо.

– Пожалуйста. Слушай, что говорят. Видать, баба, которую ты в подворотне нашла, не так проста, как кажется... Если б не ты, закопали бы беднягу и забыли. На что душегубы и надеялись. Но тут ты влезла. Да еще Бада приволокла. Бад куда хуже ментов, это даже младенцы знают.

Маринка согласно кивнула, а я спросила:

– Почему вы решили, что душегубов несколько?

– Говорю ж, с двух сторон полыхнуло.

– Горбатый сказал, пропала одна из его работниц. Через несколько часов после того, как обнаружили в подворотне женщину. Об этом ничего не слышно?

Тамара покачала головой, а Маринка заявила:

– Отправляйся-ка ты домой. Нечего здесь глаза мозолить. – Она схватила меня за руку и потащила к выходу, горя нетерпением сиюминутно от меня избавиться.

Мы как раз поравнялись с офисом, когда подъехал Бад.

– Куда ее конвоируешь? – весело осведомился он, выходя из машины и обращаясь к Маринке.

– К отцу. Слыхал, что у нас творится?

– Потому и приехал, – вздохнул Бад, глядя на меня с сомнением. – Не беспокойся, я ее родителю сам доставлю.

Маринка постояла, переводя взгляд с меня на Бада, и молча удалилась.

– Пойдем кофе пить, – сказал он и начал подниматься по ступенькам.

В офисе я приготовила кофе. Бад устроился за столом на месте Владана, и это мне почему-то не понравилось, однако я сочла за благо промолчать.

– Говорят, это был поджог, – начала я. Бад кивнул. – И его связывают с нашим визитом.

Он вновь кивнул, то ли соглашаясь, то ли просто дал понять, что меня услышал.

– Неужто и теперь менты продолжают считать, будто женщину зарезали в пьяной драке?

– Почему бы и нет? Полина, детка... – вздохнул он, а я перебила:

– Ненавижу, когда ты так меня называешь.

– Учту. С чего ты взяла, что пожар связан с убийством этой бабы?

– Ты издеваешься, что ли? – рявкнула я.

– Нет, – покачал он головой с самым серьезным видом, – по словам Горбатого, а он не идиот, чтобы врать, убитую с фабрикой ничего не связывает.

– А пропавшая работница?

– За уши притянута, – хмыкнул он.

– Алеша, – подхалимски начала я. – Я совершенно уверена...

Он снова покачал головой:

– Стоит тебе произнести мое имя таким сладким голосом, и я становлюсь дураком. Причем редким. Однако смею напомнить: профессионалы строят версии, исходя из фактов. А какими фактами располагаешь ты?

Только я собралась ответить, как хлопнула входная дверь, и через мгновение в комнате возник Владан.

Это было так неожиданно, что я замерла с открытым ртом и даже слова произнести не смогла.

– Привет, – сказал Марич, бросая на пол рюкзак, который снял с плеча, и ворчливо осведомился, обращаясь к Бад: – Ты теперь тоже здесь работаешь?

– Я в добровольных помощниках.

Бад поднялся и протянул руку Владану, спросив:

– Все в порядке?

– А как еще? – вроде бы удивился Владан, разворачиваясь ко мне.

Я наконец-то пришла в себя и с визгом бросилась ему на шею, одновременно пытаясь обнаружить в нем перемены. Особо он не загорел, то есть загар имел место, но ведь лето на дворе... дался мне этот загар... однако слова Бада не шли из головы.

Изменения все же были. Он коротко подстригся. Волосы у него совершенно седые, память о войне, на которой он хлебнул всякого, где потерял отца и мать. Короткая стрижка делала его моложе, недельная щетина больше походила на бороду, но ему, как ни странно, шла.

Он засмеялся, поставив меня на пол, а я подумала: улыбка у него необыкновенная, она делала его лицо по-мальчишески открытым. Жаль, что улыбается он не часто. А еще он очень красив. Так красив, что дух захватывает. Пахло от него божественно: хвоей, костром, чем-то вольным и дразнящим.

– Ты вернулся... – пробормотала я, поспешно вытирая некстати выступившие слезы.

– Можно подумать, я на Марс летал, – проворчал он.

– А где ты был? – спросила я.

– На рыбалке, – пожал он плечами.

– На какой рыбалке?

– Я ж оставил записку, – вздохнул он.

– Про рыбалку там ничего не было.

– Там было главное. Не доставай, ради Христа, не то весь отдых насмарку.

– А где рыба? – съязвила я.

– Съели. Если честно, мы больше природой наслаждались.

– Это в каком же месте?

– В Карелии, – глазом не моргнув ответил он. – Ладно, пойду приму душ с дороги. Пока, – кивнул он Бад и удалился, прихватив рюкзак.

– Как думаешь, он действительно был на рыбалке? – полезла я к Алексею.

– Главное, он хочет, чтобы другие так думали.

– Но это не так?

– Не забивай голову. Если Серб вернулся, я, пожалуй, пойду. Решишь позвонить – буду рад. – Он направился к двери, сделав ручкой на прощание, глядя на меня с каким-то странным выражением. Но мне было уже не до этого, все мои мысли занимал Владан.

Не успел Бад уехать, как в офисе появилась запыхавшаяся Тамара.

– Звони Маринке, есть ли у нее чего пожрать? А то я мигом сварганю. Мужик с дороги...

– Он был на рыбалке, – зачем-то сказала я.

– Звони...

Маринка ответила не сразу, зародив в душе худшие подозрения: вполне возможно, что они сливаются в объятиях после долгой разлуки.

– Чего тебе? – буркнула она недовольно, а воображение услужливо рисовало одну любовную сцену за другой. В тот момент я соперницу люто ненавидела, оттого удержаться от язвительности не смогла.

– Тамара спрашивает, есть ли чем накормить мужика с дороги, предлагает свои услуги.

– А то я без вас не справлюсь. – Маринка бросила трубку, а я пожалала плечами:

– Справится без нас.

– Справится она, – презрительно фыркнула толстуха. – Яичницу пожарит? А я бы... – Тут она махнула рукой, после чего торопливо перекрестилась. – Вернулся, и слава богу. А ты чего скуксилась? Ревнуешь, что ли?

– А вы как думаете? – хмыкнула я.

– Понятное дело... Сама себе судьбу выбрала.

– Давайте без нравоучений, вас всех не переслушаешь.

Тамара наконец удалилась, а я вымыла чашки, оставшиеся после нас с Бадом, и устроилась на диване с робкой надеждой, что Владан скоро появится. Его и мои желания, похоже, пока не совпадали.

Зато где-то часа через два в офис заглянула старушка, имени я ее не знала, но встречала довольно часто, в теплое время года она полдня проводила на скамейке возле двадцать восьмого дома в компании соседок.

– Здравствуй, Полинка, – сказала она, пытаясь отдышаться после подъема по лестнице. – Говорят, Владан вернулся?

«По радио уже объявили?» – чуть не брякнула я, но вовремя сдержалась.

– Да. Вернулся. Был на рыбалке, в Карелии.

– Вот и славно. Отдохнул на свежем воздухе... дело у меня к нему. Пусть с дороги отдохнет, а я уж тогда завтра. Передай ему, что Пелагея Алексеевна заходила.

– Обязательно передам.

Она поставила на стол пакет.

– Я здесь собрала кое-что. Яички, творог. Ну и прочее по мелочи. Все своё, от сестры привезла.

– Спасибо, только он не возьмет. И меня отругает.

– Возьмет, возьмет. Мне не откажет.

Она торопливо удалилась, а я заглянула в пакет. Кроме творога и яиц, там еще стояли двухлитровая бутылка молока, холодец в железном судке и банка варенья. Я только головой покачала, убрала пакет в холодильник и вернулась на диван.

Прошло еще два часа. Владан и не думал появляться. Но около пяти часов позвонил, к тому моменту я уже едва на стены не кидалась.

– Какого лешего ты в конторе сидишь? – осведомился он, а я зло подумала: «Ну вот и до меня очередь дошла».

– Я на своем рабочем месте.

– Помнится, я тебя в отпуск отправил.

– Заходила старушка, Пелагея Алексеевна, у нее к тебе дело. Если хочешь холодца – поторопись.

– Какой еще холодец?

– Свойский.

Он чертыхнулся, а минут через двадцать уже входил в офис. На смену недавней ревности пришла обида, потому что я заподозрила: явился Владан не из-за меня, а из-за старушки.

– Пакет в холодильнике, – буркнула я.

В холодильник он заглянул и сказал с серьезным видом:

– С голода мы точно не умрем, – и добавил, вдруг широко улыбнувшись: – Жутко рад видеть твою мордаху.

Само собой, я забыла все обиды, очень хотелось повторно броситься ему на шею, но он уже устроился в кресле в своей излюбленной позе и принялся вертеть монетку в один евро, которую вечно таскал с собой.

– Маринка жалуется, ты от рук отбилась.

– Господи, – скривилась я.

– Она о тебе беспокоится, – назидательно произнес он.

– Уж как-нибудь обойдусь. Идиотизм какой-то, – буркнула я.

– Это ты к чему?

– По-твоему, это нормально?

– Конечно. Она старше и опытнее...

– Ты какой опыт имеешь в виду? – съязвила я. – Между прочим, ей положено меня ненавидеть. А мне ее.

– С какой стати? – удивился он, точно и правда не знал.

– С такой. – Я отвернулась, давая понять, что продолжать разговор на эту тему не намерена.

– Ладно, рассказывай, что за хрень здесь творится.

Я подробно рассказала о том, как обнаружила женщину, и о своих последующих действиях, ничего не забыв, строго придерживаясь фактов в надежде, что он оценит: его школа не прошла даром.

– Добро пожаловать домой, – проворчал он, когда я закончила. – Что за мания влезать в дела, за которые мы не получим ни копейки?

– Я же не нарочно.

– Ага.

– Владан, исчезновение работницы с фабрики как-то связано с этим убийством.

– Разберемся, – перебил он, поднимаясь. – А сейчас потопали к Пелагее. Узнаем причину ее бесконечной доброты.

Я готова была следовать за ним хоть на край света. Он вышел из офиса и, сунув руки в карманы брюк, стал спускаться по лестнице, что-то насвистывая. Бороду он, кстати, не сбрил, то ли поленился, то ли решил оставить все как есть. А я вздохнула, вновь отметив: выглядит он исключительно привлекательно.

Две девицы, проезжавшие мимо в машине, зазывно ему улыбались, а я мысленно чертыхнулась. Дверь в офис он, по обыкновению, запереть не потрудился, пришлось это сделать мне, вот я малость и задержалась. Чуть ли не бегом догнала его и вцепилась в локоть. Пусть эти крашенные блондинки в машине уяснят: им ничего не светит. Правда, мне пока тоже. Владан взглянул на меня с некоторым недоумением, но руку не убрал, что весьма воодушевило.

Мы шли по улице, раскланиваясь с редкими прохожими.

– Напомни к Тамаре зайти, – сказал Владан, когда мы проходили мимо кафе.

– Она уже прибегала. Правда, ничего не принесла.

Мариш взглянул с укоризной, и я заткнулась, предпочтя просто наслаждаться моментом: он вернулся, он рядом и я держу его под руку.

Наше путешествие длилось недолго. Пелагею Алексеевну мы обнаружили во дворе ее дома в компании двух соседок. Они что-то живо обсуждали, но, завидя нас, разом примолкли.

– Добрый вечер, – приветствовал их Владан, тетки недружно ответили. – Я к вам, Пелагея Алексеевна. Спасибо за продукты...

– Да что ты... кушайте на здоровье. – Она переглянулась с подругами, те поднялись и поспешно простились, а мы заняли их место. – Чего ж ты сам-то... – засуетилась Пелагея. – Я бы завтра пришла... отдохнуть с дороги надо...

– Что у вас случилось? – спросил Владан.

Она вздохнула, посмотрела на него, точно сомневаясь, и ответила:

– Боюсь, с Танькой моей беда.

Кто такая Танька, я понятия не имела, но Владан, похоже, знал, о ком речь.

– Вы рассказывайте, рассказывайте, – кивнул он.

– И рассказать-то толком нечего. Она нянькой работает, не знаю,

слыхал ты или нет, Сохнов Сергей Петрович, богатый вдовец. Вот у его дочки, Ксюши, она и в няньках. Платит хорошо, да и к девчужке Танька привязалась, своих-то детей нет. Как с Сергеем своим, пьянью проклятой, развелась, так ни одного мужика, считай, уж десять лет. Точно наговорено. У Серёги бабка колдунья была, это всем известно, не иначе ее работа. Такой страшной смертью померла...

Я заподозрила, что мы так и не узнаем, какая беда случилась с Танькой, и выслушаем не одну поучительную историю, но Пелагея вдаваться в детали смерти колдуньи не стала, чем порадовала. Кстати, Владан все это слушал с поразительным терпением. Наверное, по этой причине местные старушки, а еще дети его прямо-таки обожали.

– В общем, Танька который уж год в доме у Сохнова живет, всегда при Ксюше. Ребенку, понятное дело, забота нужна. Отец всегда на работе, человек-то занятой. У него дом есть где-то рядом с Сочи, в июне он туда дочку с моей Танькой на целый месяц отправил. Потом сам с ними отдыхать летал в эту... в Испанию. Танька думала – вдвоем поедут, но и ее с собой взяли. После Испании чуток побыли здесь и вроде опять на юг собирались. В следующий понедельник, так мне Танька сказала. Я точно помню. Заходит она ко мне редко, а звонит каждый день. Обычно по утрам, часов в десять... и вдруг звонить перестала. Поначалу я не переживала, не звонит, и ладно. Мало ли что. Потом сама позвонила. Не отвечает. Бабий голос говорит, что нельзя с Танькой соединиться. Я терпела, сколько могла, а потом пошла к Сохнову. У него контора неподалеку, и адрес я знаю. – Она назвала адрес, а Владан кивнул. – Охранник меня пропустил и даже проводил до кабинета. Я ему говорю: Сергей Петрович, так, мол, и так, куда Танька делась, а он: улетели на юг, отдыхают. У нее, говорит, телефон в аэропорту украли, но они мне по этому, по Интернету звонят. А мне позвонить она не может, потому как у меня Интернета нет, и Танька просила мне позвонить, но он за делами забыл и очень извиняется. – Пелагея замолчала, потирая руки с вздувшимися венами.

С минуту мы сидели в тишине.

– Так, может... – начала я, но Пелагея отмахнулась:

– Да брешет он.

– Почему вы так решили?

– Танька сказала, уедут в понедельник. А если раньше собралась, почему не предупредила? Телефон-то в аэропорту украли, и дома он при ней был.

– А если в спешке забыла позвонить?

– Что за спешка? С какой такой стати? Не в этом дело, – вновь махнула

она рукой. – Душа у меня болит. Свербит с того самого дня, как с ним поговорила. Врет он, Иуда. Беда с Танькой.

– Но что могло случиться? – переводя взгляд на Владана, спросила я.

– Не знаю. Оттого и прошу: Владан, помоги ради Христа. Найди ее. Я хотела в полицию, но это пустое. Придумают, что сказать, чтоб ничего не делать. Да и у Сохнова денег куры не клюют, откупится. Вся надежда на тебя. Не откажи.

Владан потер подбородок, теперь украшенный бородкой, и кивнул:

– Надеюсь, с Танькой полный порядок. Но для вашего спокойствия...

– Вот и спасибо, – заторопилась она. – Я заплачу, у меня на похороны скоплено...

– Денег не надо, – поднимаясь, сказал Владан. – Мы ж с вами почти родственники... Будут новости, зайду или позвоню, а если Танька вдруг объявится, сообщите.

– Конечно, сразу же прибегу. Может, заглянете ко мне? Я вас грибным супом накормлю.

– Спасибо. В следующий раз.

Бабка его обняла на прощание и перекрестила, а я подумала: может, она и вправду какая-то дальняя родня? О чем и спросила, когда мы покинули двор.

– Жили рядом, на одной лестничной клетке, – ответил Владан.

– Ты дружил с этой самой Танькой?

– Мы все больше дрались. Она старше и была на редкость вредной. Я ее терпеть не мог.

– Почему она ее Танькой зовет?

– А как еще?

– Таней, Татьяной.

– Танька, должно быть, привычней. Раньше они не особо ладили и ругались отчаянно.

– Как думаешь, бабке мерещится или действительно что-то случилось?

Он пожал плечами:

– Скоро узнаем, – и на часы взглянул. – Бизнесмены на работе частенько задерживаются, может, нам повезет и мы его еще застанем. Тут недалеко.

Мы шли по улице к офису Сохнова, я опять держала Владана под руку и чувствовала себя бесконечно счастливой. Он покосился на меня и вдруг засмеялся.

– Что? – нахмурилась я.

– Успел забыть, какая ты красотка. Мне небось весь район завидует.

- Выгляжу по-дурацки, да?
- Шикарно выглядишь.
- Тогда чего смеешься?
- От счастья, – с серьезной миной заявил он.

Офис Сохнова оказался довольно скромным. Территориально двухэтажный дом из беленого кирпича находился уже за пределами Ямы, но совсем рядом.

Владан открыл стеклянную дверь, пропуская меня вперед. Я вошла и едва не столкнулась с рослым охранником. Он прохаживался возле двери, заложив руки за спину. На нас взглянул с недоумением. Складывалось впечатление, что посетители здесь появляются не часто. Охранник тут же занял свое место в стеклянной будке, в крошечной проходной поместились лишь она и вертушка, через которую нужно было пройти.

- Вы к кому? – откашлявшись, спросил он деловито.
- К Сохнову Сергею Петровичу.
- По какому вопросу?

Владан выразительно посмотрел на него, мужчина поспешно уткнулся в журнал, который лежал на столе.

– Ваша фамилия?

– Марич. У меня всего один вопрос, разговор займет не больше пяти минут.

Охранник снял телефонную трубку, набрал две цифры и после недолгого ожидания сообщил:

– Тут к Сергею Петровичу пришли. Фамилия Марич.

Вновь ожидание, на сей раз довольно длительное.

Наконец минуты через три охранник заявил:

– Сергея Петровича не будет до понедельника.

– Вы что, не знали, здесь ваш хозяин или нет? – усмехнулась я.

– Во-первых, девушка, он мне не хозяин, а во-вторых, я только что на смену заступил.

– Хорошо, – миролюбиво отозвался Владан, – подождем до понедельника.

Мы вышли на улицу, и я сказала:

– Может, тебе стоило назваться другой фамилией? Твоя чересчур популярна.

– Не преувеличивай. Хотя... Может, и стоило бы. Во дворе стоит «Мерседес», в окно видел. Тачка дорогая, логично предположить: ездит на ней сам хозяин. Для гостей парковка с этой стороны.

– Думаешь, он не захотел с тобой встретиться, потому что ему есть что скрывать?

– Или он просто не испытывает желания встречаться. Такое тоже бывает.

– Тебе об этом Сохнове что-нибудь известно?

– Немного. Бизнесмен, не из первого десятка в нашем городе, но вполне успешный. Пустырь за Никольской церковью помнишь, ближе к реке?

– Да. Его со смотровой площадки отлично видно.

– Точно. Неплохое местечко. Сохнов дружил с прежним мэром и построил на пустыре ресторан. Назывался «Амелия», по имени его жены.

– Ресторан сгорел, – вспомнила я. – По-моему, два года назад. Были погибшие.

– Совершенно верно. В том числе жена Сохнова, рестораном управляла она. Рано утром сработало взрывное устройство. По идее, никого в ресторане в это время быть не должно, но вышло так, что в то утро Сохнова и еще двое оказались там. Ждали машину с рыбой, кажется. Сохнова сама всем занималась, говорят, очень серьезно относилась к своему бизнесу. Мечтала сделать ресторан лучшим в городе. В общем, оказалась в неподходящее время в неподходящем месте.

– Жуть.

– Точно.

– Ты сказал, сработало взрывное устройство?

– Ага.

– Конкуренты?

– На землицу было много желающих.

– Чего ж теперь она пустует?

– «Умом Россию не понять...» – пожал плечами Владан. – Надо, кстати, поинтересоваться. В самом деле: почему?

– Исполнителей не нашли?

– Нет.

– Это может иметь отношение к исчезновению Таньки?

– Не увлекайся, – зевнул Владан.

– Скажи честно, ты считаешь, у бабки беспокойство на пустом месте и ее дочь отдыхает у моря?

– Надеюсь, так оно и есть.

– С матерью она не особо ладит... Обиделась на что-то, вот и не звонит. Чего молчишь?

– Гадать не люблю. Я же сказал, разберемся.

– И это человек, который утверждал, что работает исключительно за деньги. Но готов искать какую-то Таньку за творог и яйца.

– Сейчас в моде натуральные продукты. Мы не прогадаем.

– Куда, кстати, мы идем?

– Покажу тебе короткий путь в офис.

– Я никуда не спешу.

Он усмехнулся:

– Возьмем машину и прокатимся к Сохнову домой. Бабка знает адрес.

На обратную дорогу у нас ушло минут пятнадцать.

– Поедем на моей машине, – подходя к офису, предложила я.

Владан кивнул, достал мобильный из кармана, как вскоре выяснилось, звонил он Пелагее. Узнав адрес Сохнова, мы поехали на Малую Петровскую, где тот жил в собственном доме.

Коттедж за кованым забором особым богатством не поражал, хотя выглядел достойно. Слева несколько плодовых деревьев, справа детская площадка с качелями и надувным бассейном. На дорожке лежал ярко-красный мячик.

Сидя в машине, мы немного понаблюдали за домом. Никакого движения. Хозяину пора бы уже вернуться. Хотя мало ли какие у него могут быть дела.

Мы направились к калитке и позвонили в домофон. К моему удивлению, женский голос спросил вежливо:

– Вы к кому?

– Сергей Петрович дома? – поинтересовался Владан.

– Нет.

– А когда будет?

– Не знаю. Звоните ему на мобильный.

Связь прервалась, однако Владан уезжать не торопился, вместо этого решил прогуляться, я, само собой, не возражала.

От дома мы не удалялись и примерно через полчаса увидели, как из калитки выходит пожилая женщина в клетчатом платье и смешной шляпке из соломки. Повесив сумочку на левую руку, она, вскинув голову, направилась в нашу сторону.

– Для домработницы поздновато, – сказал мне Владан. – Но в ум не идет, кем она еще может быть.

Между тем мы поравнялись с дамой, и Владан произнес, широко улыбнувшись:

– Добрый вечер.

– Мы знакомы? – спросила женщина, его улыбка, безусловно,

произвела впечатление.

– Мы разговаривали по домофону.

– Вы Сергея Петровича ждете? Дозвонились до него?

– К сожалению, у нас нет номера его мобильного. Мы, собственно, разыскиваем Татьяну Фирсову. По просьбе ее матери.

– А чего ее разыскивать? – удивилась женщина. – С Ксюшей она, на юге.

– Вот что, давайте выпьем кофе и поговорим, если не возражаете. Возможно, Пелагея Алексеевна ввела нас в заблуждение... – Марич кивнул в сторону кафе, находящегося напротив, что было очень кстати.

Женщина, помедлив, кивнула и решительно направилась к кафе, мы за ней едва успевали.

– Здесь отменные пирожные, – глазом не моргнув заявил Владан, когда мы устроились за столиком на веранде и нам подали меню. Сомневаюсь, что он был тут раньше.

– Я стараюсь не есть сладкого, – ответила женщина, но, вздохнув, заказала штрудель, потом пирожное и шоколад с орехами.

Я решила, мне тоже не помешает подкрепиться. Пока ждали заказ, успели познакомиться.

– Меня зовут Владан, – начал мой босс. – Это Полина, а вы...

– Я – Марина Сергеевна, домработница Сохнова.

– Значит, Татьяну вы хорошо знаете?

– Как облупленную. Вот уж характер, прости господи... Не женщина, а бульдозер. Но Ксюшу она любит, и девочка ее тоже. Потому Сергей Петрович и терпит эту фурию.

– Так уж и фурия? – улыбнулся Владан.

– Вы, молодой человек, как видно, с ней не знакомы. У Ксюшки аллергия, я очень тщательно убираю в ее комнате, да и вообще в доме. Уж можете поверить, я свои обязанности знаю. Работала в лучших домах, и везде только положительные отзывы. А Танька демонстративно берет тряпку и за мной пыль вытирает. Можете такое представить? Я даже уйти из-за нее хотела. Совершенно несносная баба.

– А какие у нее отношения с Сохновым?

– Какие могут быть отношения? Он терпит, зубы сцепив. Ей же слова не скажи. Так что там с ее матерью? С какой стати ей вздумалось Таньку искать?

– Она сомневается, что Татьяна сейчас на юге.

– Еще одна полоумная... Ну, семейка.

– То есть Татьяна с девочкой в Сочи?

– Само собой.

– Они собирались туда в понедельник. Теперь выясняется, что уехали раньше, и за все время Татьяна матери ни разу не позвонила.

– Ничего удивительного. Я не раз слышала, как они ругались. По телефону, естественно. Танька только что не материлась и мне жаловалась: достала мамаша.

– Из-за чего ругались?

– Из-за всего. Обе совершенно не в состоянии себя сдерживать. Мать Таньке мозг выносит из-за того, что та родить вовремя не смогла. Да и не собирается, судя по всему. Интересно, от кого ей рожать? Где найти настолько отчаянного мужика... Хотя, если честно, Танька не плохая. Добрая. Ксюшку любит. Крикливая и характер неуживчивый. Что на уме, то и на языке. Никакой дипломатии. Оттого запросто обидеть может. Между прочим, мать ее не в первый раз ищет. Зимой Танька с Ксюшей в Москву уехали, в океанариум. Остановились у какой-то родни, хотели на пару дней, задержались на неделю. Я убираться пришла, вдруг звонок. Какая-то баба орет в ухо: «Где Танька?» Вынь да положь. Я даже не сразу сообразила, что это ее мать. Говорю, она в Москве, а полоумная мамаша рычит: чего она там делает? За полчаса меня едва в могилу не свела. Когда Танька вернулась, я ей про звонок рассказала. И что вы думаете? Она только рукой махнула: мамке делать нечего. А мои нервы?

– То есть вы считаете, Пелагея Алексеевна беспокоится совершенно напрасно?

– А что тут считать? Ее дочурка на море отдыхает, пробудут они там до октября.

– Это Сохнов сказал?

– Танька сама говорила.

– Они при вас уезжали?

– Нет. Я убираюсь у них три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. В среду Танька с Ксюшей были здесь, а в пятницу я пришла в девять утра, как обычно, а в доме никого.

– У вас есть ключ? – спросил Владан.

Марина Сергеевна с достоинством ответила:

– Мне доверяют.

– Вас не удивило, что они так внезапно уехали?

– Да я вообще сначала решила, что они в поликлинику ушли или еще куда-нибудь. Но время к обеду, а их все нет. Ребенку спать надо. Насчет режима у Таньки строго. Ну, я до трех часов терпела, а потом Сергею Петровичу позвонила, где, мол, наши, а он сказал, улетели. Ксюшка

кашлять начала, вот и решили пораньше отправиться. На солнце да в соленой воде...

– То есть улетели они...

– Получается, что в четверг. В среду точно дома были. Ксюшка в бассейне во дворе плескалась, должно быть, тогда и настудилась. Ветрено было.

– А вы не обратили внимания, много вещей девочки они с собой забрали?

– Я вас умоляю, у Ксюшки столько барахла... половину заberi – и незаметно будет.

– Может, игрушки были разбросаны... Что-то указывало на тот факт, что уезжали они в спешке?

– Игрушки Ксюша приучена убирать сразу. Я же говорю, с дисциплиной у Таньки полный порядок.

– Но мячик на дорожке все-таки оставили, – улыбнулся Владан.

– А вы наблюдательны. Точно. Мяч не убрали. И воду из бассейна не вылили. Видно, и вправду торопились.

– Ксюше сколько лет?

– Пять.

– А Татьяна с ней...

– С самого рождения. Покойная жена Сохнова работать не прекращала, пару недель после родов дома посидела, и все. Я тогда тоже только-только к ним устроилась. По рекомендации. Амелия Николаевна на своем ресторане прямо помешана была. Дался он ей, прости господи. Вы ведь знаете, что случилось. Осталась Ксюшка без матери. А уж как Сохнов горевал... Танька боялась, руки бы на себя не наложил. Страшно вспоминать, что было.

Однако страшные воспоминания не помешали Марине Сергеевне разделаться с десертом. Закончив трапезу, она вытерла рот салфеткой и вздохнула, то ли печалась, что поддалась слабости, то ли горевала, что все тарелки на столе уже пусты.

– Вы сказали, что обычно к девяти приходите, – сменил тему Владан.

– Да, так и есть. Завтра ложусь в дневной стационар, вот и перенесла уборку. Сергею Петровичу позвонила, он был не против. Сегодня все равно в Москву уехал, так что моя работа его отдыху не помеха.

– А когда он из Москвы вернется?

– Этого я не знаю. Уехал сегодня. Обычно больше двух дней не задерживается.

– Дочь он очень любит?

– Души не чаёт. И неудивительно: девочка такая красавица, точно ангел. Да и жалеет ее. Ребенок без матери. Хорошо хоть с Танькой повезло. Она ведь как наседка. Иные мамы своих так не любят, как она чужого.

Тут раздался звонок на мобильный, и Марина Сергеевна, вынув его из сумки, поспешно ответила. Разговор занял полминуты, после чего женщина засобиравалась домой.

– Сейчас дочка придет, – сообщила она. – Сколько я должна за чай?

– Не беспокойтесь, – ответил Владан. – И спасибо вам большое. – Он поднялся, пожимая ей руку на прощание.

Она кокетливо улыбнулась, приведя меня в некоторое недоумение: в ее-то годы? Тетка удалилась, а я решила еще выпить чаю.

– О чем думаешь? – спросила я, понаблюдав за Владаном.

Он пожал плечами. Понимать это можно как угодно. Молча мне не сиделось, и я начала приставать.

– Что мы имеем? Беглая Танька не выходит на связь с матерью, та решает, что дочка в беде, и винит в этом господина Сохнова. По словам домработницы, Таньке не впервой уходить в подполье, а бабке волноваться. Скорее всего, сейчас няня с девочкой на юге, лечат кашель и наслаждаются природой.

Владан кивнул.

– Тебя что-то смущает?

– Вроде нет.

– Как-то уклончиво ты говоришь.

– Наше дело найти Таньку и успокоить Пелагею. Чай допила? Тогда поехали.

Лично для меня вся эта суэта вокруг дочери Пелагеи представлялась пустой тратой времени. В самом деле, что могло с ней случиться? Хозяин прельстился ее красотой, она дала отпор, а он в отместку запер ее в подвале? Будь она на двадцать лет моложе, версия худо-бедно сходилась бы. Танька отсутствует вместе со своей воспитанницей, а ее в подвал отец бы запирать не стал. Но Владан пообещал бабке разобраться, в который раз забыв по доброте душевной, что работает исключительно за деньги.

Мне он, по крайней мере, всегда твердит: если б не корысть, он бы жил в приятной праздности, то есть вообще бы ничего не делал. В тот момент меня очень занимала погибшая женщина и все, что с нею связано. Боюсь только, Владан палец о палец не ударит, чтобы мне помочь.

Поразмышляв об этом по дороге в офис, я сочла время самым подходящим и напомнила про пожар на фабрике.

– Что, если у нас маньяк объявился? – буркнула я, не заметив у шефа

особого интереса к разговору.

– Сразу два, имея в виду вашу встречу на пустыре. А это уже Голливуд.

– Почему?

– Потому что в голливудских фильмах они собираются по двое и даже по трое, желая усложнить жизнь копам. В реальности я о таком никогда не слышал. Впрочем, я не спец по маньякам. Дадим Горбатову сегодня успокоиться после пережитых волнений, а завтра с утра нанесем дружеский визит.

– А сейчас?

– А сейчас мы отправляемся домой. Останови здесь, пройдусь немного.

– Я с удовольствием тебя отвезу, – начала я, но под его взглядом остановила машину, а когда он вышел, сказала с печалью: – Тогда до завтра.

Он кивнул и зашагал вниз по улице, а я впервые за последний месяц с тоской и отчаянием подумала: что же будет дальше? Маринка – непреодолимая преграда, поневоле начнешь понимать свихнувшихся девиц, которые строят козни соперницам. Некоторые особо одаренные и вовсе сживают их со свету. Я бы и рада строить козни Маринке, да вряд ли получится. Сживать ее со свету я точно не хочу. Она хорошая, и я... чуть не брякнула «ее люблю». Кстати, утверждение весьма близкое к действительности, и как такое может быть?

– Выход один, – вслух сказала я. – Срочно выдать ее замуж. Жаль, нет подходящего претендента на роль жениха.

В общем, домой я вернулась далеко не в радужном настроении. Взглянула на часы, прошла по квартире. Оставаться здесь было мучительно, податься некуда. Я хотела позвонить папе, а позвонила Бадю. Тот ответил так быстро, точно держал мобильный в руке. Оказалось, так и есть.

– Собирался тебе звонить, – весело сообщил он. – Как расследование? Идет полным ходом?

– Можно подумать, оно тебя интересует. На самом деле, – продолжила я со вздохом, – Владан занят розыском некой Татьяны Фирсовой, которая беспечно относится к своим обязанностям дочери и мамаше не звонит.

– В душе он Робин Гуд, я это знал всегда. Танька – Пелагеина дочь?

– Ты с ней знаком?

– Еще бы. Как-то раз прижала меня к стенке нашего сарая и призналась в любви.

– Серьезно? Тебе, а не Владану?

– Господи, по-твоему, все девчонки должны влюбляться в этого типа?

Серба она терпеть не могла, и правильно.

– И как ты выкрутился тогда, возле сарая?

– Она не ждала моего ответа и сразу приступила к действиям. Танька классно целовалась, а я был в этом полный профан и смекнул: отличная возможность получить бесплатный мастер-класс.

– Получил?

– Сполна. Она меня трахнула.

– Ужас.

– Я был в восторге. И еще полгода млел от ее толстой задницы. Пошли ей, боже, счастье за ее науку.

– Сколько тебе было лет?

– Четырнадцать.

– А ей?

– Вроде восемнадцать.

– Ничего себе! Что было потом?

– В нашем классе появилась новенькая. Девочка с пепельными волосами и кукольным личиком. Вечерами я пел серенады под ее балконом, после чего отправлялся трахаться с Танькой.

– Лицемер.

– Мужчины всегда разрываются между духовным и телесным.

– Даже спрашивать не стоит, что побеждает.

– В конце концов, девочка согласилась на свидание, и добрая Танька была мгновенно забыта, за что злится по сей день: лет десять при встрече вообще упорно делала вид, будто меня не знает. Потом подобрела, но не особенно.

– Драматичная история.

– Чем богаты...

– А кто был первой любовью Владана?

– Пусть сам расскажет. Могу сообщить по секрету лишь одно: в юные годы он не был романтиком. Первых любовей может быть сразу десяток. Он предпочитал трахаться, а не влюбляться.

– В тебе говорит зависть.

– Конечно. Хочешь, поужинаем вместе? Или просто прогуляемся?

– Нет, спасибо. Лягу спать пораньше.

– Тогда спокойной ночи.

Бадю следовало сказать спасибо. Болтовня с ним отвлекла от безрадостных мыслей. Я приняла душ, выпила кефир, который заменил мне ужин, и отправилась спать.

В девять утра я была в офисе и с удивлением обнаружила, что Владан уже там. Сидит возле открытого ноутбука, что-то не спеша просматривая, и вертит в левой руке монетку.

– Привет, – сказал он, не поднимая головы, но при моем приближении ноутбук закрыл.

– Хочешь кофе? – предложила я.

– Выпьем где-нибудь по дороге, – ответил он, вставая.

– Куда едем?

– Идем. Ты же хотела навестить Горбатого.

Мы спустились по ступенькам, когда со стороны двора показалась Маринка. В ответ на мое приветствие мрачно кивнула, а потом погрозила мне кулаком. В результате я не рискнула взять Владана под руку, что изрядно испортило настроение.

– Что это было? – спросила я, когда мы зашагали в противоположную от Маринки сторону.

– Любимая в ожидании кровавой развязки затянувшейся драмы.

– А если человеческим языком?

– Полночи донимала меня вопросом на тему: «Что будет дальше?»

Эти «полночи» прямо-таки резанули по сердцу. Они были вместе. Конечно, были, как же еще?

– По закону жанра в живых должны остаться только двое, – продолжил Владан. – Подозреваю, это будете вы.

– Не шути так.

– Не буду.

– Она хочет, чтобы ты меня уволил?

– Она хочет, чтобы я выдал тебя замуж. За хорошего человека, разумеется. У нее даже есть один на примете.

– Бад?

Владан взглянул на меня с усмешкой:

– Повезло дружку.

– С чего ты взял?

– Он первым пришел на ум.

– Только потому, что Маринка и меня успела достать этой идеей. Как думаешь, он способен жениться по расчету?

– Смотря что на кону.

– Я серьезно.

Владан вновь усмехнулся:

– Нет. Бад из породы редких мужиков: ему не все равно, с кем трахаться.

– А как же Танька?

– Какая Танька?

– Танька Фирсова, которую ты намерен отыскать?

– Она-то здесь при чем?

– Танька его первая любовь. Хотя никакой любви там, судя по всему, не было. Один голимый расчет: научиться премудростям секса.

– Он тоже с Танькой трахался? – вроде бы удивился Владан.

– Что значит «тоже»? – нахмурилась я. – Выкладывай немедленно: вы с ней были любовниками?

– Интересные беседы вы ведете с Бадом, – покачал он головой.

– Не увиливай, – посуровела я.

– Наши отношения не были романтическими, – засмеялся он. – Однажды мы в очередной раз подрались, и я сказал: «Пошли трахнемся» – исключительно с целью ее позлить. А она возьми да и согласись. И что мне было делать? С позором бежать – самолюбие не позволило. И я взгромоздился на Таньку, обмирая от ужаса при мысли о неминуемом позоре.

– Все обошлось?

– Я даже толком ничего не помнил. Но на следующий день решил повторить. Все прошло как по маслу, и я дико возгордился. Таньке респект и уважуха. До сих пор неровно дышу к толстухам. – Он весело мне подмигнул.

– Интересная особа эта самая Танька, – хмыкнула я. – Былые чувства еще теплятся в душе, оттого ты с такой готовностью бросился на ее поиски?

– Я не Бад и с удовольствием трахаюсь без всяких чувств. Мухи отдельно, котлеты отдельно.

– Ты это нарочно говоришь, – разозлилась я. – Просто дразнишь меня.

– Ничего подобного. Я открываю глаза юной особе на предмет ее любви, предмет абсолютно недостойный во всех смыслах.

Стыдно сказать, но я едва не заревела с досады, хотя прекрасно понимала, для чего он все это говорит. Хочет убедить, что моя любовь к нему не более чем блажь. Большое спасибо Маринке за ее ночные труды! Мало мне переживаний, так теперь еще и это...

К счастью, впереди показалась фабрика, точнее, гаражный кооператив, что позволило мне справиться с нахлынувшими эмоциями. Я хотела выглядеть профессионалом, а не слезливой девицей.

Ворота были закрыты, так же как и калитка. Владан немного постучал по ней ногой и даже крикнул:

– Эй! Есть кто живой?

На крик из ближайшего гаража вышел охранник со свежей царапиной на лбу и вежливо поздоровался.

– Где хозяин? – спросил Владан.

Тот вздохнул и ответил с намеком на осуждение:

– В «живодерне». С вечера там.

– Понятно. А что с лицом?

– На пожаре покорябался.

Владан кивнул и зашагал прочь, я припустилась за ним.

– Что за живодерня?

– Сейчас увидишь.

Минут через десять мы входили в кафе, носившее это в высшей степени странное название. Интересно, кто до такого додумался. Хотя, оглядевшись, я готова была признать: подобному заведению нормальное название вряд ли бы подошло. Назвать эту забегаловку кафе язык не поворачивался. Занимало оно цокольный этаж дома, дожидавшегося своей очереди на снос. Темное помещение с низким потолком, барной стойкой и десятком столов: липких, грязных, как и все здесь. По углам обретались личности самого дикого вида. Сразу и не скажешь, какого пола. На одну я подумала, мужик (рабочий комбинезон, короткая стрижка и отсутствие груди), но тут она визгливо заговорила, и стало ясно: баба.

Горбатого я увидела сразу, он сидел за стойкой, опершись на нее левой рукой и склонив голову. Когда мы подходили, он как раз сказал бармену:

– Налей еще.

Тот покачал головой, точно сомневаясь, перевел взгляд на Владана и кивнул в знак приветствия. Горбатый, обнаружив нас за своей спиной, усмехнулся:

– Привет. Вернулся, значит? Выпьешь со мной?

– Не рановато для выпивки? – спросил Владан, устраиваясь рядом, указав бармену на бочонок пива, стоявший на стойке.

Тот поспешно налил бокал, пододвинул Владану и спросил меня с сомнением:

– Вам тоже?

– Есть что-нибудь безалкогольное?

При этих словах Горбатый громко рассмеялся. Кстати, выглядел он не таким уж и пьяным, учитывая, что, по словам охранника, обосновался здесь с вечера.

– Все из-за твоей девчонки, – заявил он, когда смеяться ему надоело.

– Что «все»? – спросил Владан.

– Слышал, что меня подпалили? Полыхало будь здоров. Убытки и куча дерьма, которое придется разгрести.

– И виновата в этом моя девчонка?

– Может, я не так выразился. Извини. Она притащила Бада, вся улица видела, как мы разговаривали.

– И что?

– Кому-то его появление очень не понравилось...

– Я не обладаю таким острым умом, как твой, и теряюсь в догадках: при чем тут моя девчонка и Бад?

Горбатый немного посопел обиженно.

– Она ведь тебе все рассказала?

– Допустим.

– Одно дело, когда нос в чужие дела сует девчонка, и совсем другое – твой друг Бад.

– Ага. Мало-помалу проясняется. А куда они сунули нос?

– У меня пропала работница. Ушла и не вернулась. А тут еще убитая баба в подворотне.

– А как убитая баба связана с твоей фабрикой? – поинтересовался Владан.

– Никак, – нахмурился Горбатый.

– Тогда по-прежнему не очень понятно.

Горбатый в досаде махнул рукой.

– Хотите, мы найдем тех, кто устроил пожар? – влезла я. – И разыщем вашу работницу?

Владан свел глаза у переносицы, а я пихнула его в бок, беззвучно произнеся:

– Клиент.

– Я хочу, чтоб меня оставили в покое. А то я не знаю, сколько вы сдерете за труды.

– Мы сделаем существенную скидку. По-дру-жески.

Он вроде бы задумался, а потом покачал головой:

– Нет уж.

– Где сейчас твои работницы? – допивая пиво, спросил Владан.

– Тебе зачем?

– Хочу поболтать о том о сем.

– Черт, – выругался Горбатый. – Мало мне неприятностей...

– Вот это верно, – перебил Марич.

Тот покачал головой в досаде и сказал:

– Барак в Земляном переулке. Я позвоню, чтоб тебя пустили.

Владан бросил на стойку купюру и, кивнув мне, направился к выходу. Я залпом допила воду (ничего безалкогольного, кроме воды, здесь не нашлось) и припустилась за ним.

– Ты показала класс, – насмешливо заявил он.

– Я пыталась раздобыть нам клиента. Ты ж не любишь работать даром.

– Кто-то намеревался тебя проучить. Или напугать. Что тоже не очень хорошо. И заслуживает хорошей взбучки. Для этого я готов трудиться даром вопреки своим принципам. От чего, конечно, страдаю.

– Горбатый явно чего-то недоговаривает, – решила я развить интересующую меня тему. – Откуда такая уверенность, что пожар связан с нашим появлением? По-моему, он отлично знает, кто эта женщина. И знает или догадывается, за что ее убили.

– И на чем основывается твоя убежденность? На интуиции? – засмеялся Владан.

Я обиженно нахмурилась и предпочла на время оставить тему.

Барак выглядел так, точно готовился рухнуть в любую минуту. Забор, окружающий его, казался куда прочнее. Никаких опознавательных знаков в виде табличек, даже номер дома отсутствовал.

Не успели мы подойти к калитке, как она открылась и на улицу шагнул невысокий коренастый мужчина восточной внешности.

– Это вы Владан? – вежливо спросил он, косясь на меня. – Хозяин звонил. Проходите.

Барак совсем недавно использовали как мастерскую, а сейчас на скорую руку попытались придать ему более-менее жилой вид. С улицы мы сразу попали в кухню. В длинном узком помещении стояли две плиты с газовыми баллонами, молодые женщины что-то готовили. На нас смотрели с опаской. В следующей комнате на полу лежали матрасы, застеленные цветастым бельем. На единственном окне вместо шторы одеяло, сейчас держалось на одном гвозде. Две женщины спали, прикрыв лица платками, чтобы свет не мешал.

– Скоро все соберутся, – сказал сопровождавший нас мужчина. – Я останусь, не все говорят по-русски.

Он что-то сказал одной из женщин, она кивнула и направилась в соседнюю комнату. Вскоре вернулась, и не одна. Следом шли несколько работниц, выглядели не то чтобы испуганными, скорее озадаченными.

Мужчина принес скамью, на которой мы втроем и устроились. Женщины садились на матрасы, по-восточному поджав ноги. Они все шли и шли, на полу почти не осталось места.

– Здесь все? – спросил Владан, когда мужчина закрыл обе двери и выжидающе уставился на Марича.

– Все.

– Что ж, тогда начнем.

Владан задал вопрос: кто из присутствующих общался с пропавшей женщиной.

– Как ее, кстати, звали? – повернулся он к переводчику.

– Гуля.

Тот заговорил на родном языке, женщины как по команде опустили глаза. В комнате стало очень тихо. Мужчина вновь заговорил, настойчиво, даже резко, шаря взглядом по сидевшим на полу женщинам.

– Объясните им, – вмешался Владан, – я не из полиции. У них не будет неприятностей. Я просто хочу найти эту женщину по просьбе их работодателя.

Мужчина заговорил куда спокойнее. Одна из женщин ответила, он начал быстро переводить.

– Гуля не очень-то разговорчивая. Сама по себе. Если с кем и общалась, то вот с ней, – он кивком указал на одну из работниц. – Мы для нее компания неподходящая, она с образованием, а мы кто? – говорившая презрительно фыркнула и отвернулась. Несколько женщин согласно закивали.

– В таком случае мы вас не задерживаем, – сказал Владан. – А вы останьтесь, пожалуйста, – сказал он той самой женщине, на которую указал переводчик, и улыбнулся.

Его улыбка в очередной раз произвела впечатление, женщина заметно расслабилась. Между тем народ торопливо расходился, и вскоре в комнате остались четверо: мы с Владаном, переводчик и эта женщина.

Она перебралась поближе к нам и сказала:

– Я говорю по-русски.

Говорила она, кстати, без акцента.

– Отлично, тогда вас мы тоже не задерживаем, – сказал Владан переводчику.

Тот, не говоря ни слова, вышел, но, судя по выражению лица, был недоволен. Дверь прикрыл неплотно, я была почти уверена: он подслушивает. Наверняка та же мысль пришла в голову женщине, она криво усмехнулась:

– Никаких тайн я вам не открою. Мы с Гулей спали рядом, на работе она передо мной сидела. Иногда парой слов перебросимся. Про нее правильно сказали: нелюдимая. И нам не пара. Жила в достатке, пока муж

не погиб. А когда беда пришла – стало совсем плохо. Вот она и подалась сюда. Платят здесь, кстати, хорошо, по нашим меркам. Но для нее это копейки. Она очень тосковала по прежней жизни. Все плакала. Однажды смотрю, она сумку рукой гладит и ревет. Мы сумки шьем. Я ее спросила: ты чего? А она: у меня такая была, только настоящая. И сумку эту у мастера выпросила, не даром, конечно. Деньги из зарплаты вычли. Никто из нас не стал бы тратить.

– Давно она здесь?

– Как и я, три месяца.

– Вот эту женщину вы, случайно, не видели? – Владан протянул ей смартфон, я, само собой, проявила интерес и узнала на фотографии погибшую женщину. Наличие фотографии могло бы удивить, не знай я возможностей Владана...

Разглядывала ее наша собеседница долго и внимательно.

– Нет. Она точно не из наших. По крайней мере, при мне на фабрике не появлялась.

– А у пропавшей Гули родни здесь не было? – вновь спросил Владан, убирая смартфон.

– Ничего такого она не говорила. Но я думаю, кто-то был. Она после смены часто уходила.

– Охрана этому не препятствовала?

– Нет. Хотя всегда предупреждают, чтоб без дела не болтались по городу. Здесь наших много живет, вряд ли первый же мент паспорт спросит, но лучше не рисковать. Да и за смену так устанешь, сама никуда идти не захочешь. Поесть бы да поскорее уснуть. Почти у всех дома кто-нибудь остался, – добавила она, понижая голос. – Когда спишь, тоски нет. Я так даже рада, когда работы много, некогда думать, себя жалеть.

– Уходила Гуля надолго? – спросил Владан, когда она замолчала.

– Не знаю. Я обычно засыпала до ее возвращения.

– Могли бы вы припомнить тот вечер, когда она исчезла?

Женщина пожала плечами.

– Ей еще во время работы кто-то позвонил. У нас запрещено на смену мобильный брать, чтоб не отвлекаться. Оттого я и обратила внимание. Разговор не слышала, в цехе шумно. Сразу после этого Гуля к мастеру пошла. Отпрашиваться. Такое не то чтобы не принято, вообразить невозможно. Мастер и разговаривать не стал, а она форменный скандал устроила. И только когда он заорал: собирай манатки и катись куда хочешь, она на свое место вернулась. Я видела, эсэмэс кому-то написала и звонить пробовала пару раз, пока мастер был занят. Но ей не ответили. После

смены готовили ужин, тут пришел охранник и стал рассказывать про женщину, которую зарезали. Опасный район, и одной ходить опасно...

– И как отреагировала Гуля?

– Никак. Вроде бы и внимания на его слова не обратила. Ушла в спальный блок, а когда я там появилась, ее точно подменили. Нервничала сильно. И при мне несколько раз звонила, но ни с кем не разговаривала.

– То есть тот, кому она звонила, не ответил?

– Да. Поэтому она, наверное, и нервничала. А потом быстро собралась и ушла. Я спросила: «Ты куда?» – но она промолчала, вроде и не слышала меня. Когда я спать легла, ее еще не было. Утром к началу смены она тоже не вернулась. Я мастеру сказала, тот охране. Охранники пошли ее искать, мало ли что. После этого убийства все были напуганы. Мы ведь здесь чужие. Кто-то считает, мы у них работу отнимаем. Хотя работать на наше место все равно не пойдут.

– Вы не исключали, что женщину могли убить из-за ее внешности? – влезла я. – То есть я хотела сказать...

Она пожала плечами.

– Мне всякое слышать приходилось, когда просто по улице идешь. Только не подумайте, что жалуюсь. В чужой стране всегда несладко, если в карманах пусто. И неважно, какой ты национальности. Богатым везде уважение, бедным – пинки. Мне и дома доставалось. Мы тут все из одного села, даже жили на одной улице. Держимся друг за друга. А Гуля не из наших. Я удивлялась, как она вообще сюда попала? Кто-то у нее здесь был.

– Здесь, то есть на фабрике? – уточнил Владан.

– В городе. Будь кто-то на фабрике, нашли бы работу полегче. В никуда не поедешь, понимаете? Либо как мы, группой с сопровождающим, либо тут должен кто-то быть. Вышел на вокзале, а дальше-то что?

– Вы нам очень помогли, – помолчав, сказал Владан и протянул женщине несколько купюр. – Без обид. Деньги пригодятся, и вам они точно нужнее, чем мне.

Она вроде бы сомневалась, но кивнула и деньги взяла. Сумма, как я успела заметить, приличная. Вряд ли сведения столько стоили, выходит, он просто хотел ей помочь. Деньги он раздавал без всякого сожаления, если видел в том необходимость. Чувство справедливости было развито в нем чрезвычайно, правда, не всегда совпадало с общепринятыми стандартами, в том числе и с моими. Но сейчас его поступок, безусловно, пришелся по душе.

Мы простились. Не успела женщина покинуть комнату, как тут же появился переводчик, что лишь укрепило меня во мнении: он подслушивал.

Судя по выражению лица, недовольства в нем не было, даже наоборот.

– Чаю выпьете? – заботливо предложил он.

– Не откажусь.

Чай мы пили под навесом во дворе. Владан нахваливал напиток и гостеприимство собеседника. Тот явно чего-то ждал, Марич не торопился. Эту его манеру я хорошо знала. Мужчина томился все больше и больше, нетерпение сменилось недоумением, наконец он не выдержал:

– Хотите поговорить еще с кем-то? Хозяин просил помочь...

– Я думаю, вы сами сможете ответить на мои вопросы, – скупно улыбнулся Владан.

– С радостью. – Мужчина, он, кстати, назвался Юрой, даже поклонился, держа руку у сердца.

– Как Гуля оказалась среди ваших работников?

– Один человек привел. Хороший человек. Просил устроить.

– Можно с ним встретиться?

– К сожалению, нет. Домой уехал. Давно. Три недели назад. Когда сюда вернется – не знаю.

– Она часто уходила после смены? – не стал настаивать Владан.

По лицу Юры было видно, он прикидывал, что ответить, и старался не прогадать. Наконец вздохнул и кивнул:

– Да, уходила. У нас любой может уйти, почему нет? Свободные люди...

– Было к кому?

Взгляд его вновь заметался.

– Было, – ответил он. – Говорила, что у нее сестра здесь живет, или подруга. Не знаю точно. К ней и ходила. Хотя кто знает, куда она шла на самом деле.

– Ее фотография у вас есть?

– Фотографии нет. Зачем? Пропусков не делали.

– И паспорт не спрашивали?

– Данные есть, фотографии нет. – Он кивнул кому-то из охраны, и через минуту ему подали папку-файл, которую он протянул Владану. – Здесь все, что о ней известно. Мы с вами абсолютно откровенны, господин Марич. Поверьте, нам нечего скрывать.

– Надеюсь, – сказал Владан, поднимаясь. – Спасибо за чай. Кстати, что вы думаете о поджоге фабрики? Чья работа?

– Я человек маленький, откуда мне знать? Спросите у хозяина.

Владан кивнул, и мы вскоре оказались за забором. Владан на ходу просмотрел бумаги, которые дал ему Юра, и сунул их мне.

– Что-нибудь интересное? – спросила я.

– Паспортные данные. На ксероксе они сэкономили. Скорее всего, ее паспорт у Юры.

– Чего они боятся? – спросила я, вопрос, само собой, риторический. Владан пожал плечами. – Теперь, по крайней мере, мы знаем, кто она такая, и сможем установить имя и фамилию ее сестры.

– Шутишь? – хмыкнул Владан. – Угробим кучу времени на запросы, и что? Возможно, у нее вовсе нет сестры или их десяток.

– Тогда что делать?

– Искать, дорогая. Куда-то она ходила. Следовательно, ее кто-то видел.

– Сомневаюсь, что на это уйдет меньше времени.

– А ты не сомневайся.

Он подмигнул и зашагал веселее. Очень скоро выяснилось, к поискам он решил приступить немедленно. Меня это, само собой, порадовало.

Первым делом мы зашли в продуктовый магазин в соседнем переулке. Владан уверенно направился к его дверям, а я гадала, что ему вдруг понадобилось в магазине? Не очень-то он их жаловал, предпочитая, чтобы покупками занималась Маринка. Хотя они формально жили в разных квартирах, но моя соперница следила за тем, чтобы холодильник в квартире Марича не выглядел совсем уж сиротливо, но и не перегружала, не то у любимого исчезнет повод лишний раз к ней заглянуть. Возможно, Маринкино коварство я преувеличивала, но без особой нужды Владан в магазины точно не заходил.

«Наверное, воды решил купить», – предположила я, однако полки с водой мы благополучно миновали, а Марич направился напрямик в подсобку.

Дверь была открыта, мужчина неопределенного возраста с бородищей лопатой сидел на ящике и болтал по мобильному. Увидев Владана, разговор поспешно закончил и, поднявшись, протянул руку, которую мой босс пожал.

Мужчина едва доставал до его плеча, зато сильно раздался в ширину, оттого выглядел комично. Я решила, он похож на старичка лесовичка из сказки.

– Я по делу, – сообщил Владан и протянул ему свой смартфон с фотографией. – Никого не напоминает?

– Это та, которую в подворотне нашли? – внимательно разглядывая фотографию, спросил бородач.

– Точно.

– Никогда не видел. Спроси на мойке, что на углу Крупской, там бабы

меняются чуть ли не каждый день.

– Тогда еще вопрос. К твоим в гости не заглядывает девушка Гуля лет тридцати? Работает у Горбатого.

– Поспрашиваю и у своих, и у чужих. Можешь не сомневаться, найдем. Как только народ узнает, что ты эту бабу ищешь...

– Вот это как раз и ни к чему. Хотя, конечно, все равно узнают...

Из магазина мы отправились на улицу Крупской, на ту самую мойку, о которой говорил бородач. Но здесь нас постигла неудача: хозяина мойки на месте не оказалось. Три женщины, едва Владан стал задавать вопросы, внезапно перестали понимать русский язык. Качали головами и повторяли:

– Хозяина нет.

Мы заглянули в несколько кафе, в одном из которых пообедали, в мастерскую, тут же на Крупской, и еще в один магазин. Когда мы его покидали, Владан сказал:

– Ну, вот теперь осталось только ждать.

К моему удивлению, короткой дорогой в офис Владан пренебрег, но удивление длилось недолго, до тех пор, пока мы не оказались в переулке, где я встретила смертельно раненную женщину.

– Вот отсюда она появилась, – затараторила я, сообразив, что он решил взглянуть на предполагаемое место преступления.

Мы вышли на пустырь, и Владан принялся осматриваться.

– Когда Бад спас тебя от злодеев, ты здесь находилась? – спросил он.

– Нет. Вон у того дома, – ткнула я пальцем в развалюху на противоположной стороне пустыря и принялась торопливо рассказывать о своих изысканиях: какие из домов по соседству брошенные, а в каких еще живут, а также о моих соображениях насчет того, откуда тут могла появиться женщина.

Владан кивал, но мне показалось, слушает он невнимательно, что слегка задело. Мы зачем-то отправились в соседний дом, давно не жилой, о чем свидетельствовала провалившаяся в одном месте крыша. Фасад был затянут сеткой, предосторожность совершенно не лишняя. С этой стороны в стене был пролом, ничем не заделанный, притом что дверь заколочена досками крест-накрест. Через пролом мы и вошли.

Дом был двухэтажный. О лестнице на второй этаж напоминали лишь металлические скобы на стене, да и те почти все вырванные. Я гадала, что здесь понадобилось Владану, он прошел в соседнюю комнату, тут, как ни странно, в окнах даже стекла остались целы, но внимание его привлекли не они, конечно, а куча мусора у стены. Подойдя ближе, мы увидели под обломками кирпичей лестницу-стремянку. Чертыхнувшись, Владан

потянул ее на себя, и в воздух взметнулось облако пыли. Лестница выглядела так, точно лежала здесь десятилетия, странно, что все перекладыны на месте.

Понаблюдав за Владаном, я не выдержала и спросила:

– Зачем она тебе понадобилась?

– Не мне, тому, кто ее сюда принес.

– Откуда? – нахмурилась я, не очень-то понимая, куда он клонит.

– В конце переуллка клен видела?

– Да, – кивнула я.

Еще бы не увидеть, клен был очень старым и таким огромным...

– Мальчишки устроили на нем что-то вроде шалаша, среди ветвей его и не разглядишь сразу...

Я-то точно не разглядела, о чем уже сожалела, по-прежнему не понимая, куда он клонит.

– Этой лестницей они и пользовались, а чтоб не свистнули, прятали ее в соседней подворотне.

– Откуда ты знаешь?

– Видел не раз, проезжая мимо. А про то, где прятали, знакомый пацан рассказал.

– Кто-то не хотел, чтобы мальчишки на дереве тусовались? – высказала я предположение.

– Мальчишки и без лестницы легко в шалаш залезут. Предназначалась она вообще-то для девчонок.

– Тогда не знаю... – нахмурилась я, не имея других версий.

Владан между тем поднял лестницу и приставил ее к стене. А до меня наконец дошло, что он намерен сделать.

– Хочешь подняться на второй этаж?

– Не хочу, но придется.

– С ума сошел, лестница крепкой не выглядит.

– Что ж... рискну.

– Тогда я полезу первой, если сорвусь, ты меня поймаешь. Давно мечтаю оказаться в твоих объятиях, а если лестница меня выдержит, значит, и у тебя есть шанс.

– А если я не смогу тебя поймать? – хмыкнул Владан.

– Ты уж постарайся, – съязвила я и полезла вверх, осторожно переставляя ноги.

Лестница выдержала.

– Не повезло, – сказала я, оказавшись на твердой поверхности, и добавила, глядя вниз: – Тебя ловить некому, так что будь осторожен.

Перекладки под ним поскрипывали, но все обошлось. Когда Владан оказался рядом со мной, я, перестав о нем беспокоиться, наконец-то огляделась.

Мы находились в довольно большой комнате, на первом этаже потолки были низкими, а здесь не меньше трех метров. На окнах висел тюль, грязный и рваный. В центре комнаты круглый стол, под одну из ножек подложена книжка. Вокруг стола стулья, все разные и облезлые, но, в общем-то, целехонькие. В углу кровать с панцирной сеткой и матрасом. На столе три пустые бутылки, стаканы и кастрюля. Такое впечатление, что тут совсем недавно кто-то жил.

Эту мысль я высказала вслух и добавила:

– Может, для этого лестница и понадобилась?

Владан пожал плечами, точно хотел сказать «может быть», и направился к двери, что была слева. Скорее всего, там кладовка.

Распахнув дверь, он выругался сквозь зубы. Само собой, я кинулась взглянуть, что там, хотя могла бы сообразить: ничего хорошего.

На полу кладовки сидела женщина, прислонясь спиной к противоположной стене. На ней были алое с фиолетовыми разводами платье, черные гольфы, на левой ноге туфля на низком каблуке. Вторая туфля валялась тут же. Волосы женщины были собраны на затылке в пучок и прикрыты косынкой. Я бы могла решить, что она уснула здесь после обильных возлияний, на что намекали бутылки на столе. Впрочем, разве что в первое мгновение, пока Владан не приподнял ее голову. В этом теле больше не было жизни. А лицо выглядело так страшно, что я невольно попятилась.

Владан присел на корточки, хмуро ее разглядывая.

– Что у нее с лицом? – пробормотала я, отворачиваясь, очень боясь, что меня немедленно вырвет.

– Скорее всего, его кромсали ножом в расчете на то, что крысы завершат начатое. И узнать ее будет невозможно.

– Но узнать человека можно не только по лицу...

– Ага. Если есть кому узнавать.

Тут Владан аккуратно сдвинул тело женщины, он что-то заметил за ее спиной и теперь пытался достать. Через мгновение я увидела дамскую сумочку. Владан воспользовался носовым платком, чтобы не оставлять своих отпечатков, а я, пошарив в своей сумке, протянула ему пару латексных перчаток.

– Предусмотрительно, – похвалил он, натягивая их.

Сумка оказалась совершенно пустой. Отсутствие кошелька не удивило,

а вот все остальное... Вряд ли убийце могла понадобиться расческа и прочие мелочи, которые женщины обыкновенно носят в сумке. Значит, он не хотел оставлять ни малейших следов, но оставил сумку. Тут я сообразила, что бормочу все это вслух. Владан наблюдал за мной с сомнением во взгляде, точно ждал: хлопнусь я в обморок или обойдется. Мое бормотание свидетельствовало: первый шок прошел, шеф кивнул удовлетворенно и вновь стал осматривать женщину, повернув ее голову сначала в одну сторону, потом в другую.

– Ее зарезали? – спросила я, так и не увидев следов крови на ее алом платье.

– Нет, – ответил Владан. – Задушили. Видишь след на шее?

– Но ты сказал, лицо изрезано ножом?

– Одно другому не мешает.

– Я уверена – это Гуля.

– Возможно. А может, и нет. По времени подходит. Хотя я не эксперт и могу ошибаться.

– Почему убийца оставил сумку?

– Женская сумка в руках мужчины привлечет внимание.

– Он мог выбросить ее где-нибудь на пустыре.

– Был уверен, если ее труп обнаружат, пустая сумка мало что сообщит о хозяйке.

– И между прочим, просчитался, – усмехнулась я.

– Да? – вроде бы заинтересовался Владан.

А я стала объяснять:

– Женщина одета бедно, а сумка брендовая.

– То есть дорогая?

– Примерно две с половиной тысячи евро. – Владан присвистнул, а я добавила: – Будь она настоящей. Убийца в этом не разбирался, иначе бы ее не оставил.

– Продолжай, – кивнул Владан с явным интересом.

– Сумка паленая.

– Подделку легко отличить? Тогда какой в них смысл?

– Те, кто носит настоящие, отличат без труда. Все вроде бы так... и не так, строчки кривые... это я образно.

– Допустим, ты права и это подделка. Что дальше?

– Такие сумки шьют на фабрике Горбатого. Сама видела. В общем, убийца дурака сваял. Сумка прямо указывает на то, где жертва работала.

– А если она ее купила?

– Сомнительно. Такой товар в здешнем магазине не выставишь.

Продают их в основном через Интернет.

Тут я вспомнила слова Витьки, и уверенности во мне поубавилось.

– Хотя местные пацаны, бывает, сумки воруют с фабрики и продают по дешевке.

– Вот видишь... Ладно, разберемся.

– Приятельница Гули рассказывала, что та купила сумку, помнишь?

Владан кивнул, снял перчатки и достал мобильный.

– Звонишь в полицию?

– Не могу сказать, что жажду с ними встречи, но... придется...

К тому моменту, когда приехали полицейские, мы спустились вниз и ждали их в переулке в трех шагах от подворотни. Трое мужчин в штатском, поздоровавшись с Владаном, весело спросили:

– Значит, труп нашел?

– Нашел.

– Нет бы дипломат с баксами...

– Так бы он с тобой и поделился... – Они засмеялись, а я поморщилась. Впрочем, я где-то читала, что такое поведение – защитная реакция.

Вскоре народу прибавилось. Разговаривал с прибывшими исключительно Владан, на меня внимания не обращали. Я нашла на пустыре деревянный ящик и устроилась на нем, заподозрив, что мы тут надолго.

Ко мне все-таки подошел мужчина, из тех, что приехали первыми, и задал вопрос:

– Владан сказал, вы считаете, что сумку изготовили на местной фабрике и женщина могла быть ее работницей?

Я молча кивнула.

– А можно поподробней, почему вы так решили?

Объяснения особого впечатления не произвели. Мужчина смотрел с сомнением и в конце концов удалился, заявив:

– Спасибо, вы нам очень помогли, – прозвучало это почти издевательски.

В офис мы возвращались изрядно измотанными. Я предложила сразу же отправиться в барак, чтобы выяснить, во что была одета пропавшая Гуля и какую именно сумку она купила, но Владан рукой махнул:

– Завтра.

Меня это совсем не обрадовало, но возражать я не рискнула.

Мы простились возле моей машины, Владан бросил «пока» и зашагал

во двор.

Садясь за руль, я заметила в окне второго этажа Маринку. Наверное, она решила навести порядок в квартире Марича, впрочем, это было в принципе невозможно. Скорее всего, подумала я, она за нами наблюдает. Отец прав, ситуация сложилась совершенно идиотская.

Папа легок на помине, позвонил минут через пять.

– Как дела? – спросил весело.

– Даже не знаю, что ответить. Владан вернулся.

– Это хорошо или уже плохо?

– Конечно, хорошо. Мы нашли труп, – брякнула я.

– Кошмар...

– Труп есть, даже два, а вот клиента нет.

– Сочувствую...

Трупы отца точно не интересовали, а мне были неинтересны папины предложения сменить работу. В результате разговор получился коротким.

Оказавшись дома, я устроилась в кресле, хотела почитать, но увлеклась мечтами. Перебралась на кровать и вскоре уснула.

Снился мне Владан. Утром сон я вспомнить не могла, зато осталось ощущение счастья. С ним я и отправилась на работу.

С боссом мы встретились возле дверей, он выглядел слегка недовольным, как обычно по утрам, а я не смогла сдержать улыбку. Так меня распирало. Он взглянул с недоумением и заявил:

– Будь ты девушкой бедной, решил бы, что ты выиграла миллион.

– Мы хотели заглянуть на фабрику, – напомнила я, когда он, выпив кофе, уставился в ноутбук.

– Без надобности, – отозвался Владан. – Менты там вчера уже были.

– И что?

– Убитая вполне может быть пропавшей Гулей. Рост, цвет волос и прочее соответствуют. С лицом, конечно, проблемы. Сегодня опознание, думаю, кто-то из работников все-таки подтвердит, что это она...

– И дело благополучно закроют? – хмыкнула я.

– Не сразу, – пожал плечами Владан. – Если здесь она находилась нелегально, пошлют запрос, получат ответ, возможно, выяснят, к кому она приехала, есть ли тут родственники. В общем, поработать все равно придется.

– А мы что будем делать?

– Тебя которая из покойниц больше интересует? – усмехнулся Владан.

– Я считаю, убийства связаны.

Марич кивнул:

– Я тоже так считаю. Что ж, идем в народ, вдруг сегодня нам повезет больше, чем вчера.

Отправиться к «водолазам» можно было на машине, но Владан вновь предпочел прогуляться, и, как выяснилось, неспроста.

Мы то и дело останавливались, чтобы перекинуться парой слов со знакомыми, заглянули в овощную лавку, два продуктовых магазина и кафе. Никаких вопросов Владан не задавал, если не считать обычного «как дела?», но разговор как-то сам собой сводился к недавним событиям, второй по счету труп стал главной новостью и здорово беспокоил.

– Это скинхеды, – заявил торговец овощами. – Помнишь, в прошлом году устроили погром?

Владан кивал и поддакивал.

– А если правда скинхеды? – спросила я, когда мы двинулись дальше.

– Зачем им прятать труп? – усмехнулся Владан. – К тому же об их появлении в районе стало бы известно через пять минут, но ни о чем подобном я не слышал.

– А погром действительно был?

– Был. Человек двадцать придурков подъехали на машинах к овощному рынку на Ильинской. Перевернули лотки с товаром и избili нескольких торговцев. На рынок тут же подтянулись наши, и скинхедам пришлось спешно уносить ноги. Две тачки здорово помяли, так что кто кому больше напакостил, еще вопрос.

– А если Гуля, я имею в виду убитую, пряталась в том доме? Но ее нашли, – высказала я предположение, которое возникло у меня еще вчера.

– Сомневаюсь.

– Почему? Комната почти жилая...

– Лестница тяжелая. Ее пришлось бы поднимать наверх, чтобы вдруг однажды не лишиться. Для женщины это не простая задача. Окна комнаты выходят на улицу, на фасаде защитная сетка, но на движение за окном, в конце концов, внимание обратят. Бутылки на столе, скорее всего, остались от посиделок местных пацанов, тех, кто постарше. Они захаживали туда с подружками, вот и обзавелись матрасом.

– Откуда сведения?

– Вчера вечером решил прогуляться и поболтал с лихим парнем по имени Веня Чиж. Он главный у пацанов, что сооружали шалаш на дереве. Лестницу у них свистнули в день твоей встречи в подворотне с неизвестной. Они заметили ее исчезновение ближе к ночи, когда к своему гнезду явились. Накануне разошлись поздно, и лестница была спрятана в положенном месте. Тусоваться в доме молодежь постарше перестала после

того, как там повесился сапожник, живший неподалеку. Месяц назад он проломил голову жене, застав ее с соседом. Потом предпочел послать все подальше и соорудил петлю из своего ремня, а компания подростков неплохо проводила время по соседству с трупом до тех самых пор, пока его наконец не обнаружила.

– Висел в кладовке?

– Точно. В общем, они были впечатлены и сменили место сборищ. Сейчас тусуются в двадцать седьмом доме, по Мясницкой. Это Веня сказал, а он за свои слова отвечает. Туда же и стремянку утащили, которой здесь пользовались.

– И что это нам дает? – нахмурилась я.

– Кое-что, безусловно, – пожал Владан плечами. – Те или тот, кто прятал труп, с местными реалиями хорошо знаком. Знал, что молодежь в дом не сунется в ближайшее время, знал, где раздобыть лестницу... Правда, поленился ее вернуть, еще одна небрежность.

– То есть он из местных? – сообразила я.

– Конечно, что не удивляет: чужаки здесь слишком бросаются в глаза. А вот Гуля, если это ее мы обнаружили в кладовке, вряд ли могла все это знать.

– Согласна. Маловероятно, что она общалась с малолетней шпаной.

– Веня Чиж не шпана. Он бредит Че Геварой и намерен бороться за социальную справедливость, так и сказал вчера: все отнимем и поделим. Я спросил, как он будет делить мой «Мазератти»? Или крутые тачки отменят? Обещал прийти и рассказать, когда все обмозгует. Пока не пришел.

– Сколько ему лет? – нахмурилась я.

– Десять. Но с головой у парня порядок, может, в самом деле что надумает.

– Заявит, что тебе в знак уважения тачку оставят.

– Уже заявил. А я напомнил, что в личных привилегиях кроется исток социального неравенства.

– Бедный парень...

– Ему на пользу. Пусть привыкает сначала думать, а потом революцию устраивать.

– Обычно все наоборот, – вздохнула я и вернулась к прежней теме. – Если Гуля не пряталась в доме, то как там очутилась, да еще на втором этаже?

– Думаю, ее затащили туда уже мертвую. Обратила внимание на веревку, которая валялась в кладовке?

– Нет, – честно ответила я, досадуя на свою невнимательность.

– Труп могли поднять наверх при помощи веревки, используя дверную ручку как рычаг. Куда проще оставить его внизу, однако решили потрудиться. И причина была ясна еще вчера...

– Не хотели, чтобы ее обнаружили сразу.

– Точно. Здесь, в кладовке, труп пролежал бы долго, до тех пор, пока из памяти не стерся бы образ сапожника-самоубийцы или дом не снесли, во что с трудом верится. Он стоит примерно в таком виде еще со времен моей юности.

– Ты здорово продвинулся за вчерашний вечер, – заметила я, пытаюсь скрыть обиду: я с удовольствием составила бы ему компанию, а он отправил меня домой.

Мы вышли на Ильинскую, и Марич уверенно направился к кафе «Шаверма».

Пока он разговаривал с хозяином, я наблюдала в окно за прохожими, но тут кое-что в словах мужчины меня заинтересовало.

– Видел похожую женщину в кафе напротив, – кивнул он. – Через дорогу, там открытая веранда, видишь? Женщина приходила одна, пила чай, потом приходила другая женщина, и они пили чай вдвоем. Иногда плакали, я видел. Одна другую утешала. Может, это не та женщина, которую ты ищешь, но похожа.

– А та, что приходила к ней, как выглядела?

– Лет тридцати пяти, может, больше. Волосы темные, косынку носила. Говорят, работницу Горбатого убили. Зарезали?

– Задушили.

– И перед этим еще одну женщину.

– Вот ее зарезали.

– Ты не думаешь, что это один и тот же убил? – с беспокойством спросил хозяин.

– Маньяк, охотящийся на женщин? – усмехнулся Владан. – Нет, не думаю.

– Найди их. Такие люди не должны разгуливать по земле.

– Постараюсь.

И мы отправились в кафе напротив. Хозяин отсутствовал, но нам удалось поговорить с официантками. Две из них уверенно опознали женщину на фотографии. Последние три месяца не реже чем раз в неделю она приходила сюда и встречалась то ли с родственницей, то ли с подругой.

– Наверное, все же с родственницей, – подумав, заявила девушка. – Мне кажется, они похожи.

– А когда вы видели их в последний раз? – спросил Владан.

Потребовалось довольно много времени, чтобы определиться с датой, но в конце концов во мнении обе сошлись. Выходило, женщины встречались накануне гибели первой жертвы.

– Они вроде как ругались, – продолжила официантка. – Или спорили. Одна другую вроде в чем-то убеждала. И та, что на фотографии, ушла расстроенная. Первой ушла, хотя всегда уходила первой та, другая. Расплатилась и ушла. Она всегда расплачивалась.

– То есть одна женщина всегда угощала другую? – уточнила я.

– Да. Она и одета была получше, не скажу, что дорого или модно... нормально. Да, кстати, у второй сумка была. – Она назвала бренд, и мы с Владаном быстро переглянулись, похоже, мы попали на след. – На сумку внимание Ирка обратила, тоже у нас работает, ужас какая любопытная, все ей надо. Ну и говорит: у бабы сумка стоит, как моя зарплата за полгода. Мы пошли посмотреть, что это за сумка такая, а бухгалтерша наша сказала, сумка – подделка. Горбатый у себя такие шьет. Их толкают дуракам по дешевке, по десять-пятнадцать тысяч. Ничего себе дешевка! В общем, мы эту сумку весь вечер обсуждали и решили: не иначе баба эта у Горбатого работает, наверное, выпросила ее за копейки или вовсе украла. Да, вот еще что: обе хорошо говорили по-русски, но между собой только по-своему.

– А непохоже было, что кого-то боятся?

– Нет. Та, что с сумкой, всегда несчастная, а та, что расплачивалась, ее утешала. Типа потерпи и все такое. А чтоб боялись, такого нет. Я думаю, одна получше устроилась, другая похуже.

– А кроме кафе вы их где-нибудь видели?

Девушки дружно покачали головой.

– Только здесь.

– А уходили в какую сторону, не заметили?

– Та, что с сумкой, в сторону Ильинки, это точно, а вторая, по-моему, в переулок.

– По Ильинской – это значит к фабрике, – сказал Владан, когда мы покинули кафе. – А переулком легко попасть на Кирова.

– Улица, выходящая на пустырь? – сообразила я.

– Точно. Следы нашей девушки стоит поискать там.

– Неплохо бы уточнить на фабрике, какую конкретно Гуля покупала сумку.

– Уже уточнил, – кивнул Владан. – Похоже, сумка наша.

– Кажется, я вчера пропустила много интересного, – уже не скрывая обиды, буркнула я.

– Да ладно, – засмеялся он. Мне бы уgomониться, а я продолжила:

– Я думала, что расследованием мы занимаемся вместе.

– Разумеется, вместе, но это не повод выносить мне мозги. Вчера я сбежал из собственной квартиры, потому что Маринке вздумалось выяснять отношения, сегодня ты достаешь... Пожалуй, я рано вернулся с рыбалки...

– Извини, – промямлила я, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь от обиды.

Он сгрел меня за плечи и поцеловал в макушку, и в тот момент я была абсолютно счастлива: от его рук на своих плечах, от его близости, хотелось замереть, зажмуриться, чтобы сохранить в себе эти ощущения, не дать им исчезнуть, но Владан уже тянул меня за собой, и я со вздохом подчинилась.

Мы вновь заглянули на мойку машин, где были вчера, и вновь не застали хозяина. Когда возвращались на Ильинскую, Владан приметил детвору в сквере неподалеку от мойки. Свистнул, мальчишки дружно обернулись, а он махнул рукой, призывая приблизиться. Пацаны бросились к нам наперегонки и теперь, задрав головы, смотрели на Владана. Меня, кстати, совершенно игнорируя.

– У кого есть мобильный? – спросил он.

Мальчишка лет одиннадцати поднял руку, точно на уроке.

– Хозяина мойки знаете?

На этот раз двое пацанов подали голос:

– Да.

– Как только появится, позвоните мне. – Он продиктовал свой номер, проверил, правильно ли его записал мальчишка, и кивком простился со всеми.

Сворачивая на Мясницкую, я обернулась и увидела, что ватага мальчишек успела переместиться к небольшому пустырю возле мойки.

– Ты совсем как Шерлок Холмс, – пошутила я. – Тот тоже нанимал мальчишек.

– Разумно. Может, им недостает терпения, зато шустрые и видят гораздо больше, чем мы способны предположить.

Кивнув, я рассказала ему о недавнем знакомстве с девчушкой и ее взрослых рассуждениях об отцах – своих и чужих.

– Здесь взрослеют рано, – согласился он и взглянул на часы. – Предлагаю заглянуть к господину Сохнову, время самое подходящее.

– Он же в Москве? – удивилась я.

– Уже вернулся.

– Откуда ты знаешь? – заподозрив его в сокрытии важных сведений, спросила я с сомнением.

- Нашел общий язык с охранником, утром он позвонил.
- Ты мне ничего не рассказывал...
- А что я сейчас делаю?

К Сохнову мы поехали на машине Владана. Не будучи оригинальным в этом вопросе, Марич не особо жаловал женщин-водителей. В отместку я иногда посмеивалась над мужским шовинизмом и по дороге с удовольствием подмечала огрехи водителей-мужчин.

Оставив машину на парковке, мы вошли в здание и встретили на своем пути преграду в виде все того же охранника. На этот раз он читал журнал. Я прикидывала: это он позвонил Владану или кто-то другой?

Тут мужчина поднял голову, и стало ясно: увидеть Владана он точно не ожидал.

- Вы по какому вопросу? – спросил он, откашлявшись.
- Все по тому же, – ответил Владан, мужчина недовольно поморщился.
- Сергея Петровича нет. И когда вернется, неизвестно.
- Серьезно? Позвони его секретарю.

Мужчина, на мгновение замешкавшись, все-таки снял трубку и набрал номер. Ему ответили, но он не успел ни слова произнести, Владан взял из его рук трубку и сказал:

– Передайте господину Сохнову, будет лучше, если он со мной встретится. Марич моя фамилия.

Трубку он вернул, охранник смотрел в стол, видимо, ожидая решения начальства. Затем положил трубку на место и кивнул нам:

– Проходите.

На вертушке зажегся зеленый сигнал, мы направились дальше по коридору и едва не столкнулись с молодой женщиной. Распахнув дверь, она буквально выбежала нам навстречу.

– Господин Марич? – пытаюсь выровнять дыхание, спросила она. – Я вас провожу.

Вслед за девушкой мы стали подниматься по лестнице, я с любопытством смотрела в окно: какие-то производственные помещения.

– Чем занимаетесь? – спросила я.

Девушка дежурно улыбнулась:

– Здесь у нас мебель делают «Семь кресел», вы наверняка слышали о нас.

– Почему именно семь? – не отставала я.

– Не знаю, Сергею Петровичу название показалось удачным.

Владан шел молча, не проявляя интереса к нашему разговору. Девушка

несколько раз задерживала на нем взгляд, вызвав у меня тем самым приступ ревности. Если так пойдет дальше, я начну ревновать к фонарным столбам, с печалью подумала я. И было бы с чего. Ревновать Марича положено Маринке... представляю, как ей тошно наблюдать за нашим дуэтом...

Между тем мы подошли к двери с табличкой «Сохнов С.П.». Девушка торопливо распахнула ее перед нами. Мы оказались в небольшой приемной, обставленной весьма скромно, даже аскетично. Девушка направилась к двери в кабинет шефа, постучала и, заглянув на мгновение в комнату, сообщила:

– Они здесь.

После этого открыла дверь пошире, пробормотав:

– Прошу.

Кабинет был чуть больше приемной, но обставлен так же просто. За столом сидел мужчина лет сорока в белой рубашке с короткими рукавами. Солнце било в большое окно, и, несмотря на работающий кондиционер и опущенные жалюзи, казалось, что кабинет весь пропитан летним зноем.

Светлые волосы Сохнова начали редеть. Он то ли решил отпустить бороду, то ли просто не любил бриться, щетина выглядела неопрятно, он уже дважды успел поскрести ее, что намекало на некоторую нервозность. Впрочем, может, это у него привычка такая.

Он посмотрел на нас исподлобья и спросил:

– Марич – это вы, надо полагать? Чему обязан такой настойчивости?

Владан пододвинул два стула, один предложил мне, на другой сел сам и сказал равнодушно, даже с ленцой:

– У вас работает Татьяна Фирсова... – и замолчал, как видно, решив, что сказал достаточно.

Поняв, что продолжения не будет, Сохнов спросил с намеком на возмущение:

– Работает, и что?

– Ее мать беспокоит отсутствие дочери и ее затяжное молчание.

На сей раз Сохнов зло хмыкнул и головой покачал:

– Идиотизм... Вы, собственно, кто такой?

– Уверен, вы отлично знаете, кто я. У вас была возможность навести справки. Предлагаю экономить время и всеми силами стремиться к взаимопониманию.

– Слушайте, я не знаю, что у них там произошло... Мать уже была у меня. Дочь ей не звонит, она беспокоится, я все прекрасно понимаю... Но не могу же я заставить взрослого человека делать то, что он не хочет. Тем

более с ее характером это вообще вряд ли возможно. Результат будет обратный. Я вам клянусь, с Татьяной все в порядке, она с моей дочерью Ксенией сейчас отдыхает на юге. Какой смысл мне вас обманывать?

– Интересный вопрос, – усмехнулся Владан.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Сохнов.

– Где конкретно находятся Татьяна и ваша дочь?

– Недалеко от Сочи. Вам точный адрес назвать?

– Было бы неплохо. Когда, кстати, они уехали?

– В среду вечером.

– Рейсов в среду нет.

Было заметно, что Сохнов нервничает, он даже не пытался скрыть это.

– Слава богу, улететь можно не только от нас.

– Возможно. Так из какого аэропорта они вылетели? Скажу вам сразу, ближайшие аэропорты я проверил. На рейсы в среду и четверг ни ваша дочь, ни Татьяна не регистрировались. Насчет поездов пока ничего сказать не могу, но непременно проверю.

– Они действительно собирались лететь самолетом, но потом планы изменились. Они уехали на машине. Мой водитель их отвез.

– Он уже вернулся?

– Нет. Пока с ними, помогает с решением мелких бытовых проблем. Надо поменять смеситель и прочее в том же духе. Послушайте, может, вам это покажется странным, но на самом деле все объясняется просто: набралось слишком много вещей, которые могли понадобиться. Женщина, приглядывающая за домом, сообщила о необходимости кое-какого ремонта. Дом требует внимания, а я человек занятой и бываю там редко. Второй год Татьяна с дочкой отдыхают вдвоем с мая по октябрь. Я иногда прилетаю... так вот, все эти проблемы требовали решения, водитель вызвался помочь, я и отправил их в тот же день.

– Девочка, кажется, неважно себя чувствовала?

– У нее аллергия, начался кашель, это тоже ускорило отъезд. Они добирались больше двух суток, чтобы дорога не была утомительной. Ночевали в гостинице. Даже посмотрели кое-какие достопримечательности. Водитель вернется не раньше чем через неделю. На самом деле я думаю, он не прочь немного отдохнуть. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Я не особенно любопытен, но буду полностью удовлетворен, если вы сейчас позвоните Татьяне и я смогу с ней поговорить. Просто убедиться: с ней все в порядке.

Сохнов с минуту смотрел на нас, затем достал из кармана мобильный

и, переключив его на громкую связь, набрал номер. Мы услышали стандартную фразу о том, что телефон выключен.

– Вы ведь понимаете, что это удовлетворить меня никак не может, – пожал Владан плечами.

Сохнов отбросил мобильный в сторону.

– Давайте так. Сегодня вечером я буду разговаривать с дочерью по скайпу, мы обычно связываемся часов в восемь, перед тем как дочка ложится спать. Я настоятельно попрошу Татьяну, чтобы она позвонила матери. Пишите номер, тогда у нее не будет повода сказать, будто она его не помнит.

Владан взял со стола лист бумаги для записок, карандаш и, не заглянув в свой мобильный, написал номер.

– Отлично, – кивнул Сохнов, придвигая листок к себе, и выжидательно на нас уставился.

Владан точно нехотя поднялся и кивнул мне. Мы уже были в дверях, когда он повернулся и спросил:

– Как зовут вашего водителя?

– Олег Ларин. Софья, проводи, пожалуйста, господ, – возвысил он голос.

Девушка, сидевшая за своим столом в приемной, поспешно поднялась и проводила нас до поста охраны.

Стоя к охраннику спиной, Владан что-то сказал Софье, слов я не расслышала, но девушка вдруг залилась румянцем, вызвав тем самым мое жгучее любопытство.

– Ты назначил ей свидание? – садясь в машину, спросила я с намерением его подразнить.

– Как ты догадалась? – усмехнулся он.

– Что, в самом деле? – нахмурилась я.

– Я оставил ей номер мобильного и сказал, что буду счастлив, если она позвонит.

– Она позвонит, почему-то я в этом уверена.

– Надеюсь.

– Ты будешь соблазнять девушку, чтобы вытянуть из нее нужные сведения?

– Я накормлю ее ужином. Что в этом плохого?

– Вот уж не думала, что ты способен на такое...

– Милая, речь идет о дружеском ужине, только и всего.

– Все мужики – свиньи, – буркнула я, наконец-то садясь в машину.

– С чего вдруг?

– Может, для нее это встреча, о которой она давно мечтала? Она отправится на свидание...

– Полина, – перебил он. – Я восхищаюсь женской солидарностью, но девчонка еще даже не позвонила. Может, отложишь гневные речи до тех пор, пока я ее подло не брошу с ребенком на руках?

Я досадливо отвернулась, а он головой покачал.

Не знаю, чем бы закончилась наша перепалка, но тут у Владана звонил мобильный. Я была уверена: звонит Софья, и даже скроила презрительную мину, но Владан, взглянув на дисплей, сказал:

– Мальчишки.

И ответил. Разговор занял всего несколько секунд.

– Хозяин мойки появился? – спросила я.

– Давай поторопимся, чтобы он опять куда-нибудь не исчез.

Когда мы подъехали к мойке, мужчина лет тридцати садился в темно-синий «Рено». Увидев Владана, он сначала нахмурился, а потом пошел нам навстречу.

– Это вы меня спрашивали? – проявил он интерес, как-то неуверенно протягивая руку Владану. – Михаил.

– Владан, – ответил мой босс, пожимая ее.

– Я вас знаю, хотел сказать, слышал о вас... то есть вас здесь все знают. – Он малость смешался и кашлянул, пытаясь скрыть досаду.

– Я ищу женщину, возможно, она из Средней Азии, а у вас, говорят, много девушек работало...

– Ну да... работа, конечно, не ахти, и плачу немного, надолго не задерживаются, если находят что получше. Как зовут ту, кого вы ищете?

– Не знаю, но есть ее фотография. – Владан протянул смартфон с фото убитой. – У женщины была подруга или родственница по имени Гуля.

– Очень распространенное имя, – усмехнулся Михаил, внимательно разглядывая фото. – Нет, у меня такой не было, – сказал он, вернув мобильный, и вдруг улыбнулся. – Но я знаю, где она работала несколько месяцев назад. Часовая мастерская в седьмом доме по Ильинской. Я зашел туда батарейки в часах поменять. Не помню, как хозяина зовут, армянин, на вид ему лет сто, он в этой мастерской сидит с утра до ночи, и вдруг вижу: на его месте какая-то баба. Но батарейку мне быстро поменяла. Я и спросил, куда хозяин делся. Разговорились, оказывается, он ее помощницей взял. Имя свое она не называла, но хозяин-то его должен знать. Это точно она, у меня память на лица железная.

Слушая его, я едва не взвизгнула от радости, наконец-то наше расследование сдвинулось с мертвой точки.

Простившись с хозяином мойки, мы сразу же отправились в часовую мастерскую, при этом я так спешила, что Владан начал надо мной посмеиваться.

– Куда ты так несешься?

Однако тоже ускорился.

Мастерская занимала часть первого этажа небольшого двухэтажного дома – когда-то купеческого особняка. От былых времен остались роскошные наличники на окнах второго этажа и кованый козырек над дверью. Дом, кстати, выглядел совсем неплохо, большая редкость для этих мест. Первый этаж – кирпичный, побелен, второй деревянный – покрашен. Рядом с мастерской находился магазин «Рыболов», второй этаж, как выяснилось, занимала семья часовщика.

В крохотном закутке в одно окно за стойкой, отделенной от посетителей стеклянной перегородкой, сидел старик во фланелевой рубашке и возвращал к жизни допотопный будильник. Руки, обезображенные артритом, были на удивление ловкими. Услышав, как хлопнула входная дверь, он поднял голову, убрал лупу, передвинул на нос очки, которые до той поры украшали его лоб, и сказал нараспев:

– Какие гости ко мне пожаловали. Хороший день сегодня.

Владан поздоровался, и они немного поболтали о детях и внуках хозяина, которых оказалось немало. После чего тот спросил:

– Твои часы сломались или девушки? Сейчас все починим.

– С часами все нормально, – ответил Владан. – Поговорить пришел.

В лице хозяина теперь отчетливо читалось беспокойство.

– Что ж, – кивнул он, – тогда проходи, выпьем кофе, поговорим.

Он открыл низкую дверцу и, тяжело ступая, направился в глубь помещения, отделенного плотной шторой, за ней оказалась просторная комната, судя по большому столу с инструментами, тоже мастерская.

Три стены были увешаны часами, маятники покачивались, стрелки двигались, производя странный шум, странный и тревожный, возникало чувство, что изо всех щелей вот-вот на тебя полезут неведомые создания.

Здесь же стояли диван и два кресла, на них мы с Владаном и устроились. На этажерке красного дерева обнаружилась новенькая кофемашина, кстати, дорогая. Хозяин запустил ее и вскоре подал нам кофе в маленьких фарфоровых чашках нежно-розового цвета. Сам устроился на диване, сделал глоток, отставил чашку в сторону и сказал:

– Слушаю тебя, Владан.

– Мне сказали, у тебя женщина работала, – не торопясь, начал Марич, похвалив кофе.

То, что он обращался к старику на «ты», слегка удивило, к старшим по возрасту он обычно относился с почтением, однако одним говорил «ты», а другим «вы», но из чего исходил при этом, объяснению не поддавалось. Однажды я прямо его спросила, а он очень удивился, потом пожал плечами. И стало ясно, какие-то вещи он делает инстинктивно, даже не задумываясь над этим.

– Работала, – помолчав, ответил старик и нахмурился сурово, точно вспоминать об этом ему было неприятно.

– Расскажи о ней.

Я ожидала, что часовщик спросит: почему она вдруг заинтересовала Владана, но он, сделав еще глоток из чашки, не спеша принялся рассказывать:

– Она дочь моего друга... Когда-то жили рядом, вместе работали. Хороший был человек, упокой Господь его душу. Потом жизнь разбросала, развела. Я уехал, он остался... Какое-то время связь поддерживали, а потом от него вестей уже не было. Умер еще десять лет назад. Весной сидим во дворе, ужинаем, вдруг звонок в дверь. На пороге женщина, жена ее не узнала, я тоже. Где узнать, когда в последний раз видел ее совсем ребенком. Сказала, что недавно приехала, работу ищет, меня вот разыскала. Ни дома, ни друзей, никого здесь нет. Комнату выделил, у себя оставил. В память о друге. Думал, пусть живет, жене по хозяйству помогает, а там, глядишь, и работу подыщем. А у нее, оказывается, талант, в отца пошла, а он был мастер от бога. Так и стала в мастерской работать. Меня как раз артрит скрутил, хоть волком вой. Что с ней? – вдруг спросил старик, и голос дрогнул. – В беду попала?

Владан молча кивнул, достал смартфон и протянул ему.

– Мертвая, – произнес старик, не спрашивая, а констатируя факт.

Владан вновь кивнул:

– Несколько дней назад нашли женщину в переулке неподалеку, ножевое ранение, до «Скорой» не дожила.

Теперь кивнул старик:

– Не думал, что так кончится. Но хорошего не ждал. От нас она ушла в начале мая. Семьи у нее не было. С мужем развелась. Сидит он. Детей не нажили. Она хороший человек, но женщине трудно быть одной.

– У нее кто-то появился? – подсказал Владан.

Старик поморщился:

– Принесла нелегкая... Небось слышал о нем: Юрка-безрукий. Мне и невдомек, пока жена не сказала: больно часто к нам заходит. Я с ней поговорить хотел, по-отечески предостеречь. Ей надо жизнь свою

устраивать, а с таким, как Юрка... обиделась, ушла и дверью хлопнула. Я ждал, что одумается. Нет. Жена беспокоилась, мне говорила: надо ее проведать, а у меня гордость. Приютил, пригрел – и вот тебе благодарность.

– Где этого Юрку найти? – спросил Владан.

– Живет где-то на Кирова. Точно не скажу. Я из дома редко выбираюсь. Ноги не слушаются, да и голова... начнет кружиться ни с того ни с сего. Жена Юрку пару раз видела, когда на рынок ходила. Спросила, как там Элла, друг дочку назвал в честь жены. Сказал, все хорошо, только я сомневаюсь, что с таким, как он, женщине хорошо будет.

– Что он за человек? – спросил Владан.

– Разное болтают. Инвалид, ничем вроде бы не занимается, живет на деньги, что ему государство платит.

– Пьющий?

– Само собой. И дурью балуется. Говорят, воевал, вроде бы там руки и лишился, только вот неясно, на чьей стороне.

– Вот даже как...

– Местные его сторонятся, и он особо ни к кому в друзья не набивается. Жил один, пока Элла ему на глаза не попала. Я ее не обижал, только преду-предить хотел...

– Пошли кого-нибудь из своих к ментам. Она у них неопознанной лежит.

– Сейчас же сына пошлю. Надо хоть похоронить по-человечески.

– К ней заходила родственница или подруга? Зовут Гуля.

– Никого у нее здесь не было. Хотя постой, упоминала подругу, вроде та хотела приехать. Но имя не скажу, не называла ее по имени. Просто «подруга».

– Выходит, это в самом деле бытовое убийство? – сказала я, когда, покинув мастерскую, мы возвращались к мойке, где оставили машину.

Владан посмотрел из-под солнцезащитных очков, которые только что надел, этот взгляд я расценила как немой вопрос и продолжила:

– Элла жила с каким-то подозрительным Юрой, возможно, наркоманом. Они поссорились, и он ударил ее ножом?

– А потом и подругу придушил все еще под кайфом, – с серьезным видом кивнул Владан.

– Глупость сморозила? – вздохнула я.

– Может, и нет. Для начала найдем Юру...

– Ты раньше о нем не слышал?

– Далеко не со всей шпаной нашего города я знаком. Возле пустыря домов немного, думаю, мы легко его найдем.

– Если он не сбежал, – хмыкнула я.

– Если он не сбежал, – повторил Владан.

Я думала, мы сразу отправимся к пустырю, но тут ожил мобильный Марича.

– Да, добрый день, – ответил он, заводя машину. – Очень рад, что вы позвонили. Нет, я вовсе не собираюсь расспрашивать вас о господине Сохнове. Просто подумал, отчего бы нам не поужинать вместе.

Владан, управляя машиной одной рукой, выехал со стоянки, продолжив разговор. Ясное дело, звонит секретарша Сохнова – Софья, немного же времени прошло.

– Девушка, что была со мной? – переспросил Владан, перевел взгляд на меня и весело подмигнул. – Это вовсе не девушка в том смысле, который вы, должно быть, вкладываете в данное слово. Она мой помощник, только и всего. Да, спасибо. Буду ждать.

– Только и всего, – с трудом дождавшись, когда он даст отбой, хмыкнула я.

– Не ворчи, для дела и соврать не грех.

Он отправил кому-то СМС и получил ответ. После чего, взглянув на часы, заявил:

– Поехали в офис.

– А... – начала я, а он добавил:

– Обещал Маринке, что ровно в три буду в «Золотом павлине». Знаешь такой кабак?

– Знаю, – кивнула я. – Что тебе там делать? То есть, я хотела сказать...

– У нас романтический обед, – засмеялся он. – Я бы предпочел ужин, но, похоже, ужинать придется с другой.

– Что ты мне голову морочишь? – возмутилась я. – Когда перенесли, что?

– Еще раз повторяю: у нас романтический обед. Женским глупостям приходится потакать. – Он протянул мне мобильный, чтобы я смогла прочитать СМС. «Если вечером ты занят, жду в 15:00 там же. Только попробуй не прийти...» – последнюю фразу я прочитала вслух.

– Я ж не самоубийца. Надо еще успеть принять душ. Как думаешь, мне стоит побриться?

– Ты мне и таким нравишься, – буркнула я. – В чем пойдешь? В костюме?

– Само собой. Я осознаю всю значимость момента.

– Постой, – испугалась я. – Вы ведь... Ты... Вы же не собираетесь... Ты хочешь сделать ей предложение? – покрываясь липким потом, пробормотала я.

– Таким глупостям я не потакаю, – усмехнулся Владан, а я выдохнула.

– Слава богу... то есть я хотела сказать... Господи, меня чуть инфаркт не хватил. Хочешь, я отвезу тебя в ресторан? Сможешь выпить шампанского без риска нарваться на обратной дороге на инспектора.

– Откуда такая доброта?

– Минуту назад мир вдруг померк, а потом вновь вспыхнул свет – это называется возрождением к жизни. Я готова на все, лишь бы ты на ней не женился... И ни на ком другом тоже...

– На этот счет можешь быть спокойна. Ничего подобного у меня и в мыслях нет.

Я уже не знала, стоит ли радоваться, но с улыбкой продолжила:

– Помочь тебе собраться? Пока принимаешь душ, могу погладить рубашку.

– Сам поглажу.

– Ты не умеешь.

– Это кто сказал?

В квартиру мы вошли вместе, но мои услуги оказались не востребованы. Костюм висел на плечиках, рядом белоснежная рубашка и галстук. Маринка обо всем позаботилась.

– Галстук к костюму не подходит, – съязвила я, Маринкины вкусы у меня всегда вызывали сомнения.

– Лишь бы ей в радость, – ответил Владан, удаляясь в ванную. – Если уж я сегодня занят, отправляйся домой.

– У меня есть работа в офисе, – начала я, но он вряд ли слышал, успев закрыть за собой дверь.

Заработал душ. Я села на диван, оглядываясь с печалью. Свою квартиру он называл берлогой, и она этому определению вполне соответствовала. Ремонт здесь не делали лет тридцать, мебель Владану досталась от прежних хозяев, которые не потрудились выбросить ее на помойку. Маринка пыталась навести тут какое-то подобие уюта, но всякий раз натыкалась на глухое сопротивление и, в конце концов, попытки оставила.

Владан мог сменить квартиру, не говоря уж о том, чтобы сделать ремонт. Его средств вполне хватило бы на жилье в элитном доме, учитывая, что под окнами стоит «Мазератти». Машину он купил два года назад, а ездил на ней не часто, то есть вполне бы обошелся и без дорогой игрушки.

Был, вероятно, какой-то смысл и в этой квартире, и в «Мазератти» под окном. Но для меня он оставался недоступным. Когда я однажды полезла к Владану с вопросами, он ответил: «Человеку ни к чему много вещей. Кровать, стол... все это у меня есть. А какая разница: новые они или старые?» Когда же речь зашла о машине, весело фыркнул: «У мужчин тоже есть слабости».

В общем, объяснением не удостоил, а может, толком не знал, почему так настойчиво отвергает саму идею дома. «Странник, готовый умчаться неизвестно куда в любую минуту», – с вдруг нахлынувшей тоской подумала я.

Владан вышел из ванной, заметив, что я сижу в кресле, потянул на себя дверь, торопясь прикрыться. Я подумала, как было бы здорово заключить его сейчас в объятия, наплевав на все препятствия, настоящие и выдуманные, но тут он сказал:

– Ты еще здесь? – И в голосе совершенно отчетливо слышалось недовольство, так что кидаться к нему на шею я себе отсоветовала, запросто может выйти конфуз, встала и направилась к выходу, буркнув:

– Маринке привет.

Домой я не поехала, вернулась в офис.

– Он не может быть целыми днями со мной, – уговаривала я себя. – И не может никому принадлежать. Даже если б был моим мужем. У него есть своя жизнь, и с этим надо мириться. Без истерик и обид. Было бы куда хуже, не возьми он меня на работу. Что бы я сейчас делала? Сто раз на дню проезжала мимо офиса в надежде его увидеть? То-то...

Владан все-таки заглянул в нашу контору перед тем, как уехать.

– Какого лешего ты тут сидишь? – спросил сердито. – Я же сказал: иди домой.

– Дождусь тебя, вдруг будут новости, – пожала я плечами, подходя к нему. – Побрился?

– Как видишь.

– Отлично выглядишь. – Я поправила галстук, стряхнула несуществующую пылинку с его плеча.

Он действительно отлично выглядел, я не сомневалась, женщины будут провожать его взглядами, а Маринка сиять от гордости, что это ее мужчина. Я бы тоже сияла.

– Подожди секунду, – сказала я, возвращаясь к своему столу, достала из верхнего ящика бархатный футляр и протянула Владану. – Браслет. Купила Маринке на день рождения, но до него еще далеко. Ей будет приятно, если ты придешь с подарком.

– Вряд ли она поверит, что я сам до такого додумался.
– Поверит. Правда, она ждет кольцо, а не браслет, но тут уж я тебе не помощник.

– Иди домой, – укоризненно произнес он, но браслет взял, что меня порадовало.

– Отвезти тебя? – вновь предложила я.

– Вот уж Маринка обрадуется... – Он направился к «Мазератти», должно быть, решив: подходящий случай на нем прокатиться.

– Не реветь, – сурово приказала я себе, замерев возле окна, и загадала, если Марич обернется, у меня есть шанс.

Он уже садился в машину, сердце ухнуло вниз, но в последний момент Владан вдруг выпрямился и, хмурясь, махнул рукой, мол, катись отсюда. А я засмеялась, запрыгала на одной ноге, посылая ему воздушные поцелуи. Он покачал головой в великой печали и через минуту скрылся с глаз.

Душа требовала простора, а тело – движения. Я совершила длительную прогулку, а вернувшись в офис, устроилась на диване с книгой в руках. Чтение, впрочем, перемежалось мечтами.

Входная дверь хлопнула, я приподнялась, торопясь посмотреть, кто пришел, а в комнате появилась Маринка. Выглядела до обидного роскошно. Обычно ее стиль мне не нравился, я считала его вульгарным, но вслух свои мысли не озвучивала. Маринку критиковать себе дороже, запросто нарвешься на оплеуху.

Сегодня на ней было платье без рукавов нежно-розового цвета, которое шло ей необыкновенно. Платье демонстрировало все достоинства фигуры, и длина удачная: у соперницы красивые ноги. Волосы уложены с нарочитой небрежностью, и в этом был особый шик. Представляю, какой фурор они произвели на пару с Маричем. Невероятно красивая пара...

– Так и знала, что ты здесь, – проворчала она.

– Отлично выглядишь, – сказала я.

– Не подхалимничай.

Маринка подошла и села на диван, слегка подвинув мои ноги.

– Браслет ты купила?

– Владан. Я просто помогла с выбором.

– Мне бы самое простенькое колечко, – съязвила Маринка, а я ответила:

– Это не ко мне.

– Ясное дело... Насчет кольца я пошутила. Это точно не про Марича. Заруби себе это на носу.

– Где он, кстати?

– «Где, где», – передразнила Маринка. – А то ты не знаешь, на свидание побежал.

– Ревнуешь?

– О господи... Мне тебя за глаза... А если честно, жалко дурочку, ведь непременно влюбится, понятия не имея, кто он. В ресторане бабы прямо обомлели, когда Мариш вошел. А мне хотелось встать и сказать громко «зря завидуете».

– Ну, так и сказала бы, что мешало?

– Может, мне тебя отравить, а? – всплеснула она руками. – Этим... градусником...

– Градусником? – решила я уточнить и тут же на вопрос сама ответила: – Ртутью, что ли?

– Да хоть чем... Знаешь, иногда очень хочется поменяться с тобой местами.

– Можно прямо сейчас.

– Ага. Я бы терлась рядом, а ты каждую минуту думала: вдруг он с ней спит?

– Какое-то беспросветное будущее ты нарисовала, – вздохнула я. – Хочешь кофе?

– Пила уже. Иди домой. Он, поди, поздно вернется.

– Ты в самом деле не ревнуешь? – решила я развить тему.

– Владана? До тебя до сих пор не дошло? Дело совершенно не в этом.

– А в чем? – нахмурилась я.

Она махнула рукой и удалилась, сказав уже в дверях:

– За браслетик спасибо. Я тебе тоже что-нибудь подарю.

Что-то в Маринкиных словах всерьез пугало. К нашим перепалкам я давно привыкла. Но не раз и не два вдруг возникало чувство, будто Маринка пытается от чего-то меня оградить. Вот как сейчас. И Маринка, и та же Тамара твердили, точно заведенные, Владан мне не пара, я не справлюсь... С чем? С его привычкой жить, как ему хочется, не обременяя себя обязательствами? Сейчас эта мысль вдруг показалась откровенно смешной, а вот беспокойства прибавилось.

О том, чтобы ехать домой, и речи быть не могло, мне необходимо было увидеть Владана хоть мельком, хотя бы в окно...

Я решила вымыть пол, за неимением другого занятия, боясь, что, чего доброго, начну метаться по офису, точно зверь в клетке.

Работа была выполнена примерно наполовину, когда в приоткрытую дверь кабинета заглянула Пелагея Алексеевна.

– Бог в помощь, Полинка, – сказала она. – Дай ноги вытру.

Поздоровавшись, я расстелила на полу тряпку, и Пелагея прошла, тщательно вытерев ноги и стараясь ступать на цыпочках.

Села на диван, сложила руки на коленях и продолжила:

– Молодец какая, сама прибираешься. А болтали, будто ты из этих... олигархов.

– Мало ли что болтают... – усмехнулась я.

– Это точно. Владана нет? – спросила она, оглядываясь.

– Нет. Но скоро должен прийти. У него встреча, кстати, по вашему делу.

– Я как раз насчет него... дела то есть. Танька-то мне позвонила. Все нормально у нее. Обиделась, видишь ли, что я сказала, будто у нее в голове опилки. Так и есть. Баба с мозгами с чужим ребенком во-зиться не будет, она своего заведет.

– Когда она звонила? – обрадовалась я.

– Да вот только что. Поговорили, и я сразу к вам. Ты это... Владану скажи: спасибо, мол, большое. А еще скажи, пусть простит, что зря побеспокоила. Если что надо, я завсегда...

– Все нормально, не переживайте. Очень хорошо, что Таня позвонила.

– Да... сердце-то у меня прямо не на месте было, точно на ниточке висело, качни – и оборвется. Теперь вроде отлегло.

– Что она еще сказала?

– Да ничего. Отдыхают. Погода хорошая, солнце жарит... Пойду я. – Она поднялась с дивана и вздохнула. – Так мне неловко, Полинка. Зря побеспокоила...

– Вы совершенно правильно сделали. Владан рассказывал, они с Татьяной в детстве дружили...

– Это да. Мы ж соседи были. На мою Таньку парни поглядывали, и Владан тоже, хотя годами ее моложе.

«Не только поглядывал, – мысленно усмехнулась я. – Таньке удалось вписать золотые страницы не в одну биографию».

– Может, чаю выпьете? – предложила я.

– Нет, не буду тебе мешать. И так время на меня, старую дуру, потратили...

– Обращайтесь в любое время, уверена, Владан будет только рад... – Тут я сообразила, что сморозила, и сочла за благо заткнуться.

Пелагея ушла, а я бросилась звонить Владану.

– Как дела? – спросила, когда он ответил. Признаться, на это не очень рассчитывала, думала, придется писать «СМС».

– Отлично. Девушка такая скромница, почти не пристаёт, – съязвил он.

– Можешь не соблазнять ее понапрасну: Татьяна объявилась, позвонила матери. Сохнов слово сдержал.

– Да? Отлично. Ты еще в офисе?

– Кто-то должен встречать старушек.

– Не жди, что получишь сверхурочные.

– Я за идею работаю.

Он отчетливо вздохнул и дал отбой, а я быстро домыла полы и вернулась на диван. Вряд ли свидание продлится особенно долго. Скорее всего, Владан уже отвозит Софью домой на своей роскошной машине. А вдруг девушка ему понравилась? Маринка утверждала: у него были увлечения на стороне, правда, он всегда к ней возвращался... Не хотела бы я быть чьим-то увлечением.

Время шло, за окном давно стемнело, а Владан все не возвращался. Я то и дело поглядывала на мобильный, с трудом справляясь с искушением ему позвонить. Может, я его проворонила? Я вышла на улицу, джип стоял под окнами, «Мазератти» отсутствовал. Вдруг он его во дворе поставил?

Я прогулялась во двор, машины и там не оказалось, зато на обратном пути я нарвалась на Маринку, она торчала в открытом окне, демонстрируя свой роскошный бюст в глубоком вырезе ночнушки, и крикнула:

– Дозором ходишь?

– Высоко сажу, далеко гляжу, – буркнула я в отместку, вернулась в офис и зло подумала: «А не завалиться ли спать?»

Домой упорно не хотелось. Я переместилась к открытому окну и, высунув голову, посмотрела на Маринкины окна. Заметив это, та с силой свое окно захлопнула.

«Нервничает», – подумала я с сочувствием.

Наконец в конце улицы сверкнули фары, и вскоре «Мазератти» тормозил рядом с джипом. Я с большим трудом усидела на месте, очень хотелось броситься Маричу на шею, точно он не на свидание ходил с красивой девушкой, а в разведку.

Владан с недовольством взглянул на окна офиса, в которых горел свет, и, к моей великой радости, зашагал сюда.

– Ты жить сюда перебралась, что ли? – ворчливо осведомился он, прошел и сел за стол.

– Я рассчитывала узнать нечто интересное, если уж ты потратил столько времени... Чай будешь?

– Минералку.

Пока я доставала бутылку из холодильника и искала стакан, Владан спросил:

– Значит, Танька позвонила?

– Да. Пелагея пришла где-то в половине девятого... – Я хотела поставить стакан на стол, а Марич в этот момент начал подниматься и задел меня локтем, стакан выскользнул из моих рук и покатился по полу, тяжелое доньшко от удара отвалилось, а вода разлилась. – Растяпа, – буркнула я, а он улыбнулся.

– На счастье.

Мы вдруг замерли, как по команде, стоя вплотную друг к другу. Так близко, так мучительно близко, что я испугалась, попробовала отступить назад и поскользнулась на мокром полу. Владан схватил меня за плечи, стараясь удержать, наклонился ко мне, а я точно спятила: зажмурилась и коснулась губами его губ. Они раскрылись, а потом сомкнулись на моих. Я обхватила его шею руками, стараясь удержаться на ногах, всерьез опасаясь рухнуть в обморок. Он целовал меня, а я, обмирая от счастья, боялась, вот сейчас он рассмеется и все окажется шуткой.

Он так крепко прижал меня к груди, словно тоже боялся, вдруг я выскользну из его рук, упаду или вовсе исчезну. Я точно неслась на американских горках, когда перехватывает дыхание и ты летишь то вверх, то вниз, в облака и в самую бездну, и сердце готово остановиться от ужаса и хмельного азарта.

Неудивительно, что мы ничего не видели и не слышали вокруг, до тех пор пока не раздался гневный Маринкин голос:

– Идиот!

И волшебство кончилось. Так карета ровно в двенадцать превращается в тыкву, а принцесса в замарашку.

Владан отстранился и проводил Маринку взглядом, избегая смотреть на меня. Та хлопнула дверью, каблучки зацокали по ступенькам, а Владан с усмешкой сказал:

– Пожалуй, дома мне сегодня лучше не показываться.

– Догони ее, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Скажи, что проспорил мне поцелуй. Я ж вечно к тебе цепляюсь, она поверит.

Вот тогда он повернулся, посмотрел мне в глаза, и я невольно поежилась. Он мог смотреть так, что дюжие мужики начинали ерзать, мог взглянуть с презрением, снизив уровень самоуважения индивида до нулевой отметки, или наградить насмешливым взглядом, когда хотелось разозлиться или, напротив, засмеяться в ответ. Но сейчас в его глазах стыла тягучая пустота. Он точно смотрел сквозь меня, как будто и не видел вовсе.

– Владан, – испуганно позвала я.

– Где у тебя веник? – спросил Марич таким тоном, словно сейчас это

было самым главным.

– В кладовке, – ответила я, торопясь сделать вид, что ничего не произошло. – Иди домой, – махнула рукой, – я здесь уберу. С Маринкой сама поговорю, а ты укройся в своей берлоге. И не вздумай меня увольнять, ничего не выйдет.

Я сделала шаг назад, собираясь идти за веником, но Владан взял меня за локоть и развернул к себе, и на мгновение я решила, сейчас он меня поцелует. Но он, глядя исподлобья, сказал тихо, с той насмешливо-ласковой интонацией, которая иногда появлялась у него в разговоре с детьми или стариками:

– Она права.

– Кто, Маринка?

– Конечно, Маринка, – усмехнулся он. – Каждый день я твержу себе: даже не думай. Не будь последним идиотом. Испоганишь все, что только можно.

Он привлек меня к себе и поцеловал в макушку, но от этого стало даже хуже, передо мной был привычный Владан: непробиваемо спокойный, ироничный. И этот вполне себе отеческий поцелуй не имел никакого значения: Маринка могла не беспокоиться, даже если б он с утра до вечера награждал меня ими у всех на виду.

– Я, пожалуй, здесь останусь, – заявил он. – Выяснение отношений отложим на завтра. Сегодня говорить с Маринкой – точно с горгоной Медузой, испепелит раньше, чем я слово скажу. Тебя отвезти домой?

Очень хотелось принять это предложение, но я точно знала: все мои надежды напрасны, по дороге мы будем молчать или говорить о работе, он высадит меня возле подъезда, все с тем же отеческим поцелуем или просто улыбнется, подмигнет, мол, жизнь прекрасна, продолжим наслаждаться ею.

– С какой стати? – удивилась я, вполне, как мне казалось, натурально. – Ладно, пока. Если уж остаешься здесь, подотри пол.

Я взяла сумку и направилась к двери. Мне очень хотелось оглянуться, но я знала, что не оглянусь. Но, подойдя к машине, подумала: вдруг он тоже загадал? И обернулась.

Владан стоял возле окна, сунув руки в карманы брюк, и в груди вдруг защемило от бесконечной нежности к нему. Я нарисовала в воздухе сердце, а потом послала ему воздушный поцелуй. Он засмеялся и помахал мне рукой.

Сев в машину, я не торопясь тронулась с места, все еще глядя на Владана в ярко освещенном окне, но как только офис остался за поворотом, резко затормозила и заорала в голос, беспомощно барабанила руками по

рулю.

К чести моей сказать, длилось это недолго, до тех пор, пока я не подумала: «Нашла место, где истерики закатывать, завтра весь район будет строить догадки, отчего я торчала в машине и вопила, точно ошпаренная».

Я торопливо вытерла слезы и поехала дальше, стараясь не думать о Владане, ни о чем не думать. Что такого особенного случилось? Сегодня ничуть не хуже, чем вчера. Нет, в тысячу раз лучше: он меня поцеловал. Если бы нелегкая не принесла Маринку... Но вместо досады на соперницу зрело, обдавая холодом в груди, беспокойство, причину которого я не могла понять.

Мы на тех же позициях, Маринка злится, но терпит, я надеюсь и тоже терплю, Владан относится к ситуации с юмором и не собирается ее менять. Все вроде бы так...

Меня напугал его взгляд. Допустим... Я словно вступила на запретную территорию, что он там сказал... «испоганишь все, что только можно». Господи, да почему? Их отношения с Маринкой гораздо серьезнее, чем я могла бы предположить? Он ей чем-то очень обязан? Или дело во мне? Все эти вопросы грозили остаться без ответа.

Между тем я уже заруливала в родной двор и с удивлением увидела Бада, который прогуливался возле моего подъезда. Заметив мою машину, он пошел навстречу, приветливо помахав мне рукой. А я подумала: его появление очень кстати. Не хотелось бы сейчас остаться одной. И еще. С Бадом можно поговорить о Владане, с папой тоже можно, но не так. Отец непременно заявит: Владан взрослый человек и ведет себя как раз таки соответственно.

– Привет, – сказала я, выходя из машины. – Тебя мне Бог послал, большое Ему за это спасибо.

– Вообще-то это была Маринка, но Господь всемогущ, запросто может прикинуться кем угодно.

– В каком смысле Маринка? – нахмурилась я.

– В буквальном. Позвонила и сказала, чтобы я тебя срочно разыскал. Я как раз собирался звонить, не обнаружив тебя дома.

Я чертыхнулась, а потом спросила:

– Как ты смотришь на то, чтобы напиться?

– Всегда готов. Предлагаю определиться с выбором: интеллигентно пьем, весело бухаем или мрачно квасим?

– Я в затруднении. А можно весело бухнуть, а потом как получится?

– Мой любимый вариант. Садись в машину.

– Мне не надо переодеться?

- Ты прекрасна в этом скромном платъице за тысячу баксов.
- Всего пятьсот, – сказала я, устраиваясь рядом с ним в «БМВ».
- Я пытался сделать комплимент.
- Откуда такие познания?
- Предыдущие подружки научили меня разбираться в тряпках. Было жутко интересно, на что я трачу свои кровные.
- Что значит «предыдущие»? – удивилась я. – Твоя нынешняя девушка не стремится тебя разорить?
- Моя нынешняя увлечена одним типом и на меня даже не смотрит, – засмеялся он.
- Надеюсь, ты не меня имеешь в виду? – насторожилась я.
- А кого еще?
- Глупость какая...
- Да? Слышала выражение «сердцу не прикажешь»? Это как раз про меня.
- Ладно, будем оплакивать нашу несчастную любовь, чем не повод как следует набраться.
- Я была уверена, Бад повезет меня в ресторан, потому и спросила про платье, но мы, продолжая болтать, по проспекту поднялись к телевышке, а потом еще дальше к Верхним садам и вскоре тормозили возле шлагбаума. Насколько я знала, на ночь сад закрывали. Бад посигналил, и из темноты появился мужчина в камуфляже, мой спутник открыл окно и протянул ему купюру, поздоровавшись. Тот кивнул, поднял шлагбаум, и мы поехали по темной аллее. Где-то впереди горели фонари, но мы свернули раньше и вскоре оказались в самой высшей точке парка.
- Выходи, – сказал Бад.
- Город под нами сверкал огнями, здесь гулял ветер и недавней духоты не чувствовалось.
- Ну как? – спросил Бад, когда мы устроились на скамье в центре обзорной площадки.
- Красота. Это прелюдия к запою? Ресторана тут, насколько помню, нет.
- Я запасливый.
- Он вернулся к машине, и вскоре на скамейке появились бутылка коньяка, лимон дольками в пластиковом контейнере, несколько плиток шоколада и два хрустальных стакана.
- Ты всегда это с собой возишь? – улыбнулась я, пока он разливал коньяк.
- Бывают вариации. В мужской компании лучше идет вискарь,

проверенное средство от всех проблем. Давай за мир во всем мире.

Мы выпили и закусили лимоном.

– Часто здесь бываешь? – спросила я.

– По-разному. В детстве мы любили это место, все как на ладони, выше только звезды.

– Ты приходил сюда с Владаном?

– Конечно, с кем же еще? Я был уверен, что разговор очень быстро коснется моего друга, – криво усмехнулся Бад. – Валяй, готов все выслушать. Хотя дельных советов не обещаю, с этим у меня беда.

– С чего ты взял, что я начну плакаться в жилетку?

– Успела нареветься по дороге? Я заметил, что глаза красные.

– Что тебе сказала Маринка? – вздохнула я.

Бад разлил по второй, мы выпили, и он ответил:

– Ты имеешь в виду, назвала ли она причину, по которой я должен тебя найти? Нет. Но была перепугана, что, согласишься, ей несвойственно.

– Перепугана, – хмыкнула я. – Если б не она... сегодняшний вечер мог быть совсем другим.

– А этот чем плох? – Он пожевал лимон и продолжил: – Она вас что, застукала?

– Обычно в этот глагол вкладывают совершенно определенный смысл, – с легкой язвительностью начала я и вдруг рукой махнула. – Он меня поцеловал, сама не знаю, как это вышло...

– Скорее стоит удивляться его необыкновенной выдержке, – засмеялся Бад. – Значит, он тебя поцеловал. Но тут появилась Маринка... Надеюсь, ты понимаешь, что дело вовсе не в ней?

– А в чем? – спросила я испуганно, и недавнее беспокойство, которому я не могла найти объяснение, мгновенно вернулось.

– Всегда удивлялся, зачем связываться со святыми, если можно обратиться к самому Господу Богу... – фыркнул Бад. – Я имел в виду: отчего бы не спросить об этом Владана? Впрочем, хорошо зная дружка...

– Вот именно, – подхватила я. – Сомневаюсь, что он станет отвечать на мои вопросы.

– Давай по третьей, и я попробую...

Мы выпили, я грызла шоколад, а Бад смотрел на ночной город. Странно, даже легкого опьянения я не чувствовала.

– Что тебе сказать о моем друге Сербе? – со смешком начал Бад. – Он, знаешь ли, хороший парень. По-настоящему хороший. Правильный. Такие иногда встречаются. Он хороший парень, которому пришлось делать очень плохие вещи. – Алексей замолчал, с печалью глядя на меня. – Вот,

собственно, и все, если вкратце.

Он достал сигарету, не спеша закурил.

– Иногда мне кажется: он оттуда так и не вернулся...

– Это из-за матери? – глядя на город внизу, задала я вопрос.

– Из-за матери? – переспросил Бад, и стало ясно, он ничего не знает.

Ему, лучшему другу, Владан о ней не рассказал. Но рассказал мне.

– Она ведь погибла, верно?

– Да. И мать, и отец. Война – поганая штука, особенно такие войны. Просто так башка в шестнадцать лет не седеет. Маринка говорит, иногда он еще кричит по ночам, правда, куда реже, чем раньше.

– Алексей, – нетерпеливо начала я. – Я все понимаю, но...

– При чем здесь его личная жизнь? – усмехнулся Бад. – Видишь ли, некоторые вещи трудно объяснить, или я просто хреново это делаю. Ко всему прочему, придется коснуться некоторых фактов моей биографии, чего бы совсем не хотелось.

– Кое-что я знаю. У тебя были проблемы, и он взялся их решить.

– Отличная формулировка, милая. Именно так и было. Вопрос не в том, что он делал. Мы все не ангелы. А как...

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, ему было все равно. Ни чужая жизнь, ни своя ничего не стоили. Это, знаешь ли, по-настоящему пугало. Я как-то по-пьяни, в другом состоянии, как ты понимаешь, такие разговоры не ведутся, сказал: «А если Бог с нас все-таки спросит?» Как думаешь, что он ответил? «Да ему насрать». Он шел вразнос, а я смотрел на это и не знал, что делать. Но Владан не был бы Владаном, если б, в конце концов, не справился. Он вытянул себя из этой трясины, с большим трудом, медленно, но верно. Выстраивал вокруг себя ту жизнь, которая не позволяла ему разлететься в клочья из-за всех ужасов, что он таскал в себе. И кошмары понемногу отступили, оставаясь только в снах. Отступили, но вовсе не исчезли, это, знаешь ли, как в воронку попасть. Оттого он периодически и возвращается.

– Куда? – испугалась я.

Бад пожал плечами:

– В свой персональный ад, надо полагать. Балансирует между светом и тьмой. Видишь, как цветисто я выражаюсь. Он ненавидит войну и возвращается туда снова и снова. Про себя он знает все, оттого и уверен: рядом с тобой ему не место. Или тебе рядом с ним, что, впрочем, одно и то же. Ты отличная девчонка, которая заслуживает счастья. А счастье для такой девчонки, как ты, – это любовь, семья, ребенок, лучше два. Защищенность, уверенность... Черт, говорю как проповедник, странно

сегодня коньяк действует... Ничего этого не будет, Полина, потому что в один прекрасный день он снова отправится кормить своих демонов, забросив на плечо рюкзак. Мои объяснения на редкость бестолковы или тебе удалось кое-что понять?

– Кое-что безусловно, – кивнула я, глядя вдаль. – Но ведь это... это может закончиться... Когда-нибудь?

– Может. А может, и нет. Не советую проверять. Жизнь, милая, мы проживаем лишь раз, хотя буддисты с этим не согласятся. Переиграть все вряд ли получится. Владан тебя любит и совершенно точно не хочет видеть несчастной.

– Всегда есть выход, – подумав, ответила я.

– Да? И какой же?

– Закинуть рюкзак на плечи и отправиться с ним.

Бад покачал головой и засмеялся:

– Ты очень усложнишь ему жизнь. Как известно, выжить проще в одиночку.

– Спасибо тебе, – сказала я, поставив стакан на скамью. – Ты хороший друг и, я уверена, искренне хотел помочь.

– Слегка смахивает на речь во время траурной церемонии, – засмеялся он. – Надо полагать, я старался напрасно?

– Вот уж не знаю, что ты имеешь в виду.

Я поднялась, и он поднялся.

– Слушай, что, если я тебя поцелую?

– Валяй, – пожала я плечами. – Не зря же коньяк тратил.

Он обнял меня за плечи, заглядывая в глаза, и в самом деле поцеловал. Но совсем не так, как ожидалось. Я поспешно отстранилась и сказала, смеясь, чтобы мои слова не прозвучали, не дай бог, обидно:

– Не увлекайся.

Его руки так и остались на моих плечах.

– Между прочим, мы здесь одни, – сказал он, кривя губы в усмешке. – Ночь, звезды, коньяк... Может, займись мы любовью, завтра все показалось бы простым и легким.

– Да ладно, – улыбнулась я. – Ты прекрасно знаешь: все бы еще больше запуталось. Но за предложение спасибо. Самооценку ты мне значительно повысил.

Бад покачал головой со смешком, убирая руки с моих плеч, и я мысленно вздохнула с облегчением. Напряжение, возникшее несколько минут назад, словно растворилось в воздухе.

– У тебя проблемы с самооценкой? – удивился Бад, прихватив коньяк и

бокалы, я взяла лимон и шоколад, и мы пошли к машине.

– Неудачный брак очень этому способствовал.

– Кстати, почему вы развелись?

– Он женился на папиных деньгах, а жить пришлось со мной. Решишь жениться по расчету, хорошо подумай.

– Я тебя дождусь, – хмыкнул Бад. – Буду в шоколаде.

– Ждать замучаешься.

– Да ладно, я еще молодой. Значит, твой бывший не выдержал испытаний?

– Может, он потерпел бы еще немного, но актером был плохим, я его раскусила. И мы расстались.

Бад завел машину, сдал назад, чтобы развернуться, и сказал:

– Интересно, зачем ты врешь?

– В какой части моего рассказа ты усмотрел неправду? – усмехнулась я, но насторожилась. И вовсе не потому, что меня уличили во лжи.

– Ты забыла, я видел вас вместе. И хорошо помню, как он на тебя смотрел. Ни о каком равнодушии там и речи нет.

– Какое равнодушие, помилуй боже, если у него деньги увели?

– Тю, – дурашливо пропел Бад. – Не пытайся пудрить мне мозги. Я бы сказал, твой бывший на тебе помешан.

– Возможно, но совсем не в том смысле, который ты, должно быть, имеешь в виду. С какой стати мы о нем заговорили, скажи на милость?

– Нормальное желание выяснить, на чем споткнулся предшественник.

– Прекрати меня дразнить, – сказала я укоризненно.

– Я не дразню, – усмехнулся он, – а постепенно приучаю к нужной мысли.

– Нацелился на папины деньги?

– Не только.

– Ну да. Еще серьезные связи. Давай я тебя с отцом познакомлю, может, вы чего замутите вдвоем, и я тебе буду без надобности.

– Деньги и связи я легко променяю на тебя, даже если ты вдруг лишишься наследства, а с папой познакомимся, когда я приеду просить твоей руки.

– Вот сейчас ты меня бесишь. Завязывай, а?

– Нормальные девушки впадают в восторг при одном намеке на замужество.

– Значит, я не нормальная. Замужем уже была, и знаешь, там нет ничего хорошего.

Мы дружно засмеялись, но тут он сказал:

– Со мной будет по-другому, – спокойно, без нажима, но от этого становилось только хуже, из-за непоколебимой уверенности, которая слышалась в его словах.

– Ну вот что ты ко мне привязался? – всплеснула я руками.

– Потом скажу, – хмыкнул он. – В ресторан?

– Нет, домой. Отложим пьянку с дебошем до следующего раза.

– Желание дамы – закон.

По дороге мы болтали о пустяках, я смогла расслабиться, но когда мы подъехали к моему дому, вздохнула с облегчением и поспешила выйти из машины. Бад тоже вышел.

– Решил проводить меня до подъезда? – улыбнулась я.

– Чего ты испугалась? – вроде бы удивился он. – Можешь считать мои слова дурацкой шуткой, если тебе так удобнее.

– Было бы здорово, если бы ты и вправду шутил.

– Заметано, – засмеялся Бад. – Валяй прощальный поцелуй и топай домой.

– А без поцелуя ты не мог бы обойтись?

– Ну, милая, это уж вовсе никуда не годится.

Он взял меня за руку, и мы на секунду замерли, глядя в глаза друг другу, взгляд я поспешно отвела. Бад наклонился и легко поцеловал меня в губы.

– Топай, покорительница сердец, – сказал весело.

– Это уж ни в какие ворота не лезет...

– Продолжаю повышать твою самооценку. Спокойной ночи, красотка.

Он сел в машину, махнув мне рукой, когда я входила в подъезд.

– Что делается... – жалобно пробормотала, поднимаясь по лестнице, сама толком не зная, что имею в виду.

На верхней ступеньке возле моей квартиры сидел Владан и что-то разглядывал в смартфоне. Заслышав мои шаги, поднял голову, а я растерянно прошептала:

– Привет.

– Привет, – ответил он.

– Давно здесь? – спросила я, садясь рядом.

– С полчасца.

– Почему не позвонил?

Он пожал плечами.

– Я пыталась напиться с горя. Получилось не очень.

– Я видел в окно, как вы подъехали, – кивнул Владан.

– Бад возил меня на ваше место в верхнем парке. Мы пили коньяк и

говорили о тебе.

– Могли бы найти тему поинтереснее.

– Он советовал оставить мечты о замужестве и детях.

– А ты мечтаешь о детях и замужестве?

– Само собой. Только я мечтаю не о замужестве и детях вообще. Я мечтаю о твоих детях. Оттого Бад и назвал мои мечты беспочвенными.

– Он неплохо меня знает.

– Он тоже так сказал. Что касается тебя, я готова рассмотреть любой вариант.

– Ты на редкость упряма.

– Да вообще-то не особо. Просто я тебя люблю.

Он поднялся и сказал:

– Отправляйся спать. Завтра дел полно.

Теперь я стояла на верхней ступеньке, а он чуть ниже. Наши лица были на одном уровне.

– Поцелуешь меня? – спросила я тихо.

– Куда ж я тогда уйду? – усмехнулся он.

– А почему пришел?

– На душе было паршиво. Беспокоился, как ты тут...

– А я пила коньяк с Бадом.

– И слава богу. Проблема в том, что он подходит тебе куда больше, чем я.

– Можно, я сама решу, кто мне больше подходит...

– Конечно.

– Я тебя все-таки поцелую. А потом прогоню в шею. Я же сказала: с твоим участием рассматриваются все варианты.

Он взял мое лицо в свои руки и поцеловал в нос.

– Ты самая красивая, самая желанная, и я люблю тебя. Иди спать.

– Но почему, почему... – пробормотала я, зажмурившись, чтобы сдержать слезы.

– Потому что счастье будет очень коротким, а жизнь я тебе испорчу надолго.

– Ну и пусть...

– Это сейчас так кажется. Помнится, Маринка убеждала меня в том же. И что теперь?

– Очень мило, что ты о ней вспомнил, – фыркнула я.

– А куда от нее денешься? – засмеялся он. И стало ясно, именно этого он и добивался: мы вернулись к привычным ролям. – Ладно, пои чаем, я пока такси вызову.

– Ты сюда на такси приехал? – отпирая дверь, спросила я.
– Пешком пришел.
– Попытался по дороге решить, что делать? И оттягивал момент?
– Само собой. Мужики вовсе не в восторге от того, что их знают как облувленных. Учти это на будущее, – засмеялся он.

Мы вошли в квартиру, сбросили обувь, и я отправилась в кухню ставить чайник. Владан прошел в гостиную и разглядывал фотографии, выставленные на комод. Я поставила чашки с чаем на журнальный стол и села на диван. Владан занял кресло.

– Жалкий трусишка, – сказала я, показав ему язык.
– Просто предусмотрительный. Кстати, я убежденный противник шашней на рабочем месте, они оборачиваются жуткими неудобствами. Так что придется тебя уволить, как только ты меня соблазнишь. Или я тебя.

– Как же, от тебя дождешься...
– Ты имеешь в виду увольнение?
– Даже не думай.

Он сделал глоток из чашки, а я гадала, чем закончится этот вечер, но точно знала: вовсе не жаркими объятиями.

У Владана зазвонил мобильный, он взглянул на дисплей и пошел в кухню, бросив:

– Да.

Я пошла за ним, а он, не замечая этого, продолжил говорить, понижая голос:

– Все нормально. Уложу ее спать и приеду.
– Маринка? – спросила я, привалясь к стене и сложив руки на груди.
– Ага, – кивнул Владан.
– Заговорщики хреновы... Между прочим, это она Баду позвонила.
– Маринка считает, он в тебя влюблен.
– Чертова сводница.
– Она позвонила ему, а потом перепугалась и позвонила мне.
– Так ты поэтому пришел? С ума с вами сойдешь.
– Кстати, я тоже так считаю.
– Мысль, что помешательство не за горами, близка?
– Он в тебя влюблен.
– Ага. Не прочь на мне жениться.
– Зная дружка, почти не сомневаюсь: он своего добьется.
– И что будешь делать ты? – съязвила я.
– Пристрелю к чертовой матери. Давно напрашивается.
– У меня от вас голова пухнет. Такое впечатление, что я лилипут в

стране великанов. Все ненароком боятся наступить и от того жутко заботливые.

– Нет, что ты. Просто мы почти одна семья и тебя любим, – заявил он с серьезным видом.

Мы вернулись в гостиную, я подхватила с дивана подушку и швырнула в Марича.

– «Уложу спать и приеду», – передразнила я. – Вот ведь скотина. Он обо мне заботится, а трахаться поедет к другой.

– Да ужас. Такой кретин тебе достался.

И тут до меня дошло: мы, кажется, скандалим. Помнится, я была твердо уверена, что на месте Маринки вела бы себя куда разумнее. Я еще даже не на ее месте, а готова что-нибудь выбросить в окно.

– Прости меня, пожалуйста, – сказала я.

– За что? – удивился Владан.

– Не знаю. За все, что делаю не так.

Я сидела в кресле, он опустился передо мной на корточки и взял мои руки.

– Вот уж глупость. Делай что угодно, мне все в радость. Такой волшебный подарок послал мне наш Господь.

– Какой подарок? – растерялась я.

– Тебя. Я-то думал, доживу как-нибудь, и вдруг ты. Главное, в большой радости от своего везения твою жизнь в дерьмо не втоптать.

Он наклонился к моему уху и прошептал:

– Все будет хорошо, – поднялся и направился к двери, я слышала, как он обувается в прихожей, и торопливо позвала:

– Владан.

– Да?

– Я... я так тебя люблю...

– Слава богу, это проходит, – ответил он.

Само собой, я не спала всю ночь. Вспоминала слова Владана и рассказ Бада о нем, разговоры с Маринкой и пыталась понять, что движет моим любимым. И куда нас все это заведет. Получалось неутешительно, и все равно утром я летела в офис точно на крыльях. За что и была остановлена бдительным сотрудником ДПС.

– Куда так торопимся, девушка? – спросил он, а я с гордостью заявила:

– Мне мой мужчина в любви признался.

– Поздравляю, – возвращая документы, сказал он. – Ездить лучше аккуратно, чтобы вашему мужчине не пришлось за вас штрафы платить.

- Спасибо!
- Пожалуйста. А кто он у вас, кстати?
- В каком смысле? – не поняла я.
- Ну... банкир, олигарх...
- С чего вдруг? Он – нормальный парень.
- Надо же. Повезло кому-то.

Остаток пути я уже не гнала, усмотрев в словах полицейского безусловную мудрость.

Владан был в офисе, сидел, уставившись в ноутбук, и вертел в руке монетку.

- Привет, – сказал, когда я вошла.
- Привет, – отозвалась я. – Приготовить кофе?
- Если только себе, меня Тамара уже накормила завтраком.
- Нейметса ей... Как Маринка? – спросила я, он пожал плечами.
- Обещала глаза выцарапать, а так нормально.
- Ее чьи глаза интересуют?
- Мои, естественно.
- Ну да. Если выцарапает мои, ты, чего доброго, станешь моей собакой-поводырем.

– Просто детей и убогих я не трогаю, – раздалось за спиной.

Маринка появилась бесшумно и, как всегда, не вовремя.

– Что-то расхотелось спрашивать, к какой категории ты относишь меня.

– К обеим. Марич, я весь день занята, на обед не рассчитывай и поосторожней с этой пигалицей.

– Может, ему стоит разжиться поясом верности? – съязвила я.

– На мужиков пояс верности не надевают, их кастрируют, – отрезала Маринка и гордо удалилась.

– Вполне, кстати, может, – дурашливо скривился Владан. – Прения сторон прекращены, предлагаю приступить к делу.

– Есть новости?

– Сколько угодно. Пошли, – кивнул он, направляясь к двери. – Поболтаем с Юрой-безруким, если будет на то воля господня.

– Ты знаешь, где его искать? – бросившись за Владаном вприпрыжку, спросила я.

– Он оказался довольно известной личностью в наших краях.

– На машине? – спросила я, указывая на свою тачку.

– Прогуляемся.

Я тут же подхватила его за руку, он взглянул укоризненно, но

сопротивляться не стал.

– И что ты узнал о Юре?

– Он действительно воевал, был комиссован после ранения.

– Понятное дело, с одной рукой не повоюешь.

– Ранили его, кстати, в голову. Руки лишился вроде бы по пьянке. Живет скромно, но пару раз попал в поле зрения полиции. Ходят упорные слухи, что наш Юра на досуге изготавливал бомбы. Потому что в армии был...

– Минером?

– Можно сказать и так. Само собой, за ним приглядывали, но в последнее время интерес к парню потеряли. Похоже, он тихо спивается, а с дрожащими руками, тем более с одной, к бомбам лучше не соваться. Живет вроде бы бобылем. Но не раз видели, как в дом входила какая-то баба. Причем вроде нерусская.

– Это Элла, – нахмурившись, кивнула я.

– Сейчас выясним. Кстати, Пелагея во время разговора с Танькой ничего необычного не заметила? Может, дочурка глупость какую сморозила или еще что?

– Нет, ничего подобного она не говорила.

– Надо бы со старушенцией самому потолковать, да пугать ее не хочется.

– Постой, ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, похоже, с моей подростковой любовью что-то не так.

– Но она же звонила матери, у нее все в порядке.

– Твердить, что у тебя все в порядке, можно и под дулом пистолета.

– Но с чего ты взял... Секретарша Сохнова сообщила, что его водитель никуда не уезжал? – начала соображать я.

– Точно. Все эти дни на рабочем месте. В среду вечером он, как обычно, отвез шефа. В четверг, правда, его не было полдня. То есть в общей сложности отсутствовал чуть больше двадцати часов, этого маловато, чтобы проехать полторы тысячи километров, да еще назад вернуться. Поездку на машине Сохнов выдумал впопыхах, о чем сейчас наверняка жалеет. Какой отец в здравом уме отправит в такую даль ребенка, да еще астматика, на машине, когда есть самолет и поезд, в конце концов? А вещи вполне мог доставить водитель. Такая дорога и для взрослого утомительна, не только для малышки.

– То есть никуда он их не отправлял? Но... тебе не кажется, что ситуация довольно странная? Танька, слава богу, жива, раз матери все-таки позвонила.

Владан пожал плечами:

– Охрану предупредили, чтоб меня на пушечный выстрел к офису не подпускали. Уверен, у себя дома Сохнов тоже не появится, чтобы избежать встречи со мной.

– Что еще рассказала Софья?

– Шеф в последние дни очень нервничает. На всех орет и пьет таблетки, должно быть, успокоительное. Кстати, на столе у него стоял флакон с лекарством.

– Да? Я не заметила, – призналась я с обидой на свою невнимательность.

– Я по Интернету проверил, применяется при сильном аллергическом кашле. Он наверняка приготовил это лекарство для дочери, что лишний раз убедило: никуда он ее не отправлял.

– Где Танька с девочкой в этом случае?

– Где-то неподалеку. Потребовалось не так много времени, чтобы с ней связаться, а Таньке, в свою очередь, позвонить матери.

– У меня лишь один вариант: у Сохнова неприятности, он где-то спрятал дочь, и няня, естественно, с ней.

– Меня куда больше интересует другое: Танька там по своей воле или нет?

– Но... если б она не хотела быть с девочкой, вряд ли бы ее заставили. Это же отразится на ребенке.

– Софья приглядывает за шофером. Пока тот вместе с Сохновым торчит в офисе. Когда он решит покинуть стены неприступной крепости, мы с ним встретимся и поговорим.

– А как мы его найдем?

В этот момент мы вышли к пустырю, Владан указал на дом неподалеку и сказал:

– Жилище Юры-безрукого.

А я смогла констатировать, что интуиция меня не подвела. Именно этот дом в прошлый раз вызвал мое самое пристальное внимание.

– Посиди на скамеечке, а я проверю, дома ли наш герой-любовник.

– Вряд ли получится, – ответила я. – Дверь в дом заколочена. Я еще подумала, это чтобы бомжи его не оккупировали. Похоже, жильцов выселили...

– Из жильцов там один Юра, и дом принадлежит ему. Я проверял. Даже если вдруг срываются в бег, дом обычно просто запирают.

– Почему же, – пожала я плечами. – Дачники окна заколачивают.

– Но не двери.

Мы подошли к дому, и Владан начал оглядываться. Я тоже, хотя ничего нового увидеть не ожидала. На окнах решетки, дверь заколочена. Дом выглядит нежилым. На крыльце, правда, стояли пустые бутылки, две из-под пива и одна из-под водки, остатки хлеба и рыбы. Бродячие коты или собаки растащили их по всему двору. Кто-то на днях здесь пировал, вряд ли хозяин.

Владан забарабанил в окно. Никто не ответил, что не удивило.

– Пойдем с соседями потолкуем, – предложил он.

В отличие от меня Марич в чужие дворы входил без стеснения, направлялся к ближайшей двери и, если на звонок не реагировали или его вовсе не было, колотил в дверь ногой. Ее непременно открывали, хотя мне местность казалась совершенно необитаемой. Оказывается, жизнь тут не просто теплилась, бурлила, надежно скрытая от досужих глаз.

Обход закончился часа через два. За это время мы узнали: в последние дни Юру никто не видел. Когда точно он исчез – сказать затрудняются. Он и раньше из дома выходил нечасто, если только в магазин. Так что связать его исчезновение с убийством Эллы было затруднительно, может, именно тогда он и исчез, может, позже или накануне. С ним действительно жила женщина, появилась месяца три-четыре назад. Старательная, непьющая. Окна вымыла, за Юркой присматривала, в пьяном угаре он, как раньше, из ружья не палил. Да, ружье было. Кто знает откуда. Свои полицию никогда не вызывали, не в здешних правилах вмешиваться в чужие дела, палил он всегда в своем дворе. Но менты, видно, услышали и один раз приехали. Или два. Забрали Юру на пятнадцать суток. Грозилась посадить надолго, если куролесить не завяжет. Но ружье вернули, или он другое где-то взял.

Когда стрелял, всегда вопил на весь квартал: «За Родину, за Сталина!» – а трезвый тихий. Женщина определенно действовала на него положительно. На что жил, неясно, тут за такие вопросы можно кое-каких частей тела лишиться, а то и всего тела сразу. Но пенсию точно получал. Почтальон к нему ходила. Однако с этого месяца ему деньги начали на карточку начислять. Это почтальон сказала, видели, как она мимо Юркиного дома прошла, вот и поинтересовались.

Наши старики карточки не уважают, живая копеечка куда надежнее. А Юра молодой, может, решил, удобней с карточкой. Хотя на Дне ни одного банкомата не осталось. Их то взрывали, то вскрывали, то утащить пытались. Небось устали с этим бороться, и лавочка прикрылась. Хотя здесь банкомат и ни к чему. В самом деле, только шпану всякую приманивать.

Женщину не видели несколько дней, что не удивило: Юра испарился и

она с ним.

Нет, подолгу никогда не отсутствовал. Куда ему ехать? Никакой родни. Опять же, калека. Кто ж знает, чем он в своем доме занимался? Но точно не бедствовал. Дом большой, мог бы квартирантов пустить, желающие бы нашлись, народ вон по десять человек в одной комнате. Обращались к нему, но он ни в какую.

Раз в месяц к нему парень приезжал. Точнее, приходил. Машину наверху ставил, за рынком, там есть платная стоянка, здесь-то тачку без присмотра не оставишь. Приходил ненадолго, всегда с пакетом, в пакете пузырь и жратва, из супермаркета пакет. В этом месяце парня вроде не было. Руку на отсечение давать не стали бы, но, похоже, последний раз в июле был. Может, какой родственник?

Родители Юры умерли лет пятнадцать назад, дом ему от отца достался. Была еще сестра, но болтали, ее сожитель по пьяному делу зарезал. Сестру тут редко видели, из дома сбежала лет в семнадцать.

А Юрка парень неплохой, только на войне башкой малость повредился. Бабы раньше у него подолгу не задерживались, обычно до первой стрельбы. А эта, смотри-ка, прижилась. Хотя при ней он и не палил ни разу.

Как выглядела? Обыкновенно, баба как баба. Имени никто не знает. Всегда здоровалась, но разговор не заводила. Никто и не подумал, что она та самая баба, которую в подворотне зарезали. Здесь что ни день, то какое-нибудь происшествие. Жили они тихо, это совершенно точно, ни криков, ни ругани. Так что неясно, с чего вдруг Юре ее убивать. Хотя башка-то у него все-таки не в порядке, раз пенсию дали. Гадай теперь, что ему могло привидеться? Может, приревновал? К кому? Да получается, что вроде бы не к кому. Однако кто их знает... Видели соседи далеко не все. И к Юриному дому со стороны пустыря можно подойти незаметно. Было бы желание...

Я пыталась осмыслить ворох сведений, подчас противоречивых. Владан никогда ничего не записывал, правда, временами ставил в блокноте странные закорючки, а напротив них вопросительные знаки.

Память у него поразительная, в чем я не раз могла убедиться.

– Вероятно, Юра действительно ее убил, – сказала я, когда мы покидали очередной двор. – Ударил ножом, потом пришел в себя, испугался и сбежал. Нет, не получается. Прежде чем сбежать, он убил Гулю. Она пришла сюда, узнав об Элле. Логично?

– Ага, – кивнул Владан.

– Юре пришлось и ее убить. А уж потом бежать.

– Зачем?

– Как «зачем»? Сначала он решил, если убьет Гулю, об убийстве Эллы никто не узнает и он будет жить себе спокойно. Но потом вспомнил про часовщика. В конце концов, тот бы заинтересовался, куда делась женщина.

– Вот именно «в конце концов», мог бы и не торопиться. И зачем тогда Гулю убивать? Сказал бы: Элла его бросила и он понятия не имеет, где она.

– Глупости, – возмутилась я, заподозрив, что Владан надо мной посмеивается. – Допустим, в полицию бы Гуля не пошла, но к старику непременно заглянула. А ему в полицию обратиться ничего не мешало.

– Кроме того факта, что он приютил нелегалку. А как же твоя идея: именно убийца Гули устроил поджог фабрики? Кстати, напomini: зачем?

– Ну как же, боялся, что Гуля успела кому-то из женщин рассказать о своей подруге. Назвала ее имя и, так как Элла на звонки не отвечала, заподозрила, что в подворотне могли зарезать как раз ее.

– И сделал это Юра? Знаешь, таскать стремянку одной рукой еще куда ни шло, но возиться с трупом и для тех, у кого обе руки на месте, занятие довольно обременительное, я уж молчу про поджог. Пожар начался сразу в двух местах...

– Насчет трупа критику принимаю, – кивнула я. – А что касается пожара... Юрин армейский опыт пригодился, и он нашел решение проблемы.

– А потом сбежал. И на фига вся эта суета, если по-любому когти рвать придется?

– Может, он надеялся справиться... но потом понял: подозрение все равно падет на него, и уехал.

– А напали на тебя случайные грабители? – подсказал Владан.

– Может, и не случайные. Допустим, Юра нанял кого-то из местной шпаны... нет, только не из местной, – покосившись на Владана, сказала я. – Местные задираться с тобой точно бы не стали.

Тут я вздохнула и добавила:

– Есть еще один вариант: Юра убил сожительницу, обычная бытовуха. Гуле не повезло, искала подругу и нарвалась на психа-грабителя. Фабрику подпалили конкуренты, а двух типов на пустыре привлекла моя сумка, а вовсе не я. Им просто пришла охота невинно покуражиться. Они ведь были в масках и надеялись, ты не сможешь их найти.

Владан весело фыркнул, а я вздохнула:

– Извини, глупость сказала. Ты можешь все.

– Если бы... – Он вновь фыркнул и кивнул в сторону скамейки неподалеку от дома Юры: – Сиди здесь.

– А ты куда? И почему я не могу пойти вместе с тобой?

– Да что за день такой? – рявкнул он. – Сказал, сиди, значит, сиди. И чтоб я тебя не слышал.

Я испуганно притихла, успев заметить, что Марич и вправду раздражен. Мое дело помогать, а не трепать ему нервы. Для этого другие женщины найдутся, не очень умные. Само собой мысли мои переключились на наш любовный треугольник, я вздохнула, потом уставилась в небо, где плыли кучерявые облака, одно было похоже на слона, но хобот быстро оторвался, и я вновь вздохнула, разумеется, не из-за хобота.

Тут и появился Марич, подъехал на «Патриоте», за рулем которого сидел парень в тельняшке и кепке, надетой задом наперед. Парень буквально вывалился из машины, и стало ясно: он, мягко говоря, нетрезв.

– Сейчас все сделаем в лучшем виде, – заорал он, направляясь к багажнику, но тут увидел меня. – Пардон. Не поздоровался.

Выписывая кренделя ногами, он подошел ко мне. Щелкнул пятками, втянув живот, несмотря на молодой возраст прибывшего, уже обвисший. На ногах у парня, кстати, были сланцы. В сочетании с армейскими штанами выглядело это нелепо даже для здешних мест, где персонажи один другого колоритнее.

«Дембель в бане», – подумала я, а «дембель» уже низко кланялся:

– Вячеслав. Простите, как ваше имя-отчество?

– Марфа Васильевна мы, – ответила я, он тут же расплылся в улыбке.

– Марфушенька, нам ли жить в печали... – Он сграбастал мою руку, повернулся к Владану и спросил: – Можно девушке ручку поцеловать?

– Открой багажник, придурок, – качая головой, ответил Владан.

– Мы с Влад Степанычем старые друзья, между прочим. Эх! Сколько пройдено дорог... А вы не замужем?

– Убить тебя, что ли? – ласково поинтересовался Владан, и парень шустро вернулся к машине, успев потерять сланец и даже не заметив этого.

Достал из багажника трос, и Владан направился с ним к дому Юры, по дороге поднял с земли сланец и запустил в Вячеслава. Тот повертел его с недоумением и предсказуемо произнес:

– Чей туфля?

Между тем Владан закрепил трос на оконной решетке, второй конец Вячеслав прицепил к машине.

– Развернись сначала, – крикнул ему Владан.

Парень сел в машину, кое-как развернулся, теперь до меня дошло, что Владан собирается сделать.

– Ты слышал выражение «неприкосновенность частной

собственности»? – поинтересовалась я.

– Каких выражений я только не слышал, – ответил мой босс.

Между тем «уазик» вторично тронулся с места. Трос натянулся, после чего оконная решетка с грохотом упала на асфальт, точнее, на его остатки, с асфальтом тут негусто, и, весело подпрыгивая на ухабах, «Патриот» понесся дальше.

– Славка, твою мать, – рявкнул Владан, но вряд ли тот его услышал.

Однако резвый бег железного коня был приостановлен. Слава высунулся из окна чуть ли не по пояс и заорал:

– Порядок в танковых частях!

– Он служил, что ли? – зачем-то спросила я.

– Сидел. Уже раза три. Мать машину ему купила в надежде, что, может, хоть на этот раз погуляет подольше.

– За что сидел? – нахмурилась я, хотя доподлинно знала, «водолазы», те, что мужского пола и из коренных, сидели все. Либо еще сидят, либо вот-вот сядут. Родные братья могли десятилетиями не видеться, сменяя один другого в узилище.

– Дурак он. Как напьется, лезет в драку, да еще за нож хватается.

– Надо же, а с виду совершенно безобидный, – нахмурилась я.

– Так это пока трезвый.

Трезвость Славы вызывала большие сомнения. В продолжение этого разговора Владан успел убрать трос и приставил решетку к стене дома. Слава, судя по всему, развлекался с радио, из кабины доносилась лихая песня. Но о нас все-таки вспомнил и вторично, выпав на асфальт и не закрыв дверь, потрусил в нашу сторону.

Владан локтем выбил стекло и аккуратно, вынув осколки, открыл окошко. После чего встал на подоконник с намерением проникнуть в дом. Та же мысль, видимо, и Славу посетила, но Владан охладил его пыл:

– Куда ты, на хрен, лезешь?

Слава попятился, а я поспешила занять его место.

– Вообще-то я и тебя имел в виду, – заявил Владан.

– Так нечестно, – начала я, а он рукой махнул.

– Тебе же хуже.

Данные слова должны были послужить предостережением, но я, к сожалению, не придавала им значения.

Владан подхватил меня и поставил на пол, я начала оглядываться, а он сказал:

– Ничего не трогай.

И пошел вперед. Мы находились в большой комнате, практически

пустой, не считая старинного шкафа с кружевной салфеточкой на верхней полке. Деревянные полы лет тридцать не красили, дверь могла соперничать с досками пола в облезлости, но и дверь, и пол содержали в чистоте. Должно быть, Элла постаралась.

Владан распахнул дверь, сделал несколько шагов и громко произнес:

– Сюда не ходи.

Но я на запрет внимания не обратила. Что значит «не ходи», когда я уже здесь?

За дверью была кухня. Плотные шторы на окне почти не пропускали света, Владан стоял, наклонившись вперед, внимательно что-то разглядывая, я сделала еще шаг, а он укоризненно произнес:

– Я что сказал?

Но было поздно, я увидела то, что видеть совсем не хотелось.

На полу лежал мужчина в синих тренировочных штанах и майке. Ее первоначальный цвет был белый, но теперь майку украшали пятна засохшей крови, в полумраке казавшиеся почти черными. Голова мужчины запрокинута, единственная рука на животе, то ли он кровь пытался остановить, то ли просто скрючился от боли.

– Его застрелили? – стараясь казаться спокойной, задала я вопрос.

– Нет. Несколько раз ударили ножом.

– Так же, как Эллу...

– Выбирайся из дома и жди на скамейке, – приказал Владан.

– А ты? – все-таки спросила я.

– Немного осмотрюсь перед тем, как вызвать полицию. Все, топай.

Я знала, что он не любит повторять дважды, пришлось подчиниться. Задерживаться рядом с покойником не хотелось, но оставлять Владана одного не хотелось еще больше.

Слава сидел на скамейке, поглядывая в небо, курил с видом счастливой праздности. Заметив меня, вскочил, затушив сигарету, и спросил, размахивая руками, чтобы разогнать сигаретный дым:

– Ну, чего там?

– Не знаю, – сказала я. – Владан велел здесь ждать.

– Ага, – кивнул Слава, но вскоре начал томиться. Пробежался по переулку, вернулся к машине, потом ко мне, потер нос. – А чего ищем-то?

– Вот вернется Владан, и спросим.

Владан как раз выбрался через окно, держа в руках мобильный. До нас доносились обрывки разговора, звонил он, без сомнения, в полицию. Слава это вряд ли понял, потому что весело спросил, когда Владан приблизился:

– Как там Юрок, много интересного оставил?

– Себя родимого, – буркнул Владан. – Лежит с развороченным пузом.
– Да ты что? – охнул Слава, хлопнув себя по ляжкам руками. – А кто ж его?

– Тебе прямо сейчас сказать? Садись в свою колымагу и двигай отсюда. Сегодня лучше дома посиди, нечего ментам на глаза попадаться.

– А если это... спросят? Что говорить?

– Правду. Ты ж христианин, каждое воскресенье у Петропавловской церкви пасешься.

– Пасусь, жить-то как-то надо... Но для дела могу соврать.

– Слава, вали отсюда, сейчас менты приедут, а ты за рулем, пьяный как вишня.

– Понял, – кивнул Слава и с готовностью потрусил к «уазику».

Через минуту машина исчезла из переуллка, а Владан устроился на скамье. Достал пачку сигарет, покосился на меня и сигареты убрал.

– Ты кури, кури... – предложила я.

– Кто твердит, что курить вредно? – усмехнулся он.

– Иногда можно... А чего Слава возле церкви делает? – спросила я, перед глазами все еще стояла картина, скрюченный труп на полу, вот я и старалась избавиться от жутких видений.

– Побирается, – ответил Владан. – Правую ногу подвязывает и сидит в каталке с орденами на тельняшке. Ветеран всех горячих точек...

– Но... как же до сих пор никто не обратил внимания...

– Почему не обратил? Морду уже били, сам мне жаловался. Но Славе пофиг, он человек общительный, а там всегдалюдно.

– Но если мать смогла ему машину купить, значит, они не бедствуют.

Владан пожал плечами:

– Мать у него профессиональная нищая. Сначала у гастронома стояла. Под платье тряпье сунет, вроде беременная... Из-за этого Славу в детстве дразнили суперслон.

– Почему?

– Слониха двенадцать месяцев слоненка вынашивает, а Славку мать года три. Потом беременность стала неактуальна, мамашу уже весь город знал, и она в веру ударилась. Юбка до пят, платок, как начнет орать дурным голосом «Богородица Дева, радуйся!», батюшку аж в дрожь кидало. Подозреваю, он ей приплачивал, чтоб стояла молча.

– О здешних обитателях можно книги писать, – хихикнула я.

– Ага. Романы.

– Будет чем заняться на пенсии... – Не успела я договорить, как мы увидели машину с надписью «полиция» на борту, следом ехал

«Фольксваген» из дорогих и без надписи.

Машины остановились, двери разом распахнулись, и появились мужчины. Из первой – двое в форме, из второй сразу трое, одетые весьма демократично, джинсы, футболки, один был даже в бриджах. Те, что в форме, никакого интереса к происходящему не проявляя, закурили, стоя у машины, предпочитая за всем наблюдать на расстоянии.

– Сиди здесь, – сказал Владан, подразумевалось: «и помалкивай».

Без особого удивления в одном из прибывших я узнала Павла, к нему мы на днях наведывались с Бадом.

– Привет, – весело крикнул он, помахав мне рукой, и обменялся рукопожатием с Владаном.

– Ну что, Серб, работенку нам подбросил? – спросил тип в бриджах, сразу перестав мне нравиться.

– Это кто такой? – удивился Владан.

Павел и третий мужчина засмеялись.

– Это Витя. Он у нас недавно. Витя, Владан Стефанович прозвища не уважает.

– Ну, извини, – поглядывая на товарищей, пожал плечами Витя. – А отчество обязательно?

– Тебе – да, – отрезал Владан.

– Вот и познакомились, – засмеялся Павел. – Чей труп-то? Бомж, что ли?

– Местный житель. Юра-безрукий.

– Египетская сила... допрыгался, значит. Давай покурим да пойдем смотреть.

– Допрыгался? – переспросил Владан, отказавшись от предложенной сигареты.

– Да это я так, образно. Претензий к нему не было. У нас, по крайней мере. А у тебя к нему что за интерес?

Владан коротко объяснил, Павел кивнул, вновь посмотрев в мою сторону, на этот раз подмигнув.

– И что ты думаешь? Обоих какой-то псих собирався кончить, но раненой бабе удалось сбежать, хоть и недалеко?

Владан пожал плечами:

– Вопрос: за что кончить хотели?

Тут влез Витя:

– Судя по его хибаре, жил он не богато, вряд ли это грабитель. Месть? Бабу с кем-то не поделил?

– Ты на хибару не смотри, – засмеялся Павел. – Тут такой народ...

Бабка чай с сухариками пьет, копейки считает, а в матрасе у нее царские червонцы спрятаны.

– Кто ж сейчас их в матрасе прячет? – впервые вмешался в разговор третий мужчина.

– Местные запросто могут. Ну что, пошли, – тяжело вздохнул Павел. – Только приехал на работу, и сразу жмурик – отличное начало дня. А чего окно разбил, а не дверь вышиб? – спросил он, первым направляясь к окну.

– Дверь заколочена.

– Ага... Дом-то Юркин? Надеялись, что никто соваться не станет и труп не обнаружат.

Мужчины друг за другом протиснулись в окно, Владан, судя по всему, собиравшийся остаться, но Павел сказал:

– Давай с нами, пошепчемся, может, что толковое в голову придет.

Минут через пятнадцать Владан позвонил и сказал:

– Иди в офис, похоже, я тут надолго.

– У тебя все нормально? – заволновалась я.

– Конечно.

Владан, скорее всего, просто решил избавить меня от вопросов, хотя я и не заметила, чтобы кто-то горел желанием мне их задать.

Выходя из переулочка, я заметила Славу, он стоял, привалившись спиной к стене дома, и босой ногой чертил узоры на асфальте.

– Чего там? – обрадовался он, завидя меня.

– Менты и Владан в доме, меня в офис отправили.

– Чудеса...

– В каком смысле? – не поняла я.

– Это я про Юру. Жил себе человек, жил, никому не мешал, и нате вам.

– Менты считают, что это может быть ограбление, – решила я поддержать разговор.

– Кто-то про бабло узнал?

– Про какое бабло? – насторожилась я.

– Как «какое»? Всем известно, что Юрка спец по взрывчатке... раньше был, пока руки не лишился. Небось отложил на черный день, к нему серьезные люди обращались.

Мы немного развили эту тему, но, к сожалению, ничего существенного Слава не знал.

По дороге я убедилась, с какой скоростью распространяются новости в Яме, они, можно сказать, бежали впереди меня. Не успела я свернуть на улицу, где был офис, как Тамара, распахнув окно кафе, позвала громко:

– Иди сюда!

Я пошла, придав своей физиономии максимум загадочности, в кои-то веки располагая сведениями, о которых, как я по наивности думала, еще никто не знал.

– Опять труп нашли? – огорошила толстуха, лишь только я переступила порог заведения.

– Какой труп? – решила я схитрить.

– Тебе лучше знать, если вы с Владаном ментов вызывали и там теперь и следки, и эксперты, и жмурик, которого вынесли на носилках.

– Да блин, – выругалась я, – вот откуда вы это знаете?

– Как «откуда»? Подруга у меня прямо возле старого рынка торгует одеждой больших размеров. К ней покупательница зашла и сказала, а Зина сразу мне позвонила. Говорит, твой Владан, похоже, труп нашел, ментов понаехало, страсть.

– Почему это он ваш? – буркнула я и поспешно спросила: – А покупательница не сказала, чей труп?

– Нет. Нашли в доме какого-то Юры-безрукого, я о нем никогда не слышала. А ты?

– И я.

– А чего тогда к нему потащились?

– Вы же детективы смотрите, должны знать о тайне следствия.

– Я тебя умоляю... – презрительно фыркнула она.

Тут в кафе вошли посетители, и я, воспользовавшись данным обстоятельством, тихо смылась.

Владан вернулся примерно через полчаса. В окно я увидела, как подъехал тот самый «Фольксваген» и из него вышел Марич. Я кинулась ему навстречу, горя нетерпением узнать новости.

– Все новости ты уже знаешь, – отмахнулся он, устраиваясь за столом.

– Как это? Неужто ничего не нашли? Отпечатки пальцев...

– Этого добра сколько угодно, в том числе и наших. Убили Юру несколько дней назад, это следует из того, как препаршиво он выглядит. Точнее скажет патологоанатом после вскрытия. На столе в кухне остатки трапезы, возможно, Юра с кем-то выпивал. Но бутылки отсутствуют, так же как и стаканы.

– Видимо, их с собой унесли, чтоб отпечатков не оставить.

– Возможно. Хотя логичнее было бы всю посуду со стола убрать. Но это для кого как. – Он достал монетку из кармана и принялся вертеть ее между пальцев, и я, понаблюдав за ним, спросила:

– Что-то не так?

– Пусть у ментов голова болит, – проворчал он. – Хороший повод

завязать с этим делом, которое не принесет нам ни копейки.

– Но... Ты считаешь, Юру с Эллой зарезали в пьяной ссоре? – робко заговорила я.

– Это менты считают.

– И никого не найдут.

– Напротив, если они правы, найдут, и довольно быстро.

– Почему ты в этом уверен?

– Ты Славу видела? Как думаешь, он способен совершить убийство и остаться безнаказанным? Да он сам дружкам по пьяни растреплет о своих подвигах, а Слава далеко не худший вариант. У него, кстати, бывают минуты просветления.

– Если это бытовуха – ментам не составит труда найти убийцу. Я правильно поняла? Тогда почему они не смогли этого сделать после гибели Эллы? – И сама же ответила на свой вопрос: – Эллу никто не знал, женщину подобрали в подворотне, без документов, и не смогли установить, кто она, а Юра здесь вырос, вся его жизнь на глазах у местных...

– В одной из комнат, окно которой выходит во двор, на полу матрас, кроме него телевизор и видеоплеер. Дисков в комнате нет, но в плеере диск остался. Отгадай, что на нем?

– Порнография? – пожала я плечами.

– Если бы. Сборник мультфильмов. Я проверил, так и есть – мультики. И еще, в кухне в шкафу пузырек с лекарством от аллергии. Точно такой же был на столе у Сохнова.

С минуту я сидела, приоткрыв рот, а потом полезла с вопросами:

– Ты что хочешь сказать? В доме был ребенок? И... это как-то связано с исчезновением Таньки?

– На самом деле, – вздохнул Владан, – не обязательно. Взрослые тоже любят мультики смотреть. Я, к примеру.

– Ты любишь мультики? – не поверила я.

– Да. «Кота в сапогах» очень уважаю. Правда, до конца не посмотрел ни разу, все времени нет. А когда есть, Маринка начинает беситься и включает что-нибудь другое. Они там кого-то держали, – посерьезнел он. – Единственная межкомнатная дверь, в которую врезан замок. Лекарство от аллергии, конечно, не редкость, но...

– Подожди, – заволновалась я. – Это что же получается... допустим, в доме был ребенок. Об этом узнали, явились к Юре, убили хозяев, а ребенка забрали. Кто забрал? О господи... если ребенок – дочка Сохнова, то его вранье становится понятным. Допустим, девочку похитили... Но кто ее забрал из дома? Не Сохнов же Юру с сожительницей зарезал. Бедный

ребенок... Владан, ты следакам о Сохнове рассказал?

– Рассказал о том, что такое же лекарство видел совсем недавно в кабинете одного бизнесмена, куда меня привела забота о подруге детства.

– И что они?

– Пальцем у виска не крутили, но было ясно: связь между двумя этими событиями для них призрачна до нереальности.

– Конечно, – разозлилась я. – Просто совпадение.

– Может, и совпадение, – пожал плечами Владан. – У нас нет фактов, Танька жива-здоровая, если матери звонила, ребенок, по словам отца, у теплого моря. И возразить нам на это особо нечего. Пока менты заняты Юрой, займемся Сохновым.

Владан убрал монетку в карман и направился к двери, я, само собой, за ним.

– Едем на твоей машине, – сказал он и добавил: – Но поведу я.

– Куда мы? – спросила я уже по дороге.

– В офис Сергея Петровича. Точнее, подождем неподалеку. Хочу поговорить с шофером. Софья до сих пор не позвонила, значит, он все еще в конторе.

Звонок прозвучал минут через пять. Секретарь Сохнова сообщила, что тот вызвал своего водителя и они сейчас в кабинете. Не такая уж важная новость, подозреваю, девушке просто был нужен предлог, чтобы позвонить Владану.

– Спасибо, милая, – выслушав девушку, сказал он и убрал мобильный.

– «Милая», – передразнила я. – Я-то думала, ты только меня так называешь... У тебя с ней что-то было, да?

– У меня с тобой ничего не было, хотя я и называю тебя «милой», почему должно быть с ней?

– Еще хуже. Значит, ты зовешь так всех баб и я просто одна из многих.

– У тебя портится характер, – усмехнулся он. – Похоже, я дурно на тебя влияю.

Вместо того чтобы прикусить язык, я решила оправдаться:

– Представь, каково это: знать, что...

– Лучше я не буду ничего представлять, ладно? – совершенно серьезно заявил он. А я подумала, что вполне понимаю Маринку, он способен вывести из себя кого угодно.

– Извини. Я просто тебя ревную. По-моему, это нормально.

– По-моему, не очень. – Тут он притормозил, а я сочла за благо заткнуться.

Мы оказались в переулке, откуда хорошо видели ворота и вход в офис,

оставаясь вне поля зрения охраны: машину скрывали деревья. Владан открыл планшет, на экране возникла карта этой части города, а я следила за воротами, не появится ли машина Сохнова.

Машина действительно появилась, но не та, которую я ждала. Из ворот выехали «Жигули», изрядно потрепанные жизнью. За рулем сидел мужчина в солнцезащитных очках и кепке. Владан завел машину и, выждав время, поехал за ним.

– Зачем тебе этот тип в «Жигулях»? – спросила я с подозрением.

– Затем, что это наш Олег Викторович.

– Шофер Сохнова?

– Софья переслала мне его фото из личного дела.

Тут вторично позвонила Софья и сообщила: Ларин уехал, но воспользовался не своей личной или служебной машиной, на которой возил шефа, а взял зачем-то разъездную, ею обычно пользовались мастера.

– Спасибо, я его вижу, – ответил Владан.

– И что ты будешь делать потом? – косясь на него, спросила я.

– Когда «потом»?

– Когда мы закончим это дело.

– Буду ждать богатого клиента, носиться по городу даром радость небольшая.

– Я имею в виду Софью. Надеешься просто исчезнуть из ее жизни? У нее ведь есть номер твоего мобильного. Или ты его сменишь?

– Что на тебя нашло, скажи на милость?

– Просто интересно. Ну, так что?

– Приглашу в ресторан, поблагодарю за помощь.

– Уверяю, она ждет совсем не этого. Она надеется, что будет с тобой.

– В таком случае ей здорово повезло, что она не со мной.

– Дурацкая отговорка, и больше ничего, – разозлилась я.

– Что ты хочешь сказать? Все мужики свиньи? О'кей. Я – свинья. – Он на мгновение раскинул руки, точно приветствуя воображаемую публику. – Теперь ты наконец заткнешься?

– Я просто... – начала я на полтона ниже.

– Уволю к лешему! – рывкнул он. – Нашла время, мать твою...

С последним замечанием, конечно, не поспоришь.

Пока мы ругались, Ларин, изрядно попетляв по городу, подъехал к супермаркету.

– Что-то намечается, – заметил Владан, заезжать на парковку он не стал, продвинулся чуть вперед, откуда мы за Олегом Викторовичем и наблюдали. Я думаю, он заговорил, чтобы воцарившееся молчание не

казалось гнетущим.

– По-твоему, он за выпивкой приехал?

– Он несколько раз проверял, нет ли хвоста.

– Да? Я не заметила.

– Ты была очень занята, – совершенно серьезно заявил он.

– Критика принимается. Мир? – Я протянула ему мизинец, он подхватил его своим и немного потряс.

– Я думал, современные дети так уже не делают.

– Эй, школу я вообще-то уже закончила.

– Серьезно? Ни за что бы не поверил.

Ларин скрылся в супермаркете, Владан отправился за ним, мне велел ждать в машине. Его желание сопроводить Олега Викторовича поначалу вызвало удивление, но, вспомнив слова Владана, я поняла, в чем дело: очень возможно, Ларин попытается улизнуть, бросив машину.

Но мои опасения оказались напрасными. Ларин вышел из супермаркета с большой коробкой. Судя по тому, как он ее нес, тяжелой. Из коробки выглядывали горлышки бутылок. Он ставил ее в багажник, когда вернувшийся Владан вновь занял водительское кресло.

– По-моему, намечается вечеринка, – сказала я.

– Для вечеринки пошла маловато... несколько бутылок пива и вискарь. А жратвы набрал прилично.

Ларин уже выруливал со стоянки, через минуту пронесся мимо нас, мы заблаговременно пригнулись, а потом тронулись следом. К некоторому удивлению, выяснилось, Ларин направляется в Яму. Это стало очевидным где-то через полчаса, он свернул на улицу Красных Латышских Стрелков и покатил вниз. А вскоре уже тормозил возле кирпичного одноэтажного дома неподалеку от рынка. Среди местных трущоб он выделялся некоторым благообразием: не так давно его заново побелили. Крыша тоже выглядела новой. На окнах неизменные решетки, здесь без них никуда.

Вплотную к дому стоял гараж, сваренный из листов железа. Ларин загнал в него машину и запер дверь изнутри, что показалось странным. Как видно, из гаража была дверь в дом.

За всем этим мы наблюдали из соседнего переулочка. Через минуту в одном из окон шевельнулась занавеска, должно быть, Ларин проверял, нет ли кого поблизости.

Я внимательно огляделась: дом на отшибе, от прочих зданий на улице его отделял овраг, не глубокий, но внизу протекала крошечная речушка, стремительно превращающаяся в болото. Она делала петлю в этом месте, оттого дом оказался как бы на острове. Проехать дальше было невозможно.

– Вдруг он к кому-то в гости явился? – предположила я, адрес Ларина был нам известен, жил он во вполне благополучном районе. – Ведет себя по-хозяйски. Скорее всего, здесь живет его подруга.

– Сомневаюсь, – ответил Владан, достал мобильный и быстро набрал номер. – Привет, – сказал, когда ему ответили. – Меня интересует пятьдесят третий дом по Латышским Стрелкам, кто там живет?.. А проверить можешь?

Перезвонили Владану минут через двадцать. Он внимательно выслушал собеседника, поблагодарил и убрал мобильный.

– Дом до недавнего времени принадлежал Лариной Ольге Кирилловне. Три месяца назад она скончалась, отписав дом внуку.

– Значит, это все-таки его дом? – кивнула я. – Ностальгия замучила? Или бабушку решил помянуть? Не вечеринку же он здесь устраивает?

– Пойду взгляну, – сказал Владан. – Это лучше, чем гадать.

– А мне с тобой можно?

– Нет. Для тебя будет маленькое, но ответственное поручение: по моей команде подойдешь к двери и позвонишь или постучишь. Но только по моей команде, поняла? И никакой самостоятельности. Не то...

– Уволишь, – подсказала я.

– Вообще-то я хотел сказать «надеру задницу», но «уволю» тоже неплохо.

Выйдя из машины, Владан отправился в соседний двор, надо полагать, он собирался сделать небольшой крюк, чтобы подойти к дому Ларина со стороны тупика.

Я сидела, вытянув шею и ожидая, когда он появится в поле зрения, но он так и не появился. Неужто решил идти через речку? Пройти наверняка можно, так же, впрочем, как и увязнуть по колено.

В этот момент и зазвонил мобильный.

– Давай на позицию, – сказал Владан.

Я выпорхнула из машины и заспешила к дому. Входная дверь была обита дерматином, явный анахронизм, которых здесь имелось в избытке. Звонок тоже доисторический, но работал. Я слышала его переливы в глубине дома. Дверь открывать явно не спешили. Я настойчиво постучала, и вновь тишина. Приблизившись к двери почти вплотную, я пыталась уловить какое-нибудь движение, и вдруг услышала голос Владана:

– Не надо никому звонить. А вот дверь открой, девушка ждет.

Дверь распахнулась, войдя в дом, я прикрыла ее за собой и только после этого осмотрелась. В трех шагах от меня стоял Ларин, нервно переминаясь с ноги на ногу. За его спиной замер Владан, привалившись к

стене плечом.

– В чем, собственно, дело? – сглотнув, спросил Олег Викторович, пытаясь выглядеть возмущенным и даже грозным, но актером оказался плохим, было видно, что он напуган.

– Давай беречь время друг друга, – ответил Владан. – В чем дело, ты отлично знаешь.

– У вас что, оружие? – нахмурился Ларин, обратив внимание на то, что правую руку Владан слегка отвел назад.

– Ага. С настоящими патронами. Хочешь, покажу?

– Послушайте, давайте спокойно поговорим...

– Так я не против. – Владан подошел к Ларину, быстро обыскал.

– Вы с ума сошли? У меня ничего нет.

– Теперь и сам вижу. Ну, пошли.

Легонько подтолкнув вперед Олега Викторовича, Мариш направился в ближайшую комнату. Она оказалась гостиной. Должно быть, после смерти старушки здесь ничего не меняли. Мебель еще с тех времен, когда меня на свете-то не было. На окошке кактусы, на столе вязаная скатерть.

Ларин сел в кресло, сцепил руки на груди и спросил:

– Вы пришли из-за Сохнова? Хотите задать вопросы?

– Очень хочу, но пока не буду, – ответил Владан.

Он остался стоять в дверях, мне кивнул на диван.

– Я не понял...

– Вроде бы шум какой-то, – перебил его Владан. – Не слышишь?

– Нет...

– Есть кто-то еще в доме?

– Никого, – без всякой уверенности ответил Ларин, отводя взгляд.

– Я совершенно точно что-то слышал, – усмехнулся Владан. – Ты тут посиди, а мы по дому прогуляемся.

При этих словах Ларин немного приободрился, но ненадолго. Владан достал из кармана пиджака наручники и без лишних слов приковал его к трубе парового отопления. Мы уже были в дверях, когда Ларин вдруг сказал:

– Первая комната направо. Ключ вот здесь, в вазочке, – он указал на чешскую вазу, украшавшую стол.

Ключ Владан взял, и мы вышли в коридор. Судя по количеству дверей, в доме было три комнаты, и только одна закрыта.

Владан вставил ключ в замок, а я обратила внимание на щеколду, которая тоже была заперта. На щеколду обычно закрываются изнутри, а тут она снаружи. Оставалось лишь гадать, что мы увидим за дверью.

Повернув ключ, Владан щелкнул собачкой щеколды, а я напряженно замерла, ожидая от судьбы любой пакости.

В первое мгновение ничего разглядеть я не могла, в комнате царил полумрак. Потом стала различать предметы: кровать, стол, тумбочка с телевизором. На кровати кто-то спал, укрывшись одеялом. Вошедший в комнату Владан нащупал выключатель. Вспыхнул свет, фигура на кровати зашевелилась, одеяло отбросили в сторону, и я увидела заспанное лицо женщины лет сорока. Несколько секунд она смотрела на нас вроде бы с недоумением и вдруг завопила:

– Владик! – вскочила и бросилась к Маричу. Он с готовностью заключил ее в объятия, а она запричитала: – Мальчик мой золотой...

«Ни фиги себе! – мысленно ахнула я. – Владик, да еще мальчик...»

Подобное обращение показалось, мягко говоря, комичным. Растрепанная немолодая барышня едва доставала до его плеча, а он хоть и выглядел моложе висевшей на нем тетки, вряд ли помнил, когда к нему обращались так на законном основании.

Лично меня всегда корбило от всех этих «мальчиков» и «зайчиков» в обращении к взрослому мужчине, да еще такому верзиле, как Владан. Но в известной пословице сказано: На вкус и цвет товарищей нет. Барышня между тем продолжала причитать:

– Мамка-то молодец, сообразила к тебе пойти, а я все думала: неужто догадается.

Тут стало ясно, передо мной та самая Танька, которая, по словам Сохнова, сейчас отдыхает с его дочерью на юге. И, между прочим, подростковая любовь Владана. Ну, может, и не любовь, и все же... нечего ей на нем виснуть.

– Где ребенок? – подойдя к ним, спросила я.

Танька тут же отлепилась от Владана, я ждала вопроса: «А ты кто такая?», успев забыть: слухами земля полнится и Таньке наверняка известно, что у Владана с некоторых пор появилась помощница.

– Ксюшку похитили. Владан, миленький, найди ее. Вся душа изболелась.

Я в недоумении уставилась на Владана, перестав хоть что-нибудь понимать. До той поры я считала, если Танька здесь, то и ребенок должен быть по соседству. То, что речь идет о похищении, новостью не стало, все эти нестыковки с поездкой на юг теперь объяснимы. Но если дочь Сохнова похитили, зачем ему преступников покрывать? Или о роли своего водителя во всей этой истории он не догадывается?

Владан обнял Таньку за плечи и повел в гостиную, где сидел Олег,

прикованный к трубе. Увидев его, Танька бросилась вперед, схватила Ларина за уши и так тряхнула, точно намеревалась их оторвать, после чего принялась награждать его пинками, вопя:

– Сволочь! Гадина проклятая...

А он, вяло отбиваясь, кричал:

– Уймись, дура! Я-то здесь при чем?

Не без труда Владану удалось оттащить ее и пристроить на диван.

– Хотелось бы уяснить суть взаимных претензий. Начнем с дамы. Как ты здесь оказалась, родная?

– Как, как? Вот этот гад привез, – ткнула она пальцем в Ларина. – Владушка, давай я по порядку?

– Буду счастлив, – с готовностью кивнул он.

– В среду после обеда мы с Ксюхой гулять пошли, как всегда, в парк, что неподалеку от нашего дома. От дома Сохнова, я имею в виду. Там детская площадка хорошая, оттого и ходим. Ребятни много было, ну и родителей, конечно. Ксюху хлебом не корми, дай побегать да полазить. Девчонка она послушная, одна шагу не сделает и знает, что с чужими заговаривать нельзя, если рядом меня нет. В общем, я малость расслабилась. Жарко было, я на скамейку села, тут еще бабка какая-то с разговорами. Но за Ксюхой я присматривала, можешь не сомневаться. Мелькнет среди ребятни, опять скроется. Я сижу, с бабушкой болтаю. Стала Ксюху глазами искать, нигде нет, ну, думаю, в домике или на паровозе. Но на сердце беспокойно стало. Пошла искать, а тут, как нарочно, мальчишечка с каната упал, лет пяти пацан. Не удержался, руки-то слабые, и со всего маху на землю, а высота немалая. Он, понятно, в слезы, а мамаша-дура, оказывается, за мороженым ушла. Он ревет, матери нет, я его утешаю, а сама головой верчу: «Где Ксюха?» Наконец мамаша прибежала, а я кинулась своего ребенка искать. Нигде нет.

Я сначала не испугалась даже, а удивилась. Куда она могла пойти? Ведь точно знаю, без меня ни шагу. В общем, я как заведенная стала по площадке кружить и все надеялась, мол, обойдется. Не ждала плохого, хотя сердце уже ныло. В результате потеряла кучу времени, а надо было сразу в полицию звонить. Хотя там такие олухи работают, не факт, что был бы толк. Короче, обежала я весь парк вдоль и поперек, под каждый куст заглянула и поняла: случилось страшное. Беда с ребенком. Звоню Сохнову, само собой, трясет всю, он старался держаться спокойно, даже меня утешал. А по-хорошему-то мне бы надо голову оторвать нахрен, чтоб не с бабушками трепалась, а глаз с ребенка не спускала. Я Сергею Петровичу говорю, сейчас же побегу в полицию, пусть ищут. А он мне: поезжайте

домой, я, говорит, сам. Понятно, сам, но лишний раз их напрямь очень даже полезно. Ребенок неизвестно где, неизвестно с кем.

– Вы решили, что девочку похитили? – рискнула я прервать ее монолог.

– Я же объясняю, Ксюха сама никуда не уйдет. Не ребенок, а чистое золото. И соображает получше иных взрослых. Ясно, что насильно с площадки увели. Вот я и задумалась, кто? Звоню Петровичу, а он вроде как недоволен, видно, все же осерчал на меня. Но я ему свои сомнения растолковала: кто-то из знакомых Ксюху умыкнул, грешным делом подумала на деда, отца покойной жены Сергей Петровича. Они с Сохновым после ее смерти рассорились в хлам. Бабка-то померла, а дед жив, сюда он ни ногой, но Ксюхе подарки присылает. И звонит, не скажу, что часто, но все же. Он от Сохнова требовал, чтоб тот внучку ему отдавал чуть ли не каждый выходной, а сам в деревне сидит безвылазно, это сто километров отсюда. Чего ребенка-то мучить. Опять же ему уже за семьдесят, живет один. Где ему с Ксюхой управиться. Да и прикладывается он, если честно. Петрович ему отказал, хочешь, говорит, приезжай в любое время, живи неделями, можешь вовсе навсегда остаться. Петрович-то к тестю нормально относился, а тот видеть его не может, просто на дух не выносит.

– Почему? – вновь спросила я.

– Потому что думает, из-за него дочку-то убили, то есть из-за бизнеса, а он человек военный, бизнесменов и без того не жаловал. Он все еще при советской власти живет, мозгами, я хотела сказать. В общем, любви промежуток и раньше не было, а уж как беда случилась, и вовсе готов зятя со свету сжить. Вот я и подумала: дед Ксюху к себе увез. И решила ему позвонить. Но не в лоб спросить, а по-хитрому. Звоню, вроде узнать, как здоровье. Он со мной спокойно поговорил и спрашивает: Ксюша рядом? Дай, мол, трубку, поболтаю с внученькой. Мне прям нехорошо стало. Я б подумала, нарочно он мне голову морочит, но притворщик из него никакой. Тут я по-настоящему перепугалась, кто еще мог ребенка забрать, в ум не шло. Деду наплела с три короба: спит Ксюха, и сразу Сохнову перезвонила. Он мне: правильно, что огорчать старика не стали, а голос-то у самого дрожит. Я спрашиваю, был ли в полиции, что там сказали. Надо через Интернет к людям обратиться, я знаю, так делают. Чтоб помогли. Еще раз опросить всех, кто на детской площадке был, вдруг все-таки видели, с кем Ксюха ушла? А он мне: из полиции вернусь, и все решим. Я жду, а самой неймется. Надо ребенка искать, а не задницу отсиживать. Вдруг приезжает этот, – кивнула она в сторону Ларина. – Поехали, говорит, к хозяину. Мне б подумать, что к Олежке Ксюха сизмальства привыкла и пошла бы с ним, не

боясь, если б чего наплел. А у меня в мозгах от беспокойства замкнуло. Сажусь в машину, он рядом трется, мне опять невдомек, вот ведь правда дура, прости господи. А он мне платок в рожу... с этим... ну да ладно, вы поняли. Бац, и я в отключке. Очухалась здесь, в комнате запертая, и уж тогда все поняла, какого гада Петрович на груди пригрел, чтоб тебе... не зря к нему душа никогда не лежала. Подхалим и Иуда. Он и здесь все ужом вился: «Танечка, потерпи немного, все будет хорошо. Это для Ксюшиного блага. Поднимешь шум – девчонке конец». Так голову заморочил, я уж не знала, что думать. Сижу тут, дура дурой. То ли ему башку свернуть да орать на весь район, то ли тихо сидеть. Где ребенок, сволочь? – завопила Танька и кинулась на Ларина. Тот закрылся одной рукой, вжав голову в колени, и заорал:

– Отстань, идиотка. Сколько раз тебе повторять: я бы Ксюху пальцем не тронул. Я что, зверь какой? Девчонка на моих глазах...

С Татьяной Владан справился быстро и без всякого почтения сгреб за шиворот и вытолкнул за дверь. Она быстро вернулась и теперь подпирала стену на приличном расстоянии от батареи.

– С детства был скотиной бесчувственной, – буркнула обиженно, надо полагать, имея в виду моего босса.

– Серьезно? – вроде бы удивился Владан.

– А то нет. Лет в девять ногу гвоздем пропорол. – Теперь она обращалась исключительно ко мне. – Гвоздь из ноги торчит, ужас такой, что волосы дыбом. Я ему: «Скорую» нужно, а он мне «отвяжись» и гвоздь этот рукой вытягивает. Ну, не живодер ли?

– Вообще-то это была моя нога, – заметил Владан, взял стул сел возле Ларина и спросил: – Где ребенок?

– Я не знаю. Эта чокнутая решила, будто я Ксюху похитил, только это глупость.

– Таньку сюда Сохнов определил?

– Ага, чтоб дров не наломала. Она ж буйная, сам видишь. А я ей все подробно объяснил, как он велел. И обходился с ней вежливо, просил потерпеть. Телик есть, жратва какая угодно, хоть из ресторана заказывай. Только сиди и не рыпайся.

– Чего хотят от Сохнова? Денег?

– Я не знаю, – покачал головой Ларин. – Я шофер, а не лучший друг, со мной секретами не делятся. Я думаю, ему позвонили. Еще раньше, чем Танька. Мы в банк должны были ехать, я машину подал ко времени, а Сохнова нет. Сижу, жду. Затем к секретарю пошел, к Соньке. А она мне: шеф сказал, никуда не поедет. Я к нему в кабинет заглянул, чтоб уточнить

на всякий случай, а он сидит, взглядом в стол уставившись, только рукой махнул, мол, иди. А через час сам меня вызвал и про Ксюху сказал – похитили ребенка. А потом про Таньку. Ему условие поставили, чтоб молчал, а Танька молчать не может. Вот и решил ее здесь поддержать.

– Не верю я тебе, – заорала Танька.

– Верю не верю... был бы я такой сволочью, как ты говоришь, шею бы свернул тебе, и вся недолга. А я горшок за тобой выношу, дура безмозглая.

– Это что же? – переводя взгляд с шофера на Владана, спросила Танька. – Если не он, то кто? Где Ксюху искать?

Она вдруг зарыдала горько и жалобно, вытирая слезы подолом платья, беззастенчиво задрал его к самому лицу.

«Все-таки она чокнутая, – подумала я. – Неужто Владану она когда-то нравилась?» Я попыталась представить, как она выглядела лет двадцать назад. Выходило, и тогда в ней ничего хорошего не было. Коренастая, коротконогая, лицо скуластое и совершенно невыразительное. Глаза с набрякшими веками. К Владану она, похоже, относилась без особого трепета, должно быть, он навсегда остался мальчишкой, с которым она отчаянно дралась. Впрочем, как выяснилось, не только дралась...

– Да не реви ты, – глядя на нее со смешанным чувством раздражения и жалости, сказал Ларин. – Все обойдется. Хозяин небось знает, что делает.

– В самом деле, кончай реветь, – кивнул ей Владан.

Она тут же одернула подол, шмыгнула носом и запричитала:

– Владушка, найди ее, ради Христа. По гроб должна буду.

– У меня твоих долгов как блох на дворняге, – рявкнул он, и я, и Танька сразу поняли, это для порядка, но на всякий случай примолкли. – Значит, ты здесь сторожишь Таньку? – повернулся он к Ларину.

– Хозяин сказал, чтоб я тоже тут отсиделся, – ответил тот.

– Из-за того, что мы в офис явились?

– Конечно. Хозяину-то, может, невдомек, кто ты такой, а я хорошо знаю. Считаю, вырос здесь. Это дом моей бабки. Я, кстати, сам его предложил, когда стали думать, что с Танькой делать. В общем, я ему сказал: если уж Серб за что-то взялся, так просто не отстанет. Ну, навру с три короба, что толку? Непременно проверит. Зря Сохнов соврал, что они на юге, впопыхах брякнул, не подумав. А с тобой так нельзя. Вот хозяин и решил, ни к чему нам с тобой встречаться. И велел мне малость отдохнуть, ну и за Танькой присмотреть. Мать Таньки после ее звонка должна успокоиться, а в полицию тебе не резон идти. Значит, будет время все решить без твоего вмешательства.

– Решальщики, – вдруг заорала Танька. – Где ребенок, придурок?

– Откуда мне знать? – в ответ завопил Ларин. – Задолбала уже. Владан, ты б наручники с меня снял, неудобно так сидеть.

– Потерпи немного.

Владан, достав мобильный, набрал номер и сказал:

– Сергей Петрович, надо встретиться, срочно. Записывайте адрес, на тот случай, если вы его не знаете. – Он продиктовал адрес и убрал мобильный. – Ну вот, спокойно будем ждать господина Сохнова.

– Давайте хоть чаю выпьем, что ли? – вздохнула Танька. – Может, пожрать чего по-быстрому приготовить?

– Хорошая идея, кстати, – кивнул Владан, и она умчалась в кухню, где тут же развила бурную деятельность, загремела дверцей холодильника, кастрюлями и прочими предметами, которые на слух не удалось распознать.

Когда явился Сохнов, мы подкреплялись котлетами с овощным гарниром. Танька, сидя на корточках, держала перед Лариным тарелку, а он неловко ел одной рукой. Отец Ксюхи позвонил в дверь, и Владан пошел открывать. Сергей Петрович, шагнув в комнату, огляделся, задержал взгляд на Ларине, который по такому случаю прекратил жевать, и сказал хмуро:

– Снимите с него наручники, все это совершенно излишне...

Наручники Владан снял, Ларин поднялся, Танька сунула ему в руки тарелку, но он после некоторого колебания отставил ее в сторону, решив, что есть при шефе в такой ситуации неловко. Владан подал Сохнову стул, в этом жесте не было и намек на любезность, он просто давал понять: разговор неизбежен и займет какое-то время. Сохнов все понял правильно, сел, сцепил руки замком и сказал, обращаясь к Таньке:

– Прошу меня простить... за все это... но у меня не было другого выхода. Я знаю, что вы любите Ксюшу, и... вы меня поймете.

– Вашу дочь похитили? – спросил Владан.

– Да, – кивнул Сохнов. – В среду после обеда забрали с детской площадки.

– Это я виновата, – запричитала Танька, но Сохнов жестом остановил ее:

– Сомневаюсь, что вы смогли бы помешать.

– Чего они хотят? – вновь задал вопрос Владан.

– Денег, – пожал плечами Сергей Петрович. Он казался смертельно усталым и говорил едва слышно, точно каждое слово давалось ему с трудом. Возможно, так и было. – Одно из условий сохранения жизни ребенку – молчание. Зная деятельную натуру няни... в общем, еще раз прошу прощения за то, что вам пришлось пережить. Олег выполнял мою

просьбу, и... если вы намерены предъявлять претензии, их лучше сразу адресовать мне.

Говорил он почти равнодушно, что тоже свидетельствовало о крайней степени усталости. Потер глаза пальцами и взглянул на Владана.

– Я надеюсь, мы обойдемся без разговоров о полиции и прочем...

– Обратиться в полицию – самое разумное в этой ситуации, – заметил Владан.

– Да, наверное. Но я уже лишился жены и не хочу потерять дочь. И рисковать не стану.

– Девочку похитили несколько дней назад. Вы передали им деньги?

– Пока только часть. Сумма большая, ее надо собрать, по возможности не привлекая внимания. Я смог с ними договориться, мне дали отсрочку.

– Вы убедились, что... вы смогли поговорить с дочкой? – спросила я.

– Да, я с ней говорил сегодня. Буквально несколько слов. Она жива. И меня заверили, что она находится в нормальных условиях.

– Господи боже, – пробормотала Татьяна. – Что она сказала?

– «Папочка, заberi меня отсюда», – нарочито спокойно сказал Сохнов, глядя в пол. Танька завyla, а он добавил: – Если вам небезразлична судьба ребенка...

– Мы готовы вам помочь, – сунулась я и удостоилась укоризненного взгляда Владана.

– Лучшая помощь – ни во что не вмешиваться. Я отец, и я нес ответственность...

– Сергей Петрович, – всхлиывая, заговорила Татьяна. – Владан девочку найдет, вот вам крест. И денег не возьмет, что б там про него ни говорили. Он с виду чистый изверг, а на самом деле...

– Ты бы заткнулась, – ласково предложил Владан, но она продолжила:

– Нельзя вот так... чтоб никто ничего... Может, я бестолково говорю... не хотите в полицию, ладно, кто знает, на кого нарвемся. Если газетам верить, там вообще одни взяточники да бандиты... Владану я больше, чем себе, верю. Мы ж сколько лет... я его как облупленного знаю.

– Нет, – покачал головой Сохнов. – Спасибо вам за участие и... за все спасибо. Но я не буду рисковать. Надеюсь, на этом мы закончим. Извините, у меня трудный день сегодня.

– А если я сама... – начала Танька и осеклась под взглядом Сохнова.

– Я не могу вам запретить. Но если ребенок погибнет, это будет на вашей совести. Олег, – развернулся он к шоферу. – Раз уж господин Марич все знает и тебе нет смысла прятаться, отвези меня домой.

Ларин с готовностью поднялся, а Танька спросила:

– Мне-то что делать? Здесь сидеть? Или домой?

– В своей квартире вам, безусловно, удобнее, буду очень благодарен, если вы несколько дней не станете ее покидать, чтобы все считали: вы на юге.

– Конечно, – пролепетала Танька. – Отвезешь меня? – спросила она Владана. Он молча кивнул. Я выразительно на него смотрела, но, похоже, без всякого толку. С моей точки зрения, он должен был объяснить Сохнову, что доверять похитителям ни в коем случае нельзя. Надавить на него, в конце концов, если понадобится. Ведь речь идет о жизни ребенка. Что бы там Сохнов ни говорил, мы обязаны помочь найти Ксюшу.

Сергей Петрович, как выяснилось, прибыл на такси, Ларин выгнал машину из гаража, и они уехали. Танька проводила их тревожным взглядом и повернулась к Владану:

– Скажи, что делать?

– Похоже, он все решил.

– Он просто не в себе, – сказала я. – И... мы не можем остаться в стороне.

Танька выжидающе смотрела на Владана, а он на меня.

– Если мы влезем в это дело против воли отца, то скорее навредим, чем поможем. Мы не знаем всех обстоятельств и будем напоминать слонов в посудной лавке.

– А если девочка погибнет?

– Надеюсь, Сохнов знает, что делает.

– Постой, ты хочешь сказать... – начала соображать я. – Есть некие обстоятельства, нам неизвестные, которые заставляют его молчать?

– Вы намерены состариться в этом переулке? – проворчал Владан, садясь в машину.

Я села рядом с ним, а Танька за его спиной.

– Тебя Полина зовут? – ткнув меня в плечо, спросила она. – Ты вот что, девка, слушай Владана, он в таких делах лучше смыслит. Уж можешь мне поверить, я ради того, чтобы Ксюху спасти, готова на что угодно. У меня, кроме мамки и ее, никого на всем белом свете. Вот разве что Владушка. – Она потрепала его по голове с улыбкой, которая вызывала самые худшие подозрения.

– Я-то с какой стати в этом длинном списке? – как мне показалось, с опаской спросил он.

– Да ладно, чего ты, – засмеялась Танька. – Дело старое... – Тут она ко мне обратилась: – Ты можешь не верить, но у нас любовь была. Ага. Я сама порой не верю. Он мне прохода не давал. Все норовил поперек сказать

и поперек сделать. Ясно, что влюбился. У мальчишек всегда так. Но он был куда моложе меня, и я по дурусти решила – это не годится. И вот итог. – В этом месте она горестно вздохнула, но физиономия ее приобрела мечтательное выражение. Владан все это слушал с невозмутимым видом. Я отметила, что Танькиным адресом не поинтересовался, значит, знает, где она живет.

– Жратва в доме есть? – спросил Марич, когда впереди возник продуктовый магазин.

– Жрать вредно. Худеть буду. Все равно кусок в горло не полезет, – махнула она рукой.

Вскоре мы подъехали к облезлой трехэтажке с одним подъездом, где, как выяснилось, Танька и жила. Она вышла из машины, но проститься не спешила, постучала по стеклу, Владан окно открыл, Танька наклонилась и сказала:

– Спасибо тебе, Владушка... – и его поцеловала. После чего, тяжело ступая, направилась к подъезду, а мы стали разворачиваться.

– Ты действительно был в нее влюблен? – не удержалась я.

– Я же рассказывал.

– У нее есть своя версия.

– У женщин всегда так.

– Гадаю, что ты мог в ней найти?

Владан засмеялся, а я спросила грозно:

– Что?

– Во времена, когда это было, одно Танькино достоинство перевешивало все недостатки. Ты что-нибудь слышала о гормонах?

– Допустим.

– Страшная вещь, скажу я тебе.

– И что же это было за достоинство?

– Я думал, ты уже догадалась. Она никогда не отказывала. Не только мне, если Бад признался, что с ней тоже трахался. Скорее всего, всю нашу команду она не обделила счастьем. За что ей моя большая и бесконечная благодарность. Кстати, вот эту квартиру ей после развода Лешка помог купить. Теперь ясно почему.

«Ничего себе, – подумала я. – Кто поймет этих мужчин? Бад не производит впечатления парня, в жизни которого женщины что-то значат. И во-зится с какой-то Танькой, некрасивой, немолодой. А Владан терпит дурацкое «Владушка» и поцелуи, хотя меня уже давно поставил бы на место».

– Как жаль, что меня не было рядом, когда твои гормоны бушевали, –

сказала я со вздохом.

– Дурочка, – засмеялся он. – Ты не для гормонов. У тебя совершенно другое предназначение.

Я собиралась спросить какое, но Владан как раз свернул на платную стоянку, и мне пришлось замолчать. Скорее всего, именно ею пользовался неизвестный гость Юры-безрукого. Владан припарковался рядом с воротами, из будки незамедлительно появился мужчина лет шестидесяти и пошел к нам.

– Надолго хотите машину оставить? – спросил он.

– Хочу задать пару вопросов.

– Я так и понял, – кивнул мужчина и протянул руку. – Максим.

– Владан.

– Я вас узнал, – вновь кивнул он, и в самом деле, узнать Владана нетрудно, совершенно седые волосы в его возрасте – отличная примета. – Пойдемте в тень, вон там скамейка.

Он приветливо мне улыбнулся, и мы направились в сторону огромной липы, где и была скамья. Владан коротко объяснил, что нам надо. Максим внимательно выслушал, глядя куда-то вдаль, и не спеша заговорил:

– Пожалуй, я понял, о ком вы. Приезжает паренек уже не первый год, примерно раз в месяц, не чаще. Я, кстати, тридцать лет в полиции отпахал. Потом решил: хватит. Посидел дома, тошно стало, сюда вот подался. Работа – не бей лежачего, можно хоть всю смену проспать. Но по привычке многое подмечаю. Вот и на парня внимание обратил. На вид приличный парнишка, машина не дешевая, одет всегда чисто, хоть и не богато. Больше, чем на два часа, тачку не оставлял. В руках пакет с выпивкой. Я все гадал, к кому ездит. Видно, родню навещал, вряд ли подругу.

– Значит, фамилию его вы нам сообщить сможете? – спросил Владан.

– Фамилию – нет, номер машины. У нас тут документы никто не спрашивает, номер тачки в журнал записал, время поставил, вот и вся любовь. Номер я помню. «Ниссан» темно-синего цвета... – Он продиктовал номер, а Владан удовлетворенно кивнул. – Записывать не будете? – усмехнулся Максим.

– Запомню, – ответил Владан.

Мужчина проводил нас до ворот, мы простились с ним и поехали в офис, где Марич сразу же устроился за ноутбуком, а мне предложил сходить за пирожными и выпить чаю. В пирожных он точно не нуждался, и я с ними решила не перебарщивать, ясное дело, он отправлял меня с глаз долой, чтоб вопросами не доставала. Поэтому, приготовив чай и поставив чашку на стол перед Владаном, я устроилась на своем месте и вела себя

тихо, как мышка. Моя старательность была вознаграждена.

– Надо тебе премию выписать, – сказал шеф, закрыв ноутбук, к чаю он так и не притронулся.

– За что? – спросила я.

– За образцовое поведение. Если парень хозяин тачки, нам нужен Ивашов Сергей Леонидович. Есть адрес, а также место работы. Вряд ли работу он уже закончил, – взглянув на часы, заметил Владан. – Поехали.

Сергей Ивашов трудился в фирме «Техэкспертиза», не знаю, чем они там занимались, но выглядело все солидно. Здание в четыре этажа, облицовано плиткой под гранит, возле двери только одна вывеска, выходит, штат у них серьезный. А вот охраны на входе не оказалось, зато была девушка-администратор, сидела за стойкой. Внимание на нас обратила сразу.

– Чем я могу вам помочь? – спросила приветливо.

– Где найти Ивашова Сергея Леонидовича?

– Ивашова? – Она заглянула в памятку. – Второй этаж, двадцать седьмой кабинет. Прямо по коридору – лестница.

Пока мы поднимались на второй этаж, я пыталась понять, что парня, работающего в этом офисе, может связывать с Юрой-безруким? Скорее всего, мы взяли не тот след.

Из-за двери двадцать седьмого кабинета доносился гул голосов, Владан открыл дверь, и мы вошли в просторную комнату. Сидящие каждый за своим столом трое мужчин о чем-то отчаянно спорили, успев перейти на повышенные тона. Угол комнаты был отделен прозрачной перегородкой, в этот момент оттуда донеслось нетерпеливое «да хватит вам», и я увидела молодого мужчину в очках с круглыми стеклами. Парни малость присмирели, что позволило Владану спросить, не повышая голоса:

– Ивашов – это кто?

Ближайший к нам парень ткнул пальцем в перегородку, а мужчина в очках приподнялся и спросил:

– Вы ко мне? Проходите, пожалуйста.

Рассмотрев Ивашова, я лишь утвердилась во мнении, что мы пришли сюда напрасно. Он казался типичным ботаником, у которого люди вроде Юры ничего, кроме обоснованного беспокойства, не вызывают. Владан устроился на стуле, предварительно подтащив от соседнего стола еще один стул для меня, и спросил без предисловий: есть ли у Сергея Леонидовича «Ниссан» темно-синего цвета с соответствующими номерами.

– Да, – кивнул мужчина, с заметным напряжением глядя на Владана,

но так и не поинтересовавшись, кто мы такие. – А что случилось?

– У меня к вам несколько вопросов. Вы хорошо знаете Юрия Ефимовича Нестеренко?

– Дядю Юру? – переспросил мужчина и почему-то покраснел. – Да, знаю. Вы из полиции? Случилось что-нибудь?

– Почему вы так решили? – влезла я.

– Потому что вы спрашиваете. Ведь должна быть причина?

– О причине я вам скажу чуть позже, – сказал Владан. – Кто он вам, родственник?

– Ну да. Брат двоюродный. Его мать и моя – сестры. Дядей я его по привычке называю. У мамы с сестрой была большая разница в возрасте, ну и у нас, само собой. Сейчас, конечно, смешно его так называть... с языка сорвалось.

– Вы его часто навещаете?

– Раз в месяц, – пожал Сергей плечами. – У него никого не осталось, у меня тоже. Вот и стараюсь поддерживать родственные связи. Он мне помог... Но я не только поэтому, человек не должен быть один, понимаете? Иначе чувствуешь себя без роду без племени. Я мог бы чаще заходить, но он не особо привечает. Не то чтобы гнал меня... нет, вроде и спросит, как дела, но... чувствуешь себя не в своей тарелке, точно ты в тягость. Я стараюсь сразу чем-то заняться, по хозяйству помочь. Он ведь безрукий, а дела всегда находятся. Чаю попью, и домой. Юра, правда, чай не уважает, предпочитает что покрепче. Ну, я и в этом смысле стараюсь приятное сделать. Слава богу, средства позволяют. Я вам больше скажу: я бы его к себе взял, квартира у меня трехкомнатная, одному там делать нечего. Когда отец нас бросил, Юра моей маме помогал, и деньгами, и вообще... поддерживал. И на часть квартиры претендовать не стал, а мог: квартира маме от родителей осталась. Но Юра сразу все на маму переписал. А меня совесть мучила, что он с одной рукой в доме без удобств. Но его ведь из Ямы не вытащить. Дохлый номер. Мама говорила, это вроде проклятия. Если сразу не сбежал, Яма затягивает.

Я покосилась на Владана, данное замечание рождало в душе тревогу, вдруг правда? И этот чертов район как-то на людей влияет? Вот только мистики мне и не хватало.

– Но ведь в последнее время брат жил не один?

– Вы из-за Эллы? – тревожно спросил Сергей. – У нее документы не в порядке?

Стало ясно: ни об убийстве Юры, ни тем более о смерти Эллы он не знает.

Владан ничего не ответил, а Сергей продолжил неуверенно:

– Элла появилась несколько месяцев назад. По крайней мере, я тогда увидел ее впервые. Хорошая женщина, добрая. И Юру любит. Это видно. И он ее, уверен, тоже. Хотя по нему не скажешь, что он способен на высокие чувства.

– Когда вы были у него в последний раз?

– В конце прошлого месяца, в воскресенье. Я всегда стараюсь в одно и то же время, чтобы он знал, что я приеду, не пришлось бы договариваться...

– Вы ему звоните?

– Редко. Из него и так слова не вытянешь, а уж по телефону тем более. Но мобильный у него есть.

– И он вам тоже не звонит?

– По пальцам можно сосчитать, сколько раз. И только по делу. Когда бумаги оформляли или мама болела... А когда мама умерла, он пару месяцев жил у меня. Тогда я и подумал, что мы могли бы... – Сергей стал смотреть в окно, точно устыдившись своей слабости.

– В это воскресенье вы собираетесь его навестить? – спросил Владан. Сергей, продолжая смотреть в окно, покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Он сказал, что уедет. Позвонил, по-моему, пятнадцатого.

– Вас это не удивило?

– Еще как! Он не любитель срываться с места. Юра сказал: «Надо Элле помочь», вот я и подумал, может, что-то связанное с документами? Слушайте, мне почему-то не по себе. Что случилось?

– Юра убит, – ответил Владан. – Его зарезали на собственной кухне несколько дней назад. Вам еще не звонили?

– Нет, – испуганно потряс головой Сергей. – Кто зарезал? За что?

– Это мы и пытаемся выяснить, – вновь влезла я.

– А как же Элла? С ней что?

– Она тоже убита.

– О господи, – простонал он.

В этот момент в комнату вошел мужчина, невысокий, поджарый, в джинсах и оранжевой футболке не по возрасту. Ему было за пятьдесят, но сияющая улыбка беззаботно сметала годы. Он мне сразу понравился.

– Привет, дармоеды, – весело произнес он, и все в комнате дружно заулыбались. – Сережа, – направляясь к нам, позвал он. – Ты документы подготовил... – тут он заметил нас, а еще обратил внимание на совершенно

потерянную физиономию Сергея и нахмурился. – Здравствуйте. Что случилось?

– Юру убили, брата... – пробормотал Сергей.

– Твоего брата убили? Когда, кто? А вы... – повернулся он к нам. Владан поднялся, видимо, намереваясь представиться, но мужчина вдруг сказал: – Я вас знаю, вы – Владан Марич?

– Да, – без энтузиазма ответил мой шеф. Как видно, популярность его утомляла.

– Не удивляйтесь. Я сам из Ямы. У нас большая разница в возрасте, но я вас помню еще ребенком, что свидетельствует: вы уже тогда были необычным парнем, – улыбнулся мужчина. – Павел Николаевич Гац. Можно просто Павел. – Он протянул руку, и Владан ее пожал. Было заметно, упоминание о его детской популярности никакого удовольствия ему не доставило, скорее наоборот. – Не буду вам мешать. Сережа, если тебе надо, иди... мы справимся. Ну и конечно, несколько дней у тебя есть... раз уж такое случилось. Зайди ко мне, когда освободишься, выпишем материальную помощь. И если вдруг что-то понадобится... До свидания, – кивнул он нам и удалился.

– Повезло вам с начальником, – сказала я.

– Это сам хозяин. Да, повезло. Он каждого сотрудника знает, а у нас их почти сотня. И справедливый. Хотя может так взгреть, мало не покажется. О чем это я? Господи, Юру убили... в голове не укладывается.

– Вы кого-нибудь из его друзей знаете?

– Нет, что вы... сомневаюсь, что они вообще были...

– Возможно, он кого-то упоминал... просто так, в разговоре...

– Нет, хотя, знаете, в прошлый раз я столкнулся с женщиной, то есть не столкнулся, конечно. Я шел от Юры, а он мне навстречу. Я машинально обернулся, а он стоит, вроде ждет, когда я уйду. Мне интересно стало, я за угол свернул и аккуратно выглянул, а он возле дома Юры, в дверь звонит.

– Как он выглядел?

– Обыкновенно. Я его, если честно, не рассмотрел. Моложе Юры, лет тридцать, наверное. Волосы вроде темные. Обычный мужчина.

– Но он почему-то решил дожидаться, когда вы уйдете, – заметила я.

– Я думаю, он удивился, что кто-то Юру навещал. Небось, как и я, гадал: кто такой? Простите, а вы... Я ничего не понял из того, что Павел Николаевич сказал.

– У тебя есть визитка? – обратился ко мне Владан.

– Нет, – ответила я, жалея, что до сих пор так их и не заказала.

– И у меня нет, – пожал он плечами. – Придется вам на слово поверить.

– Чему верить? – обалдел Сергей.
– Мы – частные сыщики, – произнесла я, его недоумение лишь увеличилось.

– А такие бывают?

– Конечно, вот же мы, – развел руками Владан.

– Что ж, парень явно ни при чем, – сказал Марич уже в машине. – Но нельзя сказать, что время мы потратили зря. Кстати, в закутке начальники сидят?

– Ты имеешь в виду выделенное место за стеклянной перегородкой?

– Точно.

– Да. Сергей, видимо, начальник отдела.

– Сколько, по-твоему, парню лет?

– Двадцать один, может, чуть больше.

– Двадцать три. Ребята в комнате выглядели старше.

– И что?

– Видимо, наш Сергей гений. Сомнительно, что у него есть связи. Значит, по служебной лестнице он продвигается самостоятельно и кое-кого уже успел обойти.

– Это имеет значение? – нахмурилась я.

– Пока не знаю. Одно несомненно: Юра к чему-то готовился.

– Почему ты так решил?

– Ну как же: он вдруг написал заявление о перечислении пенсии на карточку, хотя раньше прекрасно обходился без нее. Да и, по мнению местных, она не очень-то удобна из-за отсутствия банкоматов в Яме.

– А еще позвонил Сергею и предупредил, что уезжает, – начала соображать я. – От кого-то прятался? Возможно, Элла оказалась втянута в какую-то историю. А он ее защищал. Ведь у них были серьезные чувства друг к другу.

– Хорошая, кстати, версия, – похвалил Владан. – Злые дяди нагрянули за Эллой. В этом случае причина ее гибели запрятана где-то в ее прежней жизни. А это значит, неизбежная командировка в солнечную республику... что мне совсем не нравится. Командировка, я имею в виду.

– Возможно, часовщик что-то знает?

Владан пожал плечами:

– Маловероятно, учитывая, что со своим другом он много лет не общался.

– Вдруг Элла рассказала ему? И именно эта история подвигла ее переехать в Россию.

– Есть еще вариант: Юра не хотел лишних людей в доме. Чтобы случайно не заметили то, что видеть им не полагается.

– Тебе не дает покоя лекарство от аллергии, которое ты нашел в его доме? И диск с мультиками? – сообразила я, а он молча кивнул.

– В любом случае, – заговорил Владан через пару минут, – следует поискать молодого человека, который заходил к Юре.

– Как мы его будем искать, если нет никаких примет?

– Не забывай, где жил Юра... В Яме все на виду. И на нашу деятельность уже давно обратили внимание.

– Хочешь сказать, они сами нас найдут? – нахмурилась я.

– Вряд ли они жаждут встречи, – усмехнулся Владан. – Но вертеться поблизости будут точно. На сегодня все, – сказал он, когда мы подъехали к офису. – Я Маринке обещал культурную программу.

– Подхалимничаешь? – не удержалась я от язвительности.

– Приходится, – вздохнул он. – Если получится, пройду вечером по здешним пивнушкам, вдруг повезет и о Юрином друге кто-то что-то слышал.

– Может, тогда ты мне позвонишь, и я приеду?

Он вновь вздохнул, укоризненно глядя на меня.

– Полина, такой девушке, как ты, в пивнушках не место.

– Хотела бы я знать, где для меня есть место, – буркнула я, выходя из машины.

Владан тоже вышел, я молча кивнула, собираясь уезжать, а он позвал:

– Эй... – и пошел ко мне. Я замерла возле своей машины. Владан стоял рядом и смотрел на меня, точно пытался что-то вспомнить. Потом осторожно откинул волосы от моего лица. А я поразились, каким он умеет быть нежным, не произнеся при этом ни слова. Взгляд, движение руки...

– Будь осторожна, – сказал он.

– Хорошо, – кивнула я и взяла его за руку.

Мы стояли, глядя в глаза друг другу, и мне хотелось, чтобы это мгновение длилось до бесконечности. Владан наклонился, коснулся губами моей щеки и сказал:

– Давай, до завтра.

Домой я возвращалась в смятении чувств и мыслей.

– Это никогда не кончится, – бормотала я, ввергая себя в бездну отчаяния, но тут же, откуда ни возмись, являлась надежда и вопила захлеб: «Он тебя любит, он сам сказал. Значит, надо быть терпеливой, и все обязательно изменится. Мы будем вместе».

На этой оптимистичной ноте возникала мысль о Маринке. С ней-то что делать? Оптимизм тут же сдувался, как воздушный шарик, а я начинала мечтать: Маринка вдруг влюбляется, все равно в кого, уходит... Замечательный сценарий с одной поправкой: влюбиться в кого-то другого у Маринки примерно столько же шансов, как и у меня самой. А вдруг ей просто надоест наш любовный треугольник, и она благородно уйдет... Трогательно, но уж очень сомнительно, раз до сих пор не ушла. Скорее Владан бросит нас обоих. При этой мысли я запаниковала, потому что подобное развитие сюжета было куда вероятнее.

– Нет, нет, нет, – запричитала я. – Только не это.

В общем, я была в том душевном состоянии, когда на окружающее внимания не обращаешь, всецело сосредоточившись на себе. Предупреждение Владана было благополучно забыто, о чем я вскоре пожалела.

Я доставала из сумки ключ, когда почувствовала за спиной чье-то присутствие. Вот тогда в сознании и всплыли его слова, но польза от этого была небольшая. Я не успела ни оглянуться, ни крикнуть в надежде привлечь внимание соседей, оказавшись в цепких объятиях, меня легонько подтолкнули к двери, шепнув в ухо:

– Заходи, милая, дверь открыта.

В первую секунду я почувствовала облегчение, потому что голос узнала сразу, но облегчение тут же сменил страх: кто сказал, что мой бывший лучше неизвестных злодеев? Очень может быть, что хуже.

Он толкнул дверь, и мы внедрились в квартиру, я на негнущихся ногах и в легкой панике, он весьма довольный собой, судя по физиономии, которую я видела в зеркале. Забелин отпустил меня и сказал насмешливо:

– Хреновый из тебя сыщик.

– Идиот, – ответила я, очень надеясь, что обошлось без дрожи в голосе.

– Оружие тебе доверять нельзя, – продолжил он. – Ты с двух метров в шкаф не попадешь, но о газовом баллончике он мог бы подумать.

– Кто «он»?

– Твой Серб, естественно. Ты абсолютно беззащитна. Или его твоя безопасность совсем не заботит?

– Тебе-то что? Ты не забыл, у нас договор.

– Помню, милая, помню, – засмеялся Забелин. – Не дергайся, я с миром.

К этому моменту он успел пройти в комнату и устроился в кресле.

– Ты меня напугал, придурок, – сказала я, на всякий случай держась от него подальше.

– Тебе на пользу. В следующий раз будешь по сторонам смотреть. Дура и растяпа.

– Будем считать твою миссию выполненной. Катись отсюда.

– Какие мы отважные, – поцокал он языком. – Просто дух захватывает.

А я, глядя на него, в который раз поразились, как может быть обманчива внешность. Сейчас, сидя в расслабленной позе, слегка опираясь на локоть, он выглядел идеальным мужчиной, фотографии которых девчонки пересылают друг другу с подписями типа «какой красавчик» или «как он сексуален». Забелин знал о впечатлении, которое производит, и умело этим пользовался. И актером был отменным. Перспективный бизнесмен, любящий муж, почтительный зять. Уверена, есть и другие роли. Подозреваю, игра его никогда не утомляла, напротив, доставляла удовольствие. Интересно, как много людей знает, что скрыто за роскошным фасадом? Со мной он не считал нужным притворяться ввиду полной бесперспективности подобной затеи. Вот и теперь сквозь маску цивилизованности прорывалась его истинная сущность. Мерзавец, начисто лишенный совести, морали, сострадания, всего того, что, собственно, и делает человека человеком. Он же был животным из породы хищников, преследовал, нападал, рвал в силу своей природы, и проповеди о милосердии и сострадании ничего, кроме веселого недоумения, у него не вызывали.

– Чаю налей, – с усмешкой произнес он, наблюдая за мной.

– Заварка кончилась, – ответила я. – Будь добр, катись отсюда.

– Я же сказал, не дергайся, я тебя не трону, раз уж дал слово. – Он хохотнул, в упор глядя на меня, и этот смешок, а главное, этот взгляд беспокойство лишь увеличили.

– Хорошо, заварю чай.

Я поторопилась уйти, чтобы его не видеть. Заварила чай и с подносом в руках вернулась в комнату.

Забелин, презрительно вздернув губу, оглядывался за неимением другого занятия.

– Что за блажь жить в этом убожестве? Ты ж наследная принцесса.

– Да ладно. В убожестве мне самое место. Наследный принц у нас ты.

Мать у Забелина алкоголичка со стажем. Он изрядно подчистил свою биографию, выдав ее улучшенную версию, и сейчас усмехнулся, давая понять, что мою колкость оценил.

– Ты меняешься на глазах. Не могу сказать, что в лучшую сторону. Сказывается дурное влияние твоего вояки. Он еще не трахнул тебя? Уверен, что нет. То-то ты бродишь, точно в воду опущенная.

– Печалька, – кивнула я, разливая чай. – Но я, как ты понимаешь, твердо намерена дожидаться своего звездного часа.

– Значит, я по-прежнему твой единственный мужчина? – засмеялся он, наклоняясь ко мне. Глаза насмешливые и злые заворачивали своей глубиной. Этот взгляд в упор пробуждал желание, постыдное, но от этого не менее сильное. Чувственное наслаждение, в котором нет и намека на любовь. – Хочешь меня? – спросил он, точно читая мои мысли. Черт его знает, может, так оно и было.

– Я спать хочу, – ответила я.

– Даже врать как следует не научилась.

– Вот это в самом деле странно, такой пример перед глазами.

– Твой Владан так и не понял, что за сокровище у него под носом. Считает тебя девочкой-скромницей, а получит чертенка. Пусть скажет мне спасибо: сделать из запуганной дурочки первоклассную любовницу было нелегко. Господи! – воздел он руки. – Сколько времени и сил, и что? Она сбегает к другому, при этом даром ему не нужна.

Его слова все-таки задели, хотя я не собиралась обращать на них внимание.

– Я так его люблю, что готова быть кем угодно, – ответила я и улыбнулась пошире, с удивлением заметив, что мои слова тоже его задели.

– Ты выбрала достойный предмет для своей любви. Че Гевара хренов, – сказал он со злостью, но тут же вновь насмешливо улыбнулся. – Впрочем, что взять с дуры вроде тебя.

– Ты повторяешься. Пей, чай остынет. Может, ты наконец скажешь, зачем пришел?

– В какое дерьмо вы опять ввязались? – спросил он, так и не притронувшись к чаю.

– Ввязываться в дерьмо наша работа.

– Ну да. Ни на что другое он не способен. К вам проявляют большой интерес. Твой великий сыщик этого не заметил?

– Ты-то откуда знаешь? – нахмурилась я. – Ты что... ты следишь за мной?

Он выдал клоунскую улыбку от уха до уха.

– Время от времени у меня появляется непреодолимое желание тебя видеть.

– С чего вдруг?

– Я скучаю.

– Ты имеешь в виду папины деньги? – уточнила я.

– Задолбала ты, милая, – зло фыркнул он. – Лет через пять я буду

самым богатым человеком в городе. И что самое забавное, для этого мне не нужен твой папа.

– Папа, кстати, порадует. Он до сих пор считает тебя приличным человеком. Иногда так и подмывает сказать ему, кто ты такой.

– Не торопись. Нам еще жить долго и счастливо, зачем расстраивать старика.

– Расстраивать? Валера, он тебя убьет. Убьет в буквальном смысле этого слова. Я не хочу, чтобы мой отец оказался в тюрьме, да еще из-за такой мрази, как ты. Поэтому до сих пор и молчу. Не заставляй меня повторять это снова и снова.

– Вот-вот, безголовая моя женушка, держи язык за зубами, иначе мне придется пристрелить твоего папашу, чтобы он, не дай бог, не пристрелил меня. – Признаться, от его слов мне стало не по себе, а он продолжил весело: – Кстати, будет очень жаль, я к нему испытываю самые добрые чувства.

– Не наговаривай на себя. Добрые чувства не для таких, как ты.

– Брось, милая, ты придаешь слишком большое значение той давней истории. В конце концов, мы неплохо провели время.

Он засмеялся, а я сцепила зубы. «Неплохо проведенное время» до сих пор напоминало о себе кошмарами по ночам.

– Скажи, зачем ты это сделал? – неожиданно для самой себя задала я вопрос.

– Что сделал? – поднял брови Забелин и криво усмехнулся. – Ты так боишься произнести это вслух? Забавно.

– Так зачем? Ты ведь хотел денег...

– Ну да... – Он вновь засмеялся и головой покачал. – Я мог делать с тобой что угодно. Меня это страшно заводило. И тогда, и потом.

Он поднялся, а я вздохнула с облегчением, решив, что он уходит. Забелин в самом деле направился к двери, но внезапно, сменив траекторию, оказался передо мной, наклонился к самому лицу, а я невольно отпрянула.

– Знаешь, – сказал он со смешком. – Иногда я очень жалею, что дал тебе слово. Вот как сейчас.

– Но ты его дал, – охрипшим голосом ответила я.

– К несчастью, – покивал он головой. – Ладно, я уйду. Передай своему герою, пусть получше смотрит за тобой. Мне что, бросить все дела и идти к тебе в телохранители?

– Мне в пору действительно им обзавестись, чтобы ты держался подальше, – хмыкнула я.

Он уже был возле входной двери, взялся за дверную ручку и спросил:

– Интересно, чего ты на самом деле так боишься? – Он весело подмигнул, мол, все я про тебя знаю. – Хочешь, скажу, чем все закончится, милая? Твой отец будет носить на закорках наших детей. Никуда ты от меня не денешься. Так что я готов потерпеть.

Он громко засмеялся и наконец-то ушел, аккуратно прикрыв дверь. Я выждала несколько секунд и лишь после этого бросилась запирать замки и задвижку и заревела от бессилия. Этот гад чувствует мой страх, вот и устраивает представление в свое удовольствие. А вдруг он прав? Вдруг я боюсь уступить из-за привычки ему подчиняться?

Мне потребовалось немало времени, чтобы научиться жить без него. Неужто я извращенка, такая же чокнутая, как мой бывший? Глупости. Благодаря его же стараниям ему досталась перепуганная насмерть девица, которую нетрудно было себе подчинить. Я считала себя существом второго сорта, до которого снизошло такое сокровище, как мой муженек. И на радостях всячески старалась ему угодить. А он умело пользовался и моей благородностью, и неопытностью, укрепляя меня в мыслях, что без него я полное ничтожество. Помнится, я даже платья покупала только после его одобрения. Теперь-то я знаю, что нормальные мужики в меру сил от этой почетной обязанности отлынивают. Ну, купила и купила: «Во всех ты, душечка, нарядах хороша». Попробуй затащить того же Владана в отдел дамского платья. Он еще на подступах будет выглядеть так, точно трое суток в одиночку держал круговую оборону. А Забелин был готов шляться по магазинам чуть не каждый день, сладким голосом напевая «Милая, вряд ли ты одна сделаешь правильный выбор. Тебе пригодится мой совет». В вольном переводе: «Да ты сама даже платье не выберешь». А я, дура, перед ним лебезила (вдруг не то взяла, не угодила по безвкусию своему и глупости), да еще радовалась, какой у меня внимательный муж, готов тратить свое драгоценное время на пустяки. Может, он всерьез скупает по тем временам? Только я значительно поумнела.

– Хрен тебе, – буркнула я, демонстрируя средний палец входной двери.

Ободренная этим героическим поступком, я вернулась в комнату, убрала посуду, испытывая потребность в движении. На душе после встречи с Забелиным, как всегда, страшно и мерзко. Что он болтал об интересе к нам каких-то личностей? Он все выдумал или так и есть? И стоит ли сказать об этом Владану?

Собственно, в размышлениях на эту тему и прошел весь вечер, часть ночи, а также утро. В офис я явилась, ничего толком не решив. Владан уже сидел за своим столом, играл монеткой и что-то искал в Интернете.

– Как вчерашняя культурная программа? – поздоровавшись, спросила

я.

- Нормально, – не поднимая глаз от экрана, кивнул он.
- А в пивнушку успел заглянуть?
- Успел. Сейчас закончу и все тебе расскажу.

Он продолжил поиски, а я продолжила томиться: рассказать или нет? Конечно, рассказать следовало. Но, к сожалению, сделать это, не упоминая источник информации, невозможно. А вот упоминать этот самый источник совершенно не хотелось. Затрудняюсь объяснить почему, но тот факт, что бывший является ко мне когда захочет, я считала в высшей степени постыдным, и признаться в этом Владану было непросто. Он, кстати, единственный, кто знал истинную причину моего развода с мужем.

Опершись на локоть, я паялилась в стену напротив, изводя себя одними и теми же мыслями, и тут входная дверь с шумом распахнулась, и через несколько секунд в кабинете появился Бад, держа за шиворот вихрастого субъекта лет двадцати в футболке на два размера больше, чем следовало. Парень пытался вырваться, упирался пятками и, судя по синяку, который стремительно созрел под правым глазом, оказал сопротивление, совершенно напрасно, кстати. Несмотря на весь свой внешний лоск, Бад обладал железной хваткой и был не прочь пустить в ход кулаки – результат весьма бурного детства и отмороженной юности. Парень успел понять, кого ему бог послал, и на жизнь смотрел без оптимизма, но надежда на спасение в нем еще теплилась. Оттого, наверное, он отчаянно вопил:

- В чем дело, черт побери, вы что, спятили?

Бад толкнул его, он пролетел на середину комнаты и, не удержавшись на ногах, плюхнулся на пол. Владан, оторвавшись от ноутбука, невозмутимо спросил:

- У меня, кстати, тот же вопрос.
- Гаденыш следил за офисом, торчит в подворотне второй день кряду.
- Ни за кем я не следил, – взвизгнул парень, косясь на Бада и на всякий случай прикрываясь рукой.

– Мой дорогой друг, – обращаясь к Баду, начал Владан. – Я тебе неоднократно говорил: расследование не твой конек. Ты зарабатываешь свои деньги другим способом. И правильно.

– Ты знал? – ткнув пальцем в парня, спросил Бад с некоторым сожалением.

– От того, что он торчит в подворотне, вреда никакого, – вздохнул Владан, – но он бы, в конце концов, привел нас к своим хозяевам.

- Кто его хозяева, мы можем узнать прямо сейчас, – сказал Бад.
- Ты забыл, где находишься. Через двадцать минут весь район будет

обсуждать, как ты втащил насмерть перепуганного парня в мой офис.

– Значит, у нас всего двадцать минут, – упрямо заявил Бад, закатывая рукава своей трикотажной кофты небесно-голубого цвета. – Полинка, – весело позвал он, поворачиваясь ко мне. – Сходи к Тамаре, выпей кофе.

Я покосилась на Владана, он кивнул, заявив:

– Иди.

– Но... что вы собираетесь с ним делать? – начала я, тут Владан рявкнул:

– Брысь!

И меня как ветром сдуло. Я неслась в кафе, не разбирая дороги, и, только устроившись за стойкой, смогла передохнуть, попросив:

– Мне чего-нибудь холодненького.

– Кого это Бад к вам притащил? – спросила Тамара, ставя передо мной стакан с домашним лимонадом.

– У нас пленный, – ответила я. – Кажется, они собираются его допрашивать. С пристрастием.

– Ужас. А тебя, значит, выперли?

– Ага.

– И правильно. Насмотришься всякого, по малолетству еще кошмары замучают. Пойти помочь, что ли? – мечтательно продолжила она. – Я знаю парочку беспроектных вариантов.

– Скажите на милость, – не выдержала я. – С чего вы взяли, что можете надо мной потешаться? Я еще понимаю Владана, но вы-то почему?

– По кочану, – ответила она, вдруг притянула меня за шею и поцеловала в макушку.

– Дурдом какой-то, – пробормотала я, удаляясь к окну, подальше от Тамары. Она засмеялась, махнув рукой. Долго я, конечно, не выдержала. Выпила лимонад и побрела в офис. В конце концов, никто не сказал, сколько я должна отсутствовать.

Парень так и сидел на полу. Размазывал рукавом слезы, нервно всхлипывая. На первый взгляд обошлось без увечий, выглядел он примерно так же, как и несколько минут назад. Бад и Владан устроились на столе лицом друг к другу, неторопливо беседуя.

– О, Полинка, – завопил Бад. – Мы уже скучаем.

Я молча достала салфетки и протянула парню вместе со стаканом воды.

– Повезло тебе, придурок, – хмыкнул Бад, наблюдая за моими действиями. – Если б не эта девушка, лицом и нравом – чистый ангел, лежать бы тебе в мусорном контейнере, поделенным на части.

Парень жадно выпил воду, вытер лицо и спросил:

– Что вы со мной сделаете?

– Что мы с ним сделаем? – переспросил Бад, адресуясь к Владану. Тот пожал плечами.

– Мы сейчас отправимся проверять твои слова, а ты посиди здесь. Для своего же блага.

Владан пошел к двери, и мы за ним, а Бад сказал парню:

– Постарайся не делать ничего такого, что меня может разозлить.

– Вы меня правда отпустите?

– Правда? – спросил Бад Владана. Тот кивнул:

– Правда.

– Значит, так и есть. Он никогда не врет.

– Тогда я, это... подожду... да? – На этот раз ему никто не ответил.

Мы покинули офис. Запереть дверь Владан не потрудился, Алексей выразительно посмотрел на друга, а тот сказал:

– Он все понял.

– Вдруг возникнет соблазн?

– Мобильный мы у него отобрали, номер Коли он не помнит, а появиться в баре не рискнет. Пусть катится на все четыре стороны, он нам не помеха.

– Куда мы? – спросила я, теряя терпение. Похоже, никто из этих двоих о планах не спешил поведать.

– Садись в машину, – ответил Владан.

– Что ты узнал от пленного? – вновь спросила я, устроившись в пассажирском кресле. В зеркало заднего вида я могла наблюдать за машиной Бада, он ехал за нами.

– Ничего особо ценного. Его нанял тип, представившийся Николаем. Познакомились в баре на Солнечной. Бар называется «Пенное», судя по всему, дешевая забегаловка. Вместе выпили, поболтали о том о сем. Наш парень остро нуждался в наличке и спросил, нет ли у Коли какой работенки. Тот ответил отрицательно, однако через несколько дней в этом же баре разыскал нашего олуха и предложил заработать.

– За нами следить?

– Ага. Дал денег на бензин и небольшой задаток. Каждый вечер он звонил и получал подробный отчет. Парень оказался старательным, все записывал в телефон...

– Вы заставили его позвонить Коле?

– Точно. И предложили встретиться.

– А причина?

– Деньги на бензин кончились, и работа может встать по техническим причинам.

– Коля поверил?

– Надеюсь. Чем глупее объяснение, тем в данном случае лучше. От парня великих достижений не ждали, кто-то просто хотел быть в курсе наших передвижений.

– Но при этом сам предпочел остаться в стороне? Его интересует, с кем мы встречаемся и может ли это представлять угрозу?

Владан кивнул.

– Думаешь, Коля придет?

– Не уверен. До сего дня наш парень сам не просил о встрече. Меня бы это насторожило. Но в баре Колю могут знать.

Бар действительно оказался забегаловкой из самых дешевых. Полуподвальное помещение с низким потолком, прокуренное, с запахом пива, туалета и тухлой рыбы. Я вызвалась идти с Владаном, о чем уже почти жалела. Бад остался в своей машине в переулке напротив, наблюдал за входом. Бар находился в другом районе, и добирались мы сюда минут двадцать. Наш парень, как называл пленного Владан, о Яме имел общее представление и до недавнего времени о Мариче не слышал, не то вряд ли бы согласился за ним следить. Хотя, как любит выражаться Бад, «не оскудела земля русская идиотами».

За стойкой стоял здоровенный детина, все открытые части тела которого покрывали татуировки. Нетронутыми оставались лицо и уши, зато бритый череп и шея выглядели затейливо, делая своего обладателя похожим на какого-нибудь монстра из «Звездных войн». Как выяснилось чуть позже, он был хозяином, барменом и вышибалой в одном лице.

В это время посетителей оказалось немного. Две личности тихо переговаривались в уголке да парень лет двадцати сидел за стойкой с такой унылой физиономией, точно ждал конца света с минуты на минуту. Само собой, мы привлекли внимание.

– Девушке пиво и мне тоже, – сказал Владан, устраиваясь за стойкой.

Бармен не спеша налил два бокала и пододвинул нам. Владан достал смартфон, вызвал на экран фото нашего пленного и показал бармену:

– Знаешь его?

– Болтается тут по вечерам. Зачем он вам? Денег должен?

– Я похож на человека, выбивающего долги? – усмехнулся Владан.

– Не в обиду тебе будет сказано, – ответил бармен, – ты похож на мужика, от которого лучше держаться подальше. А тот, о котором ты спрашиваешь, пустое место, вряд ли он способен тебя заинтересовать.

– Правильно. Меня интересует тот, с кем он здесь встречался. – Владан кивком указал мне на стол в закутке, неподалеку от входа.

Прихватив бокал с пивом, я отправилась туда. Села боком к двери, чтобы видеть того, кто войдет, но оставаться скрытой деревянной перегородкой. Владан продолжал разговаривать с барменом, слов я, к сожалению, не слышала, но, судя по всему, эти двое вызывали друг у друга симпатию, по крайней мере, на взгляд со стороны беседа носила доверительный характер. Пиво я не люблю, а это еще оказалось на редкость противным, очень быстро я начала изнывать от безделья, но тут дверь распахнулась, и в бар вошел мужчина лет тридцати пяти, одетый довольно скромно, но с золотыми часами на руке. Именно на часы я поначалу и обратила внимание. И насторожилась. Люди, покупающие такие часы, как правило, избегают подобных заведений. Его физиономия и вовсе сбивала с толку. Выглядел он как раз обитателем вот таких пивнушек: рябое лицо, небритое и опухшее, шрам у виска и что-то неуловимое во всем облике, свидетельствующее о близком знакомстве с местами лишения свободы.

Я совсем было потеряла к нему интерес, но вдруг он, заметив возле стойки Владана, опустил голову и, развернувшись, спешно покинул бар. Я мгновенно набрала СМС Бад, а потом и Владану. Он взглянул на смартфон, повернулся ко мне и кивнул, после чего попрощался с барменом и направился к двери.

– Рябой, шрам у виска? – спросил он, выходя на улицу.

– Да. Бармен дал довольно точное описание. Он похож на уголовника, а на руке золотые часы.

– Уголовники тоже разные бывают. Встретимся, спросим, откуда дорогие привычки.

Я быстро огляделась, Рябого нигде не видно, а вот «БМВ» Бада стоит на том же месте, я-то была уверена, он отправится за Колей. Бад вышел из машины, помахал рукой и теперь ждал нас, привалившись к капоту.

– Ты его упустил? – спросила я в досаде.

– Не хотел спугнуть. Пусть считает, что вовремя смылся.

– Но... – начала я, мало что понимая, а Бад перебил:

– Я его узнал. Мы найдем его в любой момент. Коля Рябой, помнишь такого?

– А должен? – нахмурился Владан.

– Ну... у него еще брат был старше года на три. Оба терлись возле Кувалды. Его-то, надеюсь, помнишь? – засмеялся Бад.

– Помню.

Пленный за время нашего отсутствия заметно приободрился. Сидел за

моим столом и что-то жевал, прихлебывая чай из кружки Владана. Завидев нас, поперхнулся, втянул голову в плечи и спросил тревожно:

– Ну, что, нашли Колю?

– Нашли, – буркнул Владан, взял со стола свою кружку и понес в мойку.

– Толстая тетка приходила, – продолжил пленный. – Пожрать принесла. Я думал вам, но она сказала – мне. А кружку я сам взял, не хотелось всухомятку... извините.

– Ты закончил? – спросил Владан, устраиваясь за своим столом.

– В смысле? – заволновался парень.

– В смысле, все съел? Или решил задержаться?

– Да... то есть, если можно, я пойду.

– Иди. Из города тебе лучше свалить на время.

– Ага. Спасибо...

Парень вскочил из-за стола, потоптался немного, словно толком не знал, что делать, и наконец скрылся за дверью, пробормотав «до свидания».

– Тебе одного свидания мало? – удивился Владан и головой покачал.

Бад был прав, найти Рябого оказалось совсем не трудно. Он жил вместе с братом в родительской квартире буквально в трех кварталах от подворотни, где я столкнулась с Эллой. Родители на пенсии, перебрались в деревню, а братья всего два месяца назад вышли из тюрьмы. Это был их первый срок, как ни странно для здешних мест, учитывая их зрелый возраст. С Юрой-безруким оба были хорошо знакомы, старший брат, по словам знающих людей, с ним вроде бы даже дружил, по крайней мере до того, как очутился за решеткой.

На следующий день мы заняли позицию неподалеку от дома, где жили братья. Дом многоквартирный, с двумя подъездами, квартира братьев на втором этаже. Дверь на балкон была распахнута настежь. Братья до обеда ни разу не появились.

День выдался жарким для конца лета, в целях конспирации сюда мы явились на стареньких «Жигулях», прочие машины были бы здесь слишком заметны. Тонированные стекла не позволяли увидеть, есть кто в машине или нет. Безусловным минусом данного транспортного средства было отсутствие кондиционера. Открытые окна от жары не спасали, да их особо и не откроешь, случайные прохожие могли обратить на нас внимание. Владан жару переносил стойко, я приканчивала вторую литровую бутылку воды, но лучше чувствовать себя не стала.

– Ты бы шла домой, – покосившись на меня, сказал Владан. – Чего

вдвоем мучиться.

– Я не мучаюсь. К тому же ты сам всегда твердишь: «Главное качество сыщика – терпение».

– Да? Чего только не скажешь сдуру.

– Почему же сдуру? По-моему, ты абсолютно прав. Может, ты расскажешь мне про Кувалду?

– Зачем?

– Для общего развития.

– Был такой придурок среди «водолазов», конченный дебил, с моей точки зрения. Сколотил банду подростков. Промышляли в основном тем, что у теток сумки из рук выхватывали. Лет в семнадцать сел, вернулся, опять сел, и продолжал в том же духе, пока после очередной отсидки его не зарезали в пьяной драке. Если память не изменяет, в кабаке под названием «Лотос». Его уже закрыли, хозяин тоже сел.

– За что?

– За наркоту, скупку краденого... в общем, набрался червонец. Сидеть ему еще долго.

– Поучительно, – хмыкнула я.

Владан пожал плечами.

– Знаешь, что я подумала?

– Даже не догадываюсь.

– Все вертится вокруг Дна. Понимаешь?

– Не очень.

Если честно, я и сама не могла толком объяснить, что имею в виду, догадка мелькнула и исчезла, а я вздохнула:

– Все, с кем мы имеем дело на этот раз, так или иначе связаны с этим районом. Ресторан и офис Сохнова – формально уже не в Яме, но очень близко к Дну. Пограничье. Юра, Рябой с братом и даже Ларин из этих мест.

– Интересное замечание, – кивнул Владан, по его лицу было трудно определить, потешается он надо мной или нет, а я вздохнула и спросила:

– Глупость сморозила?

Ответить Владан не успел, из подъезда появился Коля Рябой, рядом с ним шел мужчина постарше, ниже ростом, но шире в плечах.

– Ну вот, – сказал Владан. – Знакомься: братья Фомины, Николай и Виталий.

Никакого сходства не наблюдалось, за исключением одного: выйдя из подъезда, оба настороженно огляделись и зашагали в сторону рынка. Через десять минут они устроились на открытой веранде кафе «Уют», заказали пиво, пообедали и еще с полчаса сидели, разглядывая прохожих.

Расплатившись, вернулись домой. Старший заигрывал с официанткой и, судя по тому, как приветливо она простилась с ним, оставил неплохие чаевые. Хотя в Яме бытует мнение, что чаевые – буржуазный пережиток, а официанты всегда найдут способ тебя надуть и внакладе не останутся.

– С деньгами у них проблем нет, – заметил Владан, когда они скрылись в подъезде.

– Это подозрительно? – спросила я.

– Болтают, они наркотой промышляли, могли отложить на черный день.

Его интонация насторожила.

– Ты что, сомневаешься? – нахмурилась я. – Я наркоту имею в виду.

Владан вновь пожал плечами.

– Серьезные люди братьев с продажей наркоты не связывают. Они всегда были шпаной и мелкими жуликами.

– Что-то я не пойму...

– Я пока тоже, – хмыкнул Владан.

Не считая вылазки в кафе, братья квартиру не покидали. Мы слушали радио, время от времени я пыталась разговорить Владана. С переменным успехом. В следующий раз я увидела братьев Фоминых в 19.30. К подъезду подкатило такси, а вскоре появились Виталий с Колей Рябым. У старшего, кстати, прозвище Фома, не скажешь, что оригинальное. Братья загрузились в такси, следовательно, собираются пределы района покинуть. В Яме все в шаговой доступности, деньги тут зря не тратили, оттого такси здесь увидишь не часто.

Мы отправились за ними через полминуты и, держась на расстоянии, проследовали до спального района Новки. Положительно, в деньгах братья особо не нуждались: такси остановилось возле парка. А чтобы воздухом подышать, тащиться в такую даль было не обязательно.

Приткнув машину рядом с продуктовым магазином, мы с Владаном отправились в парк и вскоре увидели братьев, они шли по аллее, которая вывела нас к пивному бару «Витязь». Возможно, пиво тут куда лучше, чем в прочих подобных заведениях, оттого братья и поперлись сюда через весь город. Но лично я в этом сомневалась. Как оказалось, Владан тоже сомневался, потому что сказал:

– Скорее всего, в баре у них встреча.

Но тут братья свернули и вскоре разделились, старший направился к беседке, что была в конце аллеи, а младший поглядывал по сторонам, болтаясь в сотне метров от нее. Чтобы подобраться к беседке и не попасть в поле зрения Коли, нам пришлось сделать изрядный крюк. Поднявшись на

невысокий холм, мы укрылись за кустами, которых здесь было в избытке. На зеленой лужайке устроились парочки, Коля время от времени на них косился, а я пыталась разглядеть, чем занят старший Фомин. Оказалось, ничем особенным. Сидит на скамейке, курит. Пару раз нетерпеливо взглянул на часы.

И тут появился Ларин. Владан заметил его первым, коснулся моей руки и кивком указал, куда следует смотреть. Ларин шел к беседке, то и дело оглядываясь. Шел не по аллее, а по лужайке, улыбаясь девушкам, отдыхавшим группками. Он вдруг ускорился и последние несколько метров почти бежал.

Заметив его, Фомин-старший отбросил сигарету и поднялся навстречу. Руки друг другу они не подали, Ларин сел, а Виталий замер по соседству, опираясь на перила беседки. Разговор мы слышать не могли, подбираться ближе опасно, беседка находилась на самой вершине холма, вокруг открытое пространство, примерно метров десять в диаметре. Можно попытаться что-то разобрать по губам, но Ларин сидел к нам спиной, а Фомин, как нарочно, держал голову вниз, повернувшись к Ларину. Но, судя по всему, беседа вышла эмоциональной. Фомин что-то говорил, Ларин тряс головой, как будто категорически отказываясь. Продолжалось это довольно долго.

Наконец Ларин встал и пошел прочь, на сей раз по аллее. Когда поравнялся с Колей, тот что-то весело сказал ему, но Ларин зло отмахнулся и зашагал дальше.

– Я за ним, – шепнул мне Владан. – А ты присмотри за братьями. Только особо не усердствуй.

Владан ушел, а я переместилась на лужайку, очень надеясь, что братья внимания на меня не обратят. Старший как раз направлялся к младшему. Они перекинулись парой слов и побрели в бар «Витязь», где вскоре устроились на веранде, а я на скамейке, справа от бара, чтобы они не могли меня видеть.

Появление Ларина вызвало легкий шок. С одной стороны, все как будто еще больше запутывалось, с другой – становилось простым до примитива. Я с большим нетерпением ждала Владана, чтобы поделиться своими соображениями. Братья проторчали в баре больше часа, расплатились и направились к выходу из парка. Прошли совсем рядом со мной, к счастью, в мою сторону не взглянув. Старший как раз звонил по мобильному, вызывал такси. В парк машина не проедет, значит, будет ждать на площади. Мне надо их как-то опередить и тоже вызвать такси.

Только я начала набирать номер, устремляясь к выходу по соседней

аллее, как пришло СМС от Владана. «Ты где?» Я тут же ему перезвонила.

– Отлично, – выслушав меня, сказал он. – Я совсем рядом.

Парк я покинула раньше, чем братья, и с облегчением заметила «Жигули». Когда я в них садилась, подъехало такси. Тут и братья появились. А через полчаса они уже входили в подъезд своего дома. Дверь на балкон вновь оказалась открытой, тюлевая занавеска покачивалась на ветру, заработал телевизор.

– Теперь все ясно, – при первой же возможности заговорила я, а Владан усмехнулся:

– Что тебе ясно?

– Эти типы похитили ребенка. Ларин с ними в сговоре. Вполне возможно, девочку с площадки увел он. Ксюша хорошо знает шофера своего отца. Они прятали ее у Юры, потом что-то не поделили... Почему ты молчишь? – нахмурилась я.

– Тебя слушаю.

– Ведь совершенно очевидно... Или нет?

– Пока мы знаем следующее: Ларин встречался с братьями... И все.

– Как это «все»?

– Это может быть встречей старых приятелей. Почему нет? Бабка Ларина из «водолазов», и если дом ему отписала, значит, внук он любимый и бабушку в детстве навещал. В тех местах как раз Кувалда хозяйничал, Ларин мог быть в его банде, пацану здесь в одиночку не выжить. Вполне возможно, тогда с Фомиными и познакомился.

– Допустим, – разозлилась я. – Но к чему такая секретность?

– Согласен, это настораживает. Могли встретиться и в Яме, не пришлось бы на такси тратиться. Но и тут может быть простое объяснение: Ларин имеет работу, вполне приличную, кстати, и болтаться в компании уголовников ни к чему.

– Ты думаешь, они из него деньги тянут? – нахмурилась я. – Потому он и решил похитить дочку босса?

– Тоже вариант. А может быть и такой: братья действительно похитили девочку, но встречается Ларин с ними по просьбе шефа для того, чтобы передать лекарства или те же деньги.

Такое мне в голову не приходило, и я на минуту задумалась.

– Но... зачем приходить обоим братьям? Похитителю логично скрыть существование напарника. Хотя... они ведь родня, понятно, что второй брат непременно окажется в поле зрения полиции, если дойдет до расследования. А еще вариант у тебя есть?

– Есть, – кивнул Владан. – Но тут кое-что надо проверить.

В одиннадцать свет в окнах квартиры погас, мы терпеливо ждали, но братья, судя по всему, мирно уснули в своих постелях. Все это время я надоедала Владану.

– А если ребенка похитили Фомины и девочка сейчас здесь?

– Держать ребенка в квартире не рискнут даже придурки вроде этих. Соседи непременно обратят внимание.

«А вдруг они держат ее связанной? – с ужасом подумала я. – Будь ребенок тут, один из братьев оставался бы с девочкой, а они болтаются вдвоем. И дверь балкона открыта».

– Успокойся, ее там нет, – взглянув на меня, сказал Владан.

Мы покинули свой пост в первом часу ночи. Утром, придя в офис, Владана на месте я не застала. На звонки он, по обыкновению, не отвечал. Промучившись час, я позвонила Маринке.

– Нет его, – хмуро бросила она. – С утра пораньше ушел. И вчера полночи где-то шлялся.

– Ты имеешь в виду, его не было до часа ночи?

– До трех, – ответила Маринка и бросила трубку.

«Где же он был? – с обидой думала я. – И где сейчас?»

Владан объявился уже после обеда, к этому времени я совсем извелась, звонила ему почти непрерывно и удостоилась СМС: «У тебя что-то срочное?» Очень мило. Что у меня вообще может быть, если я, как дура, полдня сижу в офисе? Подумав, я максимально сократила ответ, написав: «Ничего».

Примерно через час после этого он и появился. В физиономии ни намёка на сожаление, я-то считала, он должен чувствовать себя виноватым...

– Привет, – кивнул он и устроился за ноутбуком.

– Где ты был? – спросила я, позаботившись о том, чтобы в голосе не было обиды.

– Хотел взглянуть на парочку уголовных дел.

– Взглянул?

– Да.

– А где ночью был?

– В карты играл.

– В карты? – растерялась я. – Чего это тебе вздумалось? Вот уж не знала, что ты картежник.

– Я не просто играл в карты, милая, я играл с нужными людьми. Кстати, продул прилично, чтобы их порадовать.

– И какая польза от этих людей?

– Приготовь-ка кофе покрепче.

Кофе я приготовила, старательно пряча обиду. Конечно, я не мечтала быть полноценным партнером, но когда тебя, по сути, отстраняют от расследования... Ожидая, когда Владан заговорит первым, я таращилась в окно и увидела, как подъехала машина Бада. Вскоре он уже входил в кабинет, лучезарно улыбаясь. Непонятно почему, но его улыбка раздражала. Оказалось, Бад в расследовании тоже успел поучаствовать, данное обстоятельство вызвало ревность и раздражение лишь увеличило.

– Привет сыщикам, – сказал он, сгреб стул и устроился на нем, а Владан наконец-то закрыл ноутбук. – Похоже, ребенка Сохнову так и не вернули. Он ищет деньги. Все, что мог по-быстрому продать, уже продал. На самых невыгодных для себя условиях. Сейчас пытается взять кредиты в нескольких банках. Владан, они тянут из него деньги, это совершенно ясно.

Марич кивнул. Вертел монетку в руке и хмурился. То, что делами Сохнова интересовался Бад, вполне объяснимо: он бизнесмен, и связи у него отличные, а Владан, видимо, не хотел привлекать к Сохнову внимание, вот и поручил сбор информации Баду. Одно дело, когда бизнесменом интересуется бизнесмен, и другое, когда частный сыщик. Владан боялся навредить ребенку, что совершенно ясно. Неизвестно, на что рассчитывает Сохнов, но с головой у него точно проблемы. Ребенок слишком долгое время находится у похитителей. Я не хотела думать об этом, но мысль являлась против воли: жива ли девочка? Должно быть, о том же думал Бад, потому что сказал:

– Сомневаюсь, что он увидит ребенка.

Владан пожал плечами.

– Смотрите, что получается, – заговорил он, убрав монету в карман. – Два года назад у Сохнова погибает жена. Какие-то отморозки подкладывают бомбу в ресторан, где она была хозяйкой. Бомба взрывается рано утром, в обычные дни в это время там нет никого, то есть рассчитывали обойтись без жертв. Но именно в то утро ждали машину с рыбой, задержавшуюся на полдня из-за аварии. Болтали о страховке, которую Сохнов якобы мог получить, о неких типах, положивших глаз на участок земли, где ресторан находился. Но на проверку это оказалось не более чем слухами. Следаки тщательно проработали все версии. И в конце концов остановились на происках конкурентов. Но кто конкретно имел зуб на Сохнова, так и не выяснили. Недруги предпочли сделать ему предупреждение, уничтожив бизнес его жены вместе с ней самой. Вроде бы все ясно. Но вот что любопытно...

– Плодами этого подвига никто не воспользовался? – усмехнулся Бад.

– Точно, – кивнул Владан. – Сохнов остался при своем, лишившись только жены и ее ресторана, который особого дохода не приносил. За последующие два года он значительно укрепил свои позиции и стал богаче. Я имею в виду до того дня, когда его дочь пропала. Идем дальше. У нас есть, вернее, теперь уже был, Юра-безрукий, когда-то военный, лишившийся руки, опять же по слухам, во время неудачного опыта со взрывчатыми веществами.

– К Юре в прошлом не раз обращались серьезные парни, которым надо было устроить крутой фейерверк для конкурентов, – кивнул Бад. – Став калекой, он от дел отошел. Вроде бы...

– Но остались люди, которые знали, к кому следует обратиться, если в том будет нужда, – усмехнулся Владан. – Например, его приятель Виталий Фомин с братцем. И, возможно, господин Ларин. Этот устраивается к Сохнову за три месяца до взрыва. Сохнов бизнесмен, к Яме отношения не имеет, и связей среди «водолазов» у него нет.

– А вот у Ларина есть, – начала соображать я.

– Правильно. Ларин вечером накануне взрыва был в ресторане, по просьбе хозяина забрал его супругу с работы, машина Сохновой была на станции техобслуживания. Ларин сам рассказал об этом следователю. Ничего подозрительного они в этом не усмотрели. Жаль, что не проверили, кто еще тем вечером находился в ресторане, я имею в виду посетителей, персоналу как раз внимание уделили. Теперь прикинем, что у нас с братьями. Через два дня после взрыва они оказываются под арестом. Ментовский рейд, кабак, который на хрен никому не нужен. У старшего находят пистолет, этот дурак везде с ним таскался, о чем знал весь район, и у обоих по пакету дури. В полицейский участок они попадали не раз, но судимостей не имели и, думаю, не особо из-за ареста переживали, до утра подержат и выпустят.

– Но Фемида решила их примерно наказать? – хмыкнул Бад.

– Возможно, парни успели достать ментов, и те решили: пора им немного отдохнуть.

– А возможно, об этом кто-то позаботился, – кивнул Алексей.

– Сегодня я говорил с ментом, что их «упаковал». Они были обдолбанными в хлам и оказали сопротивление. Хорошо хоть пистолет без патронов, не то бы придурак отстреливаться начал. Именно за этот цирк братья и могли поплатиться. Но... твой вариант тоже имеем в виду.

– Ты думаешь, что... – начала я и головой покачала. – Сохнов по неведомой причине убил жену? А помогли ему в этом Ларин и братья

Фомины? После чего Сохнов захотел от них избавиться и отправил в тюрьму? Они вернулись и решили, что он им сильно задолжал. Похитили ребенка и теперь тянут из Сохнова деньги и не успокоятся до тех пор, пока не обдерут как липку? Ну и гад...

– Не спеши. Это всего лишь версия, – пожал Владан плечами.

– Да какое там, – отмахнулась я. – Все яснее ясного. Это объясняет его поведение: нежелание сообщать в полицию о похищении, боязнь нашего вмешательства. Ребенок наверняка находился у Юры, а когда его убили, девочку перевезли в другое место.

– Еще вопрос, кто убил Юру вместе с его бабой, – кивнул Бад. – Что, если Сохнов пытался забрать ребенка, сообразив, где его искать?

– А где тогда девочка? – нахмурилась я, обращаясь к Бад.

– Возможно, Сергей Петрович просчитался и когда явился в дом Юры, ребенка там уже не было.

– Или прячет ребенка и ждет развития событий, – добавил Владан.

Данное предположение вовсе не показалось фантастическим. Если Сохнов убийца, предпочтет, чтобы по окончании этой истории его считали несчастным отцом, лишившимся своего бизнеса, чтобы спасти дочь. При удачном стечении обстоятельств убийство Юры и его подруги можно повесить на братьев Фоминых.

– Ну вот, – подытожил Владан. – У нас сколько угодно версий, дело за доказательствами.

– Лучше бы он в самом деле забрал девочку, – пробормотала я. – По крайней мере, это означало бы, что она жива и ей ничего не грозит.

– В данной версии вопросов тоже сколько угодно. Главный, пожалуй: зачем Сохнову убивать жену? От ее смерти он ничего не выиграл. До сих пор живет один, даже постоянной подруги не имеет. По отзывам, жену обожал и жили они счастливо, в любви и согласии.

– Я бы взглядам со стороны не особенно доверяла. Идеальная семья, а копни поглубже... – Тут я язык прикусила, мне показалось, мужчины смотрят на меня с немым вопросом. Может, думают, кому знать, как не мне? Я, кстати, тоже так подумала. Наш брак с Забелиным со стороны выглядел безу-пречно, точно бриллиант в короне императрицы. А на деле... Бад о моей семейной жизни ничегошеньки не известно, зря я так запаниковала. Кашлянув, я предложила: – Хотите кофе? – Не скажешь, что удачно выкрутилась, ну да ладно. От кофе мужчины дружно отказались, а я спросила, помедлив: – И что нам теперь делать?

– Приглядывать за этой публикой и продолжать копать дальше, – хмыкнул Владан.

– Тебе не показалось, что Ларин, встречаясь с братьями, был чем-то недоволен? Такое впечатление, что они спорили?

Владан согласно кивнул.

– Или требовали сделать то, что он делать не хотел.

– Интересно, на кого он все-таки работает? – усмехнулся Бад. – На Сохнова, на братьев или на себя? Может, тряхнем его как следует? – подмигнул он.

– Если девочка не у отца, а у этих типов, шансы выжить у нее будут равняться нулю, – заметил Владан.

– У меня руки чешутся позвонить в полицию, – пробормотала я. – Не подумай, что я сомневаюсь в твоих способностях, просто...

– Хочется переложить проблему на чужие плечи, – кивнул шеф, заставив меня покраснеть. – Мне, кстати, тоже хочется. Анонимный звонок оставят без внимания, в лучшем случае обратятся к Сохнову. Заявимся в полицию сами? Немногим лучше в плане возможных последствий. Сохнов заверит, что дочь отдыхает на юге, будет тянуть время, не торопясь ее предъявить, и обвинит нас в том, что мы навязывали свои услуги, а в отместку выдумали это похищение.

– Но... они же обязаны как-то реагировать? – не очень уверенно сказала я.

– Они отреагируют, можешь не сомневаться. Для того чтобы девочку начали искать, нужно заявление родителя. Если отец говорит, что все в порядке...

– Зачем им себя работой загружать? – кивнул Бад.

– Но предупредить о том, что Ларин гнида, мы должны. На тот случай, если Сохнов безутешный отец, а не чокнутый убийца. – Владан достал мобильный, а Бад усмехнулся:

– Если все-таки убийца, то от Ларина поспешит избавиться, раз тот засветился.

– А мы за Лариным присмотрим.

– Будем ловить убийцу на живца? – сообразила я, но ответа не получила, Владан начал разговор с Софьей, секретаршей Сохнова.

– Добрый день... Дела? Отлично. Закончу с ними и непременно приглашу тебя поужинать. – В этом месте я скривилась, что не ускользнуло от внимания Бада, он пожал плечами, мол, чего только не сделаешь, чтобы извести злодеев. – Сохнов у себя? Соедини меня с ним. Да, так и скажи. Дело срочное...

После непродолжительной паузы, во время которой Софья, должно быть, вела переговоры с Сохновым, Владан продолжил:

– Добрый день, Сергей Петрович. Это Марич. У меня к вам только один вопрос: вы в курсе, где находился Ларин в момент похищения вашей дочери? – и, не дожидаясь ответа, дал отбой.

– Он перезвонит, – сказал Бад.

– Возможно.

– Перезвонит. Ставлю сотню баксов.

– Смотри, без денег останешься.

Мы сидели в молчании, глядя на мобильный Владана, лежащий на столе. Пять минут, десять...

– Гони сотню, – усмехнулся Владан. Бад пожал плечами и полез в карман.

– Рублями по курсу возьмешь?

– Валяй.

Пока он отсчитывал деньги, я спросила:

– Это что-нибудь значит?

– А как же. Это значит, что Бад проиграл.

– Не зови меня так при девушке. У меня есть имя, и оно мне нравится.

– Я серьезно, – не отставала я.

– Ничего это не значит, – отмахнулся Владан. – Кроме того, что мужик по-прежнему свои проблемы решает сам.

– Дадим ему еще десять минут, – предложил Алексей.

– Не хочется расставаться с деньгами?

– Хочется сохранить светлую веру в человечество.

Десять минут прошли, мобильный Владана молчал. Он взял его и стал набирать номер.

– Кому звонишь? – не удержалась я.

– Таньке, надо и ее предупредить, чтоб ненароком под раздачу не попала.

На этот раз Владан включил громкую связь, и вскоре мы услышали голос Таньки.

– Здравствуй, Владушка...

Бад прыснул, прикрывая рот ладонью, Марич поздоровался и спросил:

– Как ты там?

– Хреново, в пору на стенку кидаться. Пробую молиться, а в душе такая злость... Что это за гады, у которых ничего святого за душой, Ксюхе всего пять лет...

– Стены побереги, а с девочкой, надеюсь, все будет нормально.

– Владушка, я когда взаперти сидела, на Ларина думала, что он Ксюху из парка увел и меня в четырех стенах держит. А про Сохнова врет, чтоб я

ему, гниде, башку не откусила, это я Ларина имею в виду. Но если Сергей Петрович подтвердил, что Олег его приказ выполнял... В общем, ты можешь думать что угодно, я тебе так скажу: увести Ксюху с площадки мог только Ларин... или сам отец. Не пошла бы ни с кем другим моя девочка. Она умница, послушная, золотой ребенок...

– Может, ты и права.

– А вот и Ларин, – вдруг сказала Танька. – Точно он. Из машины выходит. Я на кухне сижу, возле окна. А машина-то вроде не его.

– Танька, – позвал Владан. – Дверь ему не открывай. Нет тебя. Поняла? Я сейчас приеду. И сразу позвоню. От входной двери держись подальше, чтоб он моего звонка не слышал. Поняла, я спрашиваю?

– Поняла, поняла. Марич, а скажи, ты меня любил или просто так...

– Я тебя и сейчас люблю.

– Ну, теперь-то уж я не та...

– К двери не подходи, твою мать...

Он уже торопился к выходу, и мы за ним.

– Зачем Ларину наша дорогая подруга? – на ходу спросил Бад, в голосе не было усмешки, скорее беспокойство.

– Спросим при случае.

– Это ответ на твой звонок Сохнову? – не удержалась я.

– Бад, поезжай за нами, – точно не слыша моего вопроса, сказал Владан.

– Само собой.

И мы помчались к дому, где жила Танька.

– Набери ее номер, – попросил Владан. – Узнай, где Ларин, и пусть будет на связи, пока мы не подьедем.

Я взяла его смартфон, набрала номер и услышала короткие гудки.

– Занято. Что, если она тебе звонит? Владан, если Сохнов убил жену, запросто может избавиться от Таньки. Она ведь твердо стоит на том, что ребенка могли забрать только двое...

– Однако не избавился, а держал в доме Ларина.

– Но тогда мы, то есть ты еще не вмешался в это дело.

Я вновь набрала номер. И вновь занято.

– С кем она там болтает?

Владан неслся по дороге, наплевав на ограничение скорости, Бад от нас не отставал. Позвонив Таньке в очередной раз и услышав гудок, я вздохнула с облегчением, но, как выяснилось, радовалась рано. Один гудок, второй, третий... Танька не отвечала.

– Он же не мог выбить дверь? – заволновалась я. – Соседи непременно

услышат. А Татьяна запросто полицию вызовет. Может, в полицию она и звонила?

Мы уже видели Танькин дом, когда из ближайшего переулочка выскочила машина, черная «Хонда». То ли водитель был неопытный, то ли с головой не дружил, автомобиль шел на большой скорости и с трудом вписался в поворот, его швырнуло в сторону, но, на счастье, в этот момент других машин там не оказалось.

– Сумасшедший, – прокомментировала я, а Владан попросил:

– Набери Бада.

Я набрала номер и включила громкую связь.

– «Хонду» видел? – спросил Владан.

– С ней что-то не так?

– За рулем Фомин, и второй братец, по-моему, сидит рядом.

– Черт... ты думаешь...

– Я за ними, а ты к Таньке...

Мы уже были в переулочке, откуда полминуты назад появилась «Хонда». Бад нас обогнал, а мы, развернувшись, помчались за машиной братьев. Я успела заметить: из переулочка легко попасть во двор Танькиного дома. Самой собой, я тут же набрала ее номер. Мобильный оказался отключен. Я испуганно покосилась на Владана, с какой стати Таньке отключать телефон? Ответ на этот вопрос казался очевидным и мне очень не нравился.

Впереди маячила «Хонда», и Марич начал сокращать расстояние, боясь потерять ее из виду. Тут как раз позвонил Бад.

– Танька не открывает, а мобильный отключен.

– Вышибай дверь к чертовой матери... – рявкнул Владан.

Из трубки донесся грохот, потом еще какие-то звуки, наконец мы услышали голос:

– Ее нигде нет.

– Они ее увезли? – пробормотала я, когда Бад отключился. Сидеть и дальше молча не было никаких сил. Владан кивнул:

– Вот только непонятно, зачем?

– Она догадалась, кто увел ребенка с детской площадки. Вряд ли она сообщила об этом Сохнову, но он сам сообразил после твоего звонка.

– Увезить-то на хрена? Если решили заткнуть ей рот... То ли шантажисты нам достались затейливые, то ли мы чего-то недоглядели.

Тут вновь позвонил Бад, а вскоре мы увидели его машину. Он быстро догонял нас, что позволило Владану заметить с ухмылкой:

– Неплохая у него тачка.

– Владан, – позвал Алексей. – Что будем делать? Танька у них, и не факт, что живая. Их нельзя отпустить.

– Я и не собираюсь. Повисим немного у них на хвосте. Дальше по обстоятельствам.

Почему-то я решила, Таньку повезут к Сохнову домой или в офис, но очень быстро выяснилось: у братьев другие намерения. Они свернули к Яме и вскоре уже выезжали к Старому рынку. И вот тогда стало понятно: нас заметили. На узких улочках движение оживленным не назовешь, а машина у нас весьма приметная. К Таньке мы, как назло, отправились на автомобиле Владана, а не на одолженных «Жигулях». Держаться на большом расстоянии мы не рискнули, боясь потерять «Хонду» в хитросплетении здешних переулков и подворотен.

«Хонда» вдруг рванула вперед, пытаюсь уйти. Возможно, эти типы не были уверены, что мы следуем за ними, но рисковать тоже не хотели. Не учли двух обстоятельств: Владан знает район не хуже, а возможно, и лучше, чем они, а их машина, без сомнений, уступает по всем статьям его джипу.

«Хонда» шла в отрыв, и стало ясно: сохранять инкогнито больше нет смысла. Владан прибавил газу. «Хонда» впереди с трудом вписалась в крутой поворот, а мы его прошли чисто и практически не сбросив скорости. Надо полагать, враги запаниковали. Их машина вдруг притормозила, а в следующее мгновение ее задняя дверь открылась и на дорогу вывалилась Танька, вряд ли сама, скорее была вытолкнута безжалостной рукой.

Я закричала от неожиданности и страха и даже зажмурилась, боясь, что Владан не успеет затормозить. Он успел, правда, машину чуть занесло, и остановилась она в метре от Таньки, которая, к моему удивлению, сама поднялась с земли и бросилась к нам, распахнула заднюю дверь и рухнула на сиденье с воплем:

– Гони, Владушка. Хана им, мост сломали, второй день роют, мамка сказала.

Бад за это время успел поравняться с нами, я открыла окно и крикнула:

– Впереди дорога разрыта... – вспомнила, что есть связь и орать не обязательно, и набрала его номер.

– Леха, – заговорил Владан, когда тот ответил. – Гони их к мосту, им оттуда одна дорога – в переулок, там я их встречу.

Мы резко свернули во двор, проехали метров пятьсот и оказались в переулке.

– Как там Танька? – спросил Бад, которого мы уже, само собой, видеть не могли.

– Ты как? – обернулся к ней Марич.

– Мне б только этого гада Ларина догнать, увидите, что я в отличной форме.

– Чувствует себя неплохо, – сказал Владан, а Алексей засмеялся.

Возле моста мы появились одновременно с братьями. Впрочем, назвать это сооружение мостом значило ему польстить, но местные именно так его и называли. Овраг, на дне которого когда-то протекала река, тянулся почти на километр, разделяя территорию Дна на две неравные части. Во всех прочих местах преодолеть овраг на машине возможным не представлялось, а здесь была сделана насыпь и какое-то подобие дороги, правда, заасфальтировать ее за долгие годы так и не удосужились. Этой дороги даже на городской карте не было. И вдруг чиновники решили: пришла пора придать ей пристойный вид, но прежде чем положить асфальт, решили вкопать трубу для сточных вод, в результате сейчас на этом месте стоял экскаватор, что, судя по всему, явилось для братьев полной неожиданностью.

Должно быть, водитель не справился с управлением. Выжимая из машины все возможное, он пытался оторваться от наседающего сзади Бада, легко снес ограждение и на всей скорости влетел в этот самый экскаватор, водителю которого повезло: он как раз курил, разговаривая с рабочими в тени старенького тополя. Все четверо замерли с открытыми ртами, когда капот «Хонды» буквально расплющило, передняя подушка безопасности сработала и включилась сигнализация. Бад с одной стороны и Владан с пылавшей гневом Танькой с другой бросились к «Хонде». Я сидела в некоторой растерянности, явно не поспевая за событиями, а когда выскочила из машины, Владан, уже махнув рукой, крикнул мне:

– Вызывай «Скорую»!

Оба брата погибли на месте. Подушка безопасности не спасла старшего, остальные подушки то ли не сработали, то ли их вовсе не было. Ларин, сидевший сзади, выжил, но по поводу его состояния врачи пока ничего сказать не могли, парня спешно доставили в больницу «Скорой помощи». Когда его положили на носилки, выглядел он скверно, даже Танька, забыв о расправе, торопливо перекрестилась, шепча «свят, свят».

С интервалом в несколько минут прибыли сотрудники ДПС. Вместе с рабочими мы рассказали об обстоятельствах аварии, свидетелями которой стали, промолчав о том, что «Хонда» на предельной скорости неслась не просто так. Бад вообще заявил, что момент аварии не видел, подъехав к мосту чуть позже. О ремонте дороги не знал, вот и оказался здесь, надеясь выехать на проспект коротким путем. Владан объяснил свое появление в

переулке точно так же, хотя никто, по сути, объяснений и не требовал.

Очень скоро мы смогли покинуть место происшествия, и Владан тут же набросился на Таньку:

– Тебе что сказано было: дверь не открывать, какого хрена ты его впустила?

– Как же, Владушка, этот гад мне позвонил и стал канючить, мол, Ксюха нашлась, Сергей Петрович за ней поехал, а ему велел срочно меня домой отвезти, к Сохнову то есть. Я и купилась. Так обрадовалась, дура, что даже не подумала тебе звонить и дверь нараспашку, а этот гад мне пистолет в пузо тычет, телефон отобрал. Пошли, говорит, со мной, и без глупостей. Не то, говорит, пристрелю, и девчонке твоей хана придет, потому что язык за зубами держать не умеешь. Я прям сомлела, не из-за пистолета этого дурацкого, из-за Ксюхи, и пошла, точно овца на закланье. А в машине еще двое, Витальку Фомина я знаю, а второй, видно, брат его. Я как их увидела, меня аж затрясло всю. Вы что ж, говорю, мать вашу, делаете? Вы ж всегда нормальной шпаной были, вас люди уважали, а теперь что, с бабами воюете? Неужто и Ксюху вы от отца забрали? Да чтоб вам провалиться, изверги, чтоб вам башки дурной лишиться... видать, накаркала, – поежилась она. – Владан, где Ксюха-то, а? Извелась я вся, найди ребенка, ради Христа. Отец-то с головой не дружит, это ясно, не то давно бы в полицию пошел. На тебя вся надежда...

– Не зуди, – отмахнулся Владан. – Пересядь в Лехину машину, он тебя домой отвезет.

– Что мне Леха? Не хочу я с Лехой. До дома я и сама дойду, ты мне лучше скажи, найдешь или нет?

В результате домой Таньку отвезли мы, а когда вернулись в офис, на ступеньках нас ждал Бад. Сидел, развлекаясь со смартфоном, а рядом стояла бутылка виски.

Войдя в кабинет, Владан достал стаканы, вопросительно взглянув на меня, но я головой покачала. Бад, открыв бутылку, налил понемногу в два стакана, поднял свой и сказал:

– За упокой души братьев Фоминых, ничего хорошего о них я вспомнить не могу, ну да ладно. Все равно люди.

Они выпили, и Бад, ставя стакан на стол, добавил с сомнением:

– Я так понял, теперь одна надежда, что Ларин в себя придет...

Алексей вскоре уехал, Владан принялся вертеть монетку в руке, а я изводить себя мыслями, одна другой безрадостней. Где сейчас находится ребенок, оставалось лишь гадать. В тот момент больше всего на свете я хотела, чтобы главным злодеем оказался Сохнов, в том смысле, что именно

он все это организовал и его дочка живая и здоровая в безопасном месте, о котором знает только он.

У полиции авария никакого интереса не вызвала, что неудивительно. Типичный несчастный случай. Так что бояться Сохнову нечего, как нам нечего ему предъявить. Танька, конечно, может подать заявление, но, во-первых, Сохнова оно не коснется, все претензии к Ларину и братьям, а во-вторых, от него сейчас вреда больше, чем пользы. На этот счет Владан с Танькой успел поговорить по дороге, и она поклялась, что на сей раз без его разрешения и шага не сделает.

В напряженном молчании прошел час. Дважды Владан звонил кому-то, но так как говорили в основном его собеседники, которых я слышать не могла, а шеф обходился короткими «да» и «понятно», о чем, собственно, шла речь, осталось загадкой. А соваться с вопросами я не рискнула.

Через час явилась Маринка с любимой корзинкой и молча стала кормить нас ужином. У меня кусок не шел в горло, я было отказалась, но Маринка буркнула:

– Ешь.

Владан лениво жевал, когда ему позвонили. Звонили, как оказалось, из больницы. Ларин пришел в себя, его жизни ничто не угрожает, но травмы серьезные: сломаны обе ноги, ключица и ребро. По мне, лишь бы память у него не отшибло. А то, что ноги переломаны, даже неплохо, никуда не убежит.

– Вы тут надолго засели? – спросила Маринка, собирая посуду.

– Навестим больного, и по домам, – ответил Владан, Маринка ушла, а я, взглянув на часы, подумала: для визита в больницу уже поздновато. Владан, напротив, не спешил, уткнулся в ноутбук и просидел так еще часа два. Я делала вид, что роюсь в своем планшете, в действительности пытаюсь выстроить логическую цепочку из известных нам данных. Получалось не очень хорошо.

В половине двенадцатого, когда я решила, что сидеть мы будем до утра, Владан поднялся и сказал:

– Поехали.

– Куда? – растерялась я.

– В больницу, естественно.

– Но... а нас пустят?

– Конечно, – кивнул он.

Дверь приемного покоя оказалась запертой, что меня не удивило.

– Отойди в сторону, – посоветовал Владан, и я испуганно подумала: он

решил ее выбить. Не знаю, что на меня нашло. Я отошла на десяток шагов, а он нажал кнопку звонка. Примерно через полминуты дверь открылась, и мужчина неопределенного возраста с бородой лопатой спросил:

– Что случилось?

Ответа Владана я не услышала, говорил он тихо, наклонившись к самому уху мужчины. Тот недоверчиво взглянул на меня, потом на Владана, затем рука Владана переместилась к карману его форменной куртки, и охранник распахнул дверь пошире.

– Проходите, только тихо.

Дверь он за нами запер и повел по коридору к лестнице, мы поднялись на второй этаж.

– Вам направо, – сказал охранник. – Увидите дверь в отделение. Пост сестры с той стороны, пройдете незаметно. Если что, я вас не знаю.

Владан кивнул, и мы зашагали дальше. В отделении царила тишина, свет горел только возле двери, через которую мы вошли, да где-то впереди настольная лампа на том самом сестринском посту.

– Что ты ему сказал? – шепнула я, имея в виду охранника.

– Ты поссорилась со своим парнем, а он угодил в аварию. До утра, само собой, ждать нельзя. Вопрос жизни и смерти.

Владан остановился возле семнадцатой палаты и потянул на себя дверь, она практически бесшумно открылась, и мы вошли в комнату, где на единственной кровати лежал Ларин и крепко спал. Впрочем, не так уж крепко. Когда Владан наклонился к нему, глаза он открыл и едва слышно охнул, после чего замер, должно быть, жалея, что проснулся. Свет в палате был приглушенный, может, читать при таком свете нельзя, но видел нас Ларин прекрасно. Заметно напрягся, наверное, вспомнив о своих переломанных ногах, близость Владана его пугала. Я думаю, такого эффекта Марич и добивался, мол, не обессудь, если задену ненароком.

Мы немного посидели в молчании, первым не выдержал Ларин.

– Что вам надо? – спросил хрипло.

– А ты догадайся.

– Деньги, да?

– Где девочка?

– Я не знаю.

– Неправильный ответ.

– Господи, да я в самом деле не знаю. Чего вы от меня хотите? Я весь переломанный... позовите сестру...

– Обязательно позову, чуть позже. Она тебя в морг отвезет.

– Ты меня не запугаешь, – неожиданно бойко заговорил Ларин. – Я

закричу и...

– Лучше бы подумал, почему ты один в палате, – перебил его Владан и улыбнулся. Лично я, завидя такую улыбку, не спешила бы радоваться. – Кто, по-твоему, оплатил это счастье?

– Сохнов? – немного подумав, спросил Ларин с беспокойством.

– И вновь неправильный ответ. Это я потратился. Как думаешь, с какой стати? – Ларин хмуро таращился на него, а Владан продолжил: – Чтобы мне никто не мешал пристрелить тебя, мразь, если выяснится, что ты не знаешь, где ребенок.

С этими словами Владан достал пистолет, который был у него за ремнем брюк, левой рукой выдернул из-под головы Ларина подушку и накрыл ею лицо страдальца, заглушив крик, который еще только рвался у того из горла. Ларин поднял здоровую руку, но вовсе не за тем, чтобы сопротивляться, какое уж тут сопротивление, данный жест означал готовность к сотрудничеству, по крайней мере, Владан расценил его именно так, убрал с его лица подушку, а Ларин немного похватал ртом воздух и смог произнести:

– Ради бога...

– Где девочка? – спросил Владан, бросив подушку на грудь Ларина и все еще держа пистолет в руке.

– Я не знаю... Клянусь... Я все расскажу... Я не виноват, ей-богу... это они меня заставили...

– Кто они?

– Колька Фомин и его брат. Чтоб им...

Похоже, о гибели братьев он не знал, видимо, находясь в шоке после аварии, этого попросту не понял, а сообщать ему о потере друзей не спешили из гуманных соображений.

– Что заставили?

– Ксюху забрать. И вообще... не стал бы я ребенка... И к Сохнову я неплохо относился, он нормальный мужик.

– На чем же они тебя поймали?

– На прежних грехах. Шантажисты хреновы... – Ларин, начав говорить, заметно приободрился.

– Дай угадаю, – усмехнулся Владан. – Бомбу ты в ресторан принес?

Этого он точно не ожидал, взгляд испуганно заметался, ответ был ясен и без его слов.

– Я не знал... они меня обманули... Черт, да я понятия не имел... Они сказали, рванет ночью, когда никого не будет...

– Ты для этого к Сохнову устроился?

– Нет, нет... Клянусь, я...

– Давай-ка по порядку, – перебил его Владан.

– Хорошо, – закивал Ларин. – Значит, так... Я искал работу, бабкина подруга у Сохнова в бухгалтерии работала, она и помогла. Платили нормально, все путем... было... пока эти гады не нарисовались.

– Фомины?

– Они самые. С Коляном мы в детстве не то чтобы дружили... так, болтались иногда вместе... А последние несколько лет вообще не виделись, и нате вам, заявились. Встретили после работы, говорят, дело есть. Пошли в бар, выпили... Виталька сказал: у одного типа на твоего хозяина зуб, хочет его поучить уму-разуму. Готов за это неплохо заплатить. А я тачку мечтал поменять, моей уже восемь лет было. И вдруг такой шанс... и делать, по сути, ничего не надо, просто привезти в ресторан сумку и оставить ее в подсобке, рядом с кухней. Тут как раз хозяйка машину на техобслуживание сдала, и Сохнов попросил жену из ресторана забрать. Все само собой складывалось. Ночью в ресторане даже сторожа не было, а Сохнов не бедный, отстроил бы свой кабак заново. Мне машина до зарезу нужна была, куда я без машины?

– Это мы поняли, давай дальше...

– Грохнуло не ночью, а утром, – отводя взгляд, вздохнул Ларин. – Может, они мне просто соврали, а может, что-то не так пошло... Я, когда узнал... и жена Сохнова там... ее-то за каким чертом понесло в такую рань? Короче, пипец. Ждал, что придут со дня на день, еще и терроризм припаяют... Фоминых арестовали, мне хоть в петлю лезь. И вдруг узнаю: взяли их то ли за наркоту, то ли за оружие... Но радоваться не спешил, начнут крутить и на бомбу эту выйдут. Но братья отправились срок мотать, и обо мне никто не вспомнил. Я полгода шевельнуться боялся, потом понял: пронесло. Сохнов ни в чем меня не заподозрил, менты один раз всего-то и допросили... Я поверить в свое счастье не мог, что легко отделался.

– Машину купил?

– В кредит взял, чтоб мыслей ни у кого не возникло. Жил себе нормально, даже забывать стал, типа было и было... И тут опять Колян. Выпустили эту сволочь на мою голову.

– Что он предложил на этот раз?

– Сказал, Сохнов, мол, ничего не понял. Заказчик не прочь нагнуть его пониже. Если заберем ребенка, сможем его доить, сколько влезет, все бабло наше, а его у Сохнова немало. Я хотел отказаться, помнил, как зубами клацал, но эти гады угрожать стали, мол, забыл, кто бомбу принес?

Пришлось согласиться. Но я условие поставил, чтоб Ксюху не трогать, чтоб жива-здорова и все такое...

– С детской площадки ты ее забрал?

– Я. И отвез ее Юрке-безрукому. Знаешь такого?

– Слышал.

– Он на башку совсем плохой, а с Виталькой они кореша еще с детства.

– Бомба – Юркина работа?

– Само собой. Он же гений, хоть и чокнутый. Ксюхе комнату выделили, мультики, игрушки, все нормально. Я ей наплел, что отец в командировке, придется ей здесь пожить.

– И как ты намеревался потом все это объяснить Сохнову?

– А никак, – разозлился Ларин. – Я намеревался с баблом сдернуть. Что меня тут держит? Бабкино наследство? Так ему грош цена. Или родительская хрущоба вместе с предками? Знаешь, сколько он нам сразу отвалил за дочурку? Двенадцать миллионов.

– Долларов?

– Хорош издеваться. Рублей. Я таких денег сроду не видел.

– Но вам показалось мало.

– Мне, может, и хватило бы, но Фома сказал: заказчик хочет, чтоб Сохнова обобрали до нитки. Я им говорил: палку перегибать нельзя, он в ментовку подастся. Но Виталька... он же тупой, как дерево... Поначалу все складывалось лучше не бывает. Виталька, когда Сохнову звонил, сказал: человек нужен, типа для связи. А я с самого начала рядом и о Ксюхе всегда заботился, увезти – привезти. Сохнов, когда узнал, что дочь пропала, вроде как отключился даже. Ну, я: Сергей Петрович, в чем дело и все такое... Короче, мне он и доверился. Я и деньги передавал, и лекарство Ксюхе... Все было бы хорошо, если б не Виталькина жадность да заказчик этот хренов, который ему в уши дул. Разделили бы бабло, Ксюху – отцу, а я бы к теплему морю... Выкатили ему новый счет. Деньги собрать надо. Это было непросто, без дураков, я же видел, как он мечется. На наше счастье, о полиции он даже не заикнулся, так за дочь боялся. Просил только ее не трогать. Но потом ты появился, и все запаниковали...

– Ты мне про Юру расскажи и про его подругу, – усмехнулся Владан.

– Так из-за этой бабы все и пошло наперекосяк. Юра уверял: она – могила, слова никому не скажет. Баба и правда молчунья и в Юрке души не чаяла, бывает же такое, с виду вроде бы баба нормальная. Мы так даже порадовались: будет кому за Ксюхой присматривать. А баба-то с придурью оказалась. Девчонку увела.

– Решила вернуть отцу?

– Нет. Юрку подставлять она никак не хотела. Я обо всем от братьев узнал, Колян ко мне домой притащился, весь в трясучке. Оказывается, они у Юрки тихо квасили, а эта, Юркина сожительница, девчонку увела прямо у них из-под носа и спрятала. В брошенном доме. Подруге позвонила, чтоб та ее забрала и свела к детскому саду, там бы и оставила возле ворот. Люди пойдут, непременно внимание обратят. Ксюха маленькая, ни за что не вспомнит, где ее держали. Вот они бабы, курицы тупые... Меня бы Ксюха вряд ли забыла, а Танька непременно бы ее выпросила: с кем с площадки ушла? Тут бы нам и капец пришел.

Короче, спрятала она Ксюху, а сама назад вернулась. За Юру, видишь ли, боялась. Мужики сидят бухие, и нате вам: мол, получили денег, и довольно, ребенка я отправила. Вот как таких понимать? Само собой, Фомины на нее, а Юрка за свою бабу вступился, тоже, видно, с мозгами совсем плохо. Пока они с ним возились, эта девка сбежала, хотя сама была полудохлая. Братья бросились из хаты со всех ног, а в переулок «Скорая» мчится. Они попаслись неподалеку и выяснили, Юркина баба того... откинулась. Все вроде неплохо складывалось. К Юре вернулись, дверь заколотили, чтоб кто не надо сунуться не смог. Авось пролежал бы и месяц, и два. Конечно, менты могли докопаться, кто такая эта Элла, и на Юрку выйти, но не беда, запросто прокатит, что это он ее по пьяни... а она его. Менты ленивые, на хрена им разбираться? Одно плохо: Ксюха. Где ее эта дрянь спрятала? Но тут Коля мозги напряг, они у него иногда еще работают. С какой стати, говорит, она через пустырь сиганула, чего б ей на улицу не бежать? Ну, они и пошли по ее следу, к тому месту то есть, где баба откинулась. Менты уже уехали, вот Коля и говорит: она где-то здесь надеялась укрыться. Стали тамошние развалины прочесывать и Ксюху нашли. Спит, вся зареванная, ей, видишь ли, тетя сказала, надо в прятки играть. Тут как на грех подружка Эллы притащилась, ну, мужикам что делать? Пришлось ее в расход...

– Что с ребенком? – спросил Владан.

– Не знаю, – покачал головой Ларин. – Мне сказали, что девчонку не трогали. Где-то ее спрятать нужно было. Виталька сначала хотел ко мне, в бабкин дом, но я сказал, что он совсем спятил. Там же Танька. Она сидела тихо, потому что я в уши дул: Сохнов просил, это для Ксюхи... кстати, все так и было. А если б она про девчонку узнала... стены бы на хрен снесла, она же психованная, а силищи как у мужика. Пришлось бы и ее в расход... В общем, убедил. И Витальке сказал, пусть у заказчика голова болит, что с девчонкой делать. Больше я ничего не знаю, Фомины мне о ней не говорили, а я не спрашивал. Но удача нас покинула. Сначала девка твоя

Эллой заинтересовалась. Фомины сдрейфили, вдруг подруга Юркиной бабы успела протреться? Фабрику подпалили. А девку твою пугнуть хотели, да нарвались на Бада. А Бад – это тебе не Сохнов. Я их уговаривал, давайте разбегаться, Ксюху вернем, и каждый своей дорогой... Куда там. Им бабла все мало. Тут ты явился, полный трындец. Я думал, это на них подействует и мы лавочку прикроем, вместо этого Виталик заявил: надо с Танькой кончать. На хрена, спрашиваю? Все сложилось, лучше не бывает, под замок ее Сохнов посадил и Сербка отшил. А он: «Заказчик велел кончить, да еще труп у Сохнова на участке спрятать». Он, мол, Таньку и того... в сердцах, что ребенка не сберегла. Форменный придурок этот заказчик. Но что делать, если эти гады меня за яйца держат, бомбу-то в ресторан я приволок, они вроде и ни при чем. На них три убийства, и на мне три. Еще вопрос, кто больше получит. В общем, поехали к Таньке, я сразу предупредил: из дома ее выведу, в машину суну, а дальше сами. Как сердце чуяло: не надо, не надо... И вот, – тут он горестно вздохнул, покаянно уставившись на Владана.

– И никто из братьев ни разу даже не намекнул, кто этот таинственный заказчик? – спросил Марич.

– Нет. И я с расспросами не лез. Меньше знаешь – крепче спишь. Одно скажу: Виталька его побаивался и вместе с тем говорил о нем всегда со смешком. Мне кажется, это кто-то из его старых корешей. Хотя, может, и нет. Но Сохнов, видать, ему дорогу круто перешел, раз он на него так взъелся. Жену убил, на бабло развел, и все мало...

Владан поднялся и, ни слова не говоря, направился к выходу.

– Владан, – испуганно позвал Ларин. – А дальше что?

– Дальше? – удивился Марич. – Дальше пусть с тобой Сохнов разбирается. Окрепнешь, из больницы выйдешь, а там он...

Охранник внизу выпустил нас и запер дверь.

– Где же девочка? – с трудом сдерживаясь, чтобы не зареветь, спросила я. – Думаешь, они... Ее уже нет в живых? Не могли же они убить пятилетнего ребенка?

Он лишь мрачно усмехнулся.

Мы поехали в офис, в тот момент мне было все равно, где находиться, лишь бы рядом с Владаном. Он молчал, но, по обыкновению, домой не гнал.

Единственный фонарь на улице не горел, дом тонул в темноте, лишь одно окно светилось – Маринкино. Это она нарочно, чтоб Владан видел: она его ждет. «А сама небось дрыхнет», – подумала я в большом раздражении. Но тут кое-что отвлекло меня от мыслей о сопернице. Возле

офиса стояла машина, кажется, «Мерседес», при нашем приближении дверь распахнулась, и из него вышел мужчина, свет фар на мгновение выхватил из темноты его фигуру, и я узнала Сохнова.

Владан вышел из джипа и направился к нему, я успела поравняться с ними, когда Сохнов произнес:

– Извините, что я в такое время... Не было сил дожидаться утра.

– Идемте, – кивнул Владан.

Мы вошли в офис, Владан включил свет и устроился за столом, предложив Сохнову стул. Я кинулась заваривать чай, толком не зная, что делать. Руки дрожали, как у алкоголика со стажем.

– Я узнал, что случилось с моим водителем... – торопливо произнес Сохнов. – Утром собираюсь его навестить...

– Лучше не надо, – сказал Владан.

– Почему? Он что... вы ведь не просто так сегодня звонили? Я думал о ваших словах... потом из больницы сообщили об аварии... У Ларина в кармане пропуск был. Он отпросился на час и... Я совершенно запутался. В конце концов, позвонил Татьяне. – Он горестно покачал головой. – Как я мог быть таким идиотом... Он сказал, где моя дочь?

– Нет.

– Нет? – едва слышно переспросил Сохнов.

Владан выложил на стол мобильный и включил диктофон, а я и не заметила, что он записал свой разговор с Лариным. Мы слушали запись в молчании. Лицо Сохнова стало серым, он часто моргал, точно его раздражал свет, и тяжело дышал, приоткрыв рот.

– Благодаря вам погиб человек, который знал, где моя дочь, – криво усмехнулся он, когда запись кончилась. – Извините... если б не вы, они бы убили Татьяну, это совершенно ясно и без записи. Всегда приходится делать выбор, спасаешь одного, погибает другой...

– Вы бы лучше подумали, кто вас так ненавидит? – проворчал Владан.

Сохнов посидел истуканом и головой покачал:

– У меня нет врагов. По крайней мере, таких. И никогда не было. Я знать не знаю, кто этот сумасшедший. У меня банальная биография. Сюда приехал в семнадцать лет, поступил в университет... да так и остался. Сам я из Тверской области. Бизнес начинал с нуля, работал честно, никого не кидал, компаньонов не имел, чужих жен не соблазнял и не заводил любовниц. Женился по любви и был счастлив... До двенадцатого октября, когда два года назад жена погибла... Ксюха помогла выкарабкаться... надо было жить ради дочери... Слушайте, когда это случилось, меня сто раз спрашивали о возможных врагах и конкурентах. Я голову сломал, пытаюсь

хоть одного назвать... в чем-то заподозрить. Владан Стефанович, вся проблема в том, что у меня нет врагов. Об одном жалею, что не пошел в полицию, когда пропала Ксюха. Это все страх, страх и ее потерять, а страх, как известно, плохой советчик.

В комнате вновь повисло молчание, тревожное, давящее. Я боялась пошевелиться, вздохнуть – и то боялась.

Сохнов снова заговорил:

– Я заложил дом, так что деньги у меня будут буквально на днях. Я прошу вас, найдите мою дочь. Я заплачу столько, сколько скажете. Если надо внести предоплату...

– Не надо ничего вносить. И деньги за дом оставьте себе, они вам пригодятся.

– Вы ее найдете? – сглотнув, спросил Сохнов.

– Найду, – ответил Владан.

Немного помолчав, Сохнов спросил совсем тихо:

– Живой?

– Надеюсь.

– Спасибо.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла Маринка, вид имела разгневанный, ее явно тянуло поскандальить.

– Вы спать сегодня думаете? – начала она, но тут увидела Сохнова и примолкла.

Сергей Петрович поднялся, аккуратно обошел ее, пробормотав:

– Извините, – и скрылся за дверью.

– Это кто? – спросила она, провожая его взглядом.

– Клиент, – ответила я. – Правда, Владан отказался с него деньги брать.

– Что еще за блажь? И почему к вам клиенты по ночам ходят?

– Иди-ка ты спать, – взглянув на нее исподлобья, буркнул Владан, Маринка открыла рот, готовясь ответить, но вдруг решила удалиться, не оставляя за собой последнего слова.

– Как же мы ее найдем? – отважно сказала я, хотя и предполагала, что лучше бы помолчать. – У нас ни одной зацепки.

– Всегда что-нибудь есть, – пожал Владан плечами.

– Ты домой пойдешь? – спросила я.

– Смысла не вижу, утром надо будет встретиться с одним человеком...

– Тогда я тоже здесь останусь.

Владан уткнулся в ноутбук, а я, подумав, прилегла на диване. Я слышала, как Владан прошелся по комнате, как достал из шкафа плед.

Укрыл меня, а потом осторожно поцеловал в щеку.

– Я тебя люблю, – сказала я, балансируя на грани сна и яви.

– Я тебя тоже, – ответил он, и я уснула абсолютно счастливая.

Утром я проснулась от запаха кофе и ворчания Владана:

– Твою же мать...

– Эй, в чем дело? – позвала я, потягиваясь.

Владан стоял возле кофемашины, обернулся и заявил с обидой:

– Эта хрень не работает...

– Эта хрень работает, и прекрасно, – поднимаясь, сказала я. – Просто некоторые не умеют ею пользоваться.

Я подошла, встала на цыпочки, поцеловала Марича в колючий подбородок и сказала:

– С добрым утром. Кофе сейчас будет готов. От тебя классно пахнет, успел принять душ? А почему не побрился?

– Лень.

– Надо завести здесь бритву на всякий случай, – заметила я, возясь с кофемашиной.

– Может, мне сюда переселиться? – съязвил Владан, возвращаясь за свой стол.

Я поставила перед ним чашку и сказала, улыбаясь:

– У меня есть время тоже принять душ?

– Сколько угодно. Бери ключи и иди ко мне.

Когда я затеяла тут ремонт, позаботилась о том, чтобы в офисе был душ. Совсем крохотный закуток в санузле. Но предложение Владана заинтересовало.

– А почему не здесь? – спросила я.

– Давай побережем мои нервы, – растянув губы в улыбке, заявил он. – О чем, по-твоему, я буду думать, когда ты в душе?

– А я-то надеялась, вдруг это предложение?

– Не дожدهшься, – хмыкнул он.

– Свинство какое. Ладно, пойду к Маринке, ее ванная мне больше нравится.

Маринка открыла чересчур поспешно, точно паслась под дверью. Увидев меня, недовольно нахмурилась, сложив на груди руки.

– Можно я воспользуюсь душем? – спросила я, внедряясь в квартиру. – Я могла бы пойти к Владану, но ты непременно начнешь вопить, что я вконец обнаглела, раз лезу в его ванну.

– А то так не буду, – хмыкнула Маринка. – Ладно, лезь в мою. Одно

радует, душ вы принимаете не вместе.

– Мы и спим врозь. Не поверишь, как это меня расстраивает.

– Я сейчас глаза-то наглые выцарапаю... – рявкнула Маринка. – Полотенце чистое в шкафу. Чего он смурной такой? – спросила соперница, вслед за мной заходя в ванную.

– Типы, знавшие, где находится похищенный ребенок, в морге. Получается, что в этом виноваты мы.

– Чушь. Не вы девчонку похитили.

– Ага. Может, ты выйдешь?

– Не стесняйся, мы ж одна семья, – съязвила Маринка и добавила с усмешкой: – Я красивее тебя.

– А я моложе.

– Тю... тоже мне козырь...

– Ты, кстати, в курсе, кто был первой любовью Владана?

– У него была первая любовь?

– Он и Бад трахались с одной девчонкой, Танькой Фирсовой, сейчас солидная такая тетечка. Если любопытно – взгляни.

– Да мне пофиг, с кем он трахался... и будет трахаться, дай Бог ему здоровья.

– Чего тогда ко мне цепляешься? – проворчала я, включая душ.

– Потому что ты – курица безмозглая и способна испортить жизнь всем. Себе, кстати, в первую очередь.

Она наконец ушла, громко хлопнув дверью, а я попыталась понять, каким образом я могу испортить жизнь окружающим? Рассуждения зашли в тупик, и я покинула ванную с легким раздражением.

Владан прогуливался возле своего джипа.

– Готова? – спросил, увидев меня.

– Маринка назвала меня безмозглой курицей. В следующий раз пойду к тебе.

Наши дразги его сейчас волновали меньше всего, он завел машину, а я спросила:

– Куда едем?

– К брату Юры-безрукого.

– К Сергею? Зачем он тебе?

– Хочу кое-что уточнить. Сейчас он, скорее всего, на работе. Набери его номер, пусть выйдет на пять минут.

Я позвонила Сергею, он сказал, что отлучился по делам и, если мы не против, встретится с нами на стоянке возле банка на Пятницкой.

Когда мы туда подъехали, Сергей как раз выходил из здания банка, приветливо помахал нам рукой, а потом сел в нашу машину.

– Рад встрече, – сказал, протягивая руку, Владан ее пожал, а Сергей продолжил: – Оказывается, Владан Стефанович, вы очень известный человек... я тут проявил любопытство... О вас просто легенды ходят.

– Рад, что смог вас развлечь, – серьезно ответил Владан, а Сергей смутился.

– Извините, я просто...

– Все нормально. У меня вопрос. Помните, вы сказали, что брат вам помог не только после смерти матери, но и потом... В чем заключалась помощь?

– Он помог мне на работу устроиться, – охотно ответил Сергей.

– К Гацу?

– Да. Сразу после института хорошее место трудно найти. Я имею в виду, с приличной зарплатой и перспективой...

– Кто-то из знакомых Юры работал в фирме?

– Сам Павел Николаевич.

– Он ведь говорил, что вырос в Яме, – кивнул Владан.

– Вот-вот... Мой брат ему жизнь спас на зимней рыбалке. Не знаю всех деталей, Павел Николаевич не рассказывал, но был ему очень благодарен, даже помогал материально. Я у Юры спрашивал, интересно же, но он посмотрел так странно, а потом рукой махнул. Вообще-то Гац просил об этом молчать, – вдруг заявил Сергей, вроде бы смутившись.

– О чем? – не понял Владан.

– Об их дружбе, о деньгах... После того как вы уехали, я был у него, ну он и попросил... Я его понимаю: убийство, следствие, начнут таскать на допросы... А с Юрой они практически не общались последнее время, жизнь слишком разная. Не каждый долгие годы будет благодарен человеку, который его когда-то спас... По-моему, это достойно уважения.

– Это точно. А что за деньги он имел в виду?

– Ну, как же... Павел Николаевич каждый месяц Юре со мной конверт передавал. Мне любопытно стало, и я заглянул. Там деньги. Вполне приличные: две Юриных пенсии, если не больше. Понятно, что для Гаца они пустяк, но сам факт...

– Давно вы у него работаете?

– Два года. Устроился в октябре, до этого перебивался то курьером, то грузчиком...

– И на протяжении этих двух лет Гац передавал Юре деньги?

– Да. В конце месяца. В полиции я об этом промолчал, следовательно со

мной уже связывался... а от вас не вижу смысла скрывать, хотя Павел Николаевич просил никому об этом не говорить. Но вы его на допросы таскать не будете... – улыбнулся Сергей.

– Не буду.

– Когда вы позвонили... я не хотел, чтобы Гац знал о нашей встрече, вот и попросил сюда приехать. Все удачно сложилось.

– Да уж...

– Если у вас больше нет вопросов, я, пожалуй, пойду.

– Конечно.

– Всего доброго.

– Всего...

Сергей вышел, а я смотрела во все глаза на Владана, пытаюсь потолковее сформулировать одолевавшие меня мысли. Он достал мобильный и набрал номер, как выяснилось, звонил он Сохнову.

– Сергей Петрович, Марич беспокоит. У меня вопрос: когда вы познакомились со своей будущей женой, она работала начальником отдела в фирме «Техэкспертиза»?

– Да, все верно.

– Какие у нее были отношения с хозяином фирмы?

– С Гацем? Нормальные отношения, он даже к ней благоволил, уговаривал остаться, когда она решила уволиться. Подождите, – после легкой заминки произнес Сохнов. – Вы что имеете в виду?

– Просто уточняю информацию.

– Ты думаешь... – начала я, когда Владан отключился, он меня перебил:

– Ты была права, когда сказала: все каким-то образом завязано на Яме. Юра, братья Фомины, Ларин, теперь еще и Гац – все из одного района. Два года назад погибла жена Сохнова. Юра бомбу изготовил, братья убедили Ларина помочь им, и он принес бомбу в ресторан. Ларин не знал заказчика, но его знал Виталий, который водил дружбу с Юрой. Фомины сразу после взрыва оказываются в тюрьме, попавшись по глупости. Мы решили, их засадил Сохнов, чтобы не платить за убийство жены. На самом деле от тюрьмы их пытались отмазать, наняв хорошего адвоката. Юра смог удачно пристроить на работу родственника и даже получал ежемесячно деньги.

– А таинственным заказчиком был Гац? Получается, их что-то связывало с Сохновой, но будущему мужу она об этом ничего не сказала.

– Я знаю женщин, которые умеют хранить свои тайны.

– Ты сейчас кого имеешь в виду? Ладно, допустим, это Гац. Что дальше?

– Нужны доказательства. Все это не более чем догадки.

Весь день мы носились по городу, я по большей части сидела в машине, Владан встречался с какими-то людьми, в ответ на мои вопросы, с кем именно, ворчал:

– Какая разница, если толку от этого нет.

Вечером, около восьми, мы вернулись в офис. Я измученная, Владан раздраженный. В обед заскочили перекусить в кафе, но следовало уже подумать об ужине. Я хотела метнуться к Тамаре, которая охотно возьмет на себя заботы о хлебе насущном, но Владан, отмахнувшись от предложения, прихватил рюкзак с вешалки и направился в кладовку, куда мне вход был категорически запрещен. Там лежал всякий хлам, то есть хлам с моей точки зрения. Владан называл его «очень полезными вещами». Он принялся что-то складывать в рюкзак, а я, не рискуя приблизиться, крикнула:

– Куда ты собираешься?

– В гости.

– К Гацу?

– Да.

– Я пойду с тобой.

– Это будет мужской разговор.

– Тем более.

– Я лишу тебя премии за неподчинение начальству.

– Я работаю за идею, можешь и зарплаты меня лишить.

– Ты будешь путаться под ногами.

– Нет. Я буду тиха, как мышка, шустра, как белка и послушна, как хорошо выдрессированная собака.

– Последнее мне особенно нравится, – кивнул Владан, покидая кладовку. – Ладно, поехали. За мое терпение Господь просто обязан списать мне львиную долю грехов.

– Ты лучший босс на свете.

– Еще бы.

Мы все-таки зашли к Тамаре и поужинали, а потом поехали на улицу Заречную, где жил Гац.

Припарковались возле церкви, Владан велел мне ждать в машине, а сам отправился на разведку. Вернулся через полчаса, к тому моменту уже стемнело.

– Что скажешь? – спросила я.

– Нам повезло. Обожаю такие домики, забор два метра, лужайка с

гектар, ори хоть до хрипоты, соседи ничего не услышат.

Последнее замечание слегка насторожило.

– Я пойду с тобой, – напомнила я.

– Незачем.

– Ты обещал, черт тебя дери.

С минуту он внимательно меня разглядывал.

– Полина, у нас никаких доказательств. Если мы сейчас... не убедим его вернуть ребенка, он, скорее всего, от девочки избавится.

– Я понимаю, – кивнула я.

– Отлично. Значит, что бы я ни делал, ты сидишь молча, ни во что не вмешиваясь.

– Хорошо, – вновь кивнула я.

– Если мне придется пожалеть о том, что я взял тебя с собой, уволю к лешему. Поняла?

– Так точно.

– Я серьезно.

– Я тоже. Речь идет о пятилетней девочке, даже если ты Гаца за яйца подвесишь, я слова не скажу.

– Господи, где ты набралась таких выражений?

– С кем поведешься...

– Идем, неугомонная ты моя...

И мы отправились к Гацу. Этот район я хорошо знала, неподалеку был мой дом, то есть папин, раз я жила отдельно. Меня жилище Павла Николаевича не впечатлило: здесь все дома могли похвастать и высокими заборами, и безбрежными лужайками, и квадратными метрами...

Мы подошли к задней калитке, которую Владан легко открыл.

– Вдруг в доме сигнализация включена?

– Здесь привыкли, что все плохое случается в других местах. В общем-то, ничто не мешает нам интеллигентно позвонить в дверь.

Мы направились к веранде, ярко освещенной, дверь которой была распахнута настежь. В доме работал телевизор. Не особо таясь, поднялись на веранду, перед нами была гостиная, изысканно отделанная, потолки высотой в два этажа с массивными балками, низкие комоды из мореного дуба, огромный телевизор почти во всю стену. Перед телевизором в глубоком кресле сидел мужчина. Мы видели его руку, держащую стакан с виски, рядом с креслом стояли домашние тапочки. По телевизору шла комедия, мужчина весело фыркал и так увлекся, что на наше вторжение внимания не обратил.

– Добрый вечер, Павел Николаевич, – громко позвал Владан, Гац

вздрагнул и резко повернулся.

Увидев нас, сначала нахмурился, а затем улыбнулся приветливо, но с долей насмешки.

– Владан Стефанович, вот уж неожиданность... У меня сломался дверной звонок?

– Надеюсь, с ним все в порядке. Вы дверь забыли закрыть. Проводите вечер в одиночестве?

– Жена в Италии. Уехала на несколько дней. Хотите выпить?

– Не откажусь.

– Вон там, в баре, бутылки и чистые стаканы.

Владан кивнул мне, я заглянула в бар, выбрала виски по своему усмотрению, налила в стакан и принесла Владану. Он поставил его на журнальный стол, рюкзак бросил возле своих ног.

– Не зря говорят, что вы спец в своем деле, – со смешком заметил Гац. – Как догадались?

– Это было нетрудно.

– Серега проболтался? Вот гаденыш...

– Мне показался куда более интересным тот факт, что Сохнова работала у вас.

– Да бросьте... Менты на это внимания не обратили, даже не почтили меня визитом после ее смерти.

– А за что вы ее убили? – поинтересовался Владан, улыбка с физиономии Гаца медленно сползла.

– Вы когда-нибудь влюблялись? Так, чтобы земля из-под ног?

– Вот в чем дело? Она вам отказала?

– Никуда бы эта тварь не делась, все равно бы сказала «да». Заметили: чем дольше они ломаются, тем покладистей потом становятся. Я был готов ждать... Я даже думал на ней жениться...

– О, ей необыкновенно повезло...

– Иронизируете? Ну да. Такие, как вы, с бабами обычно не церемонятся. Вот эта... ваша помощница или секретарша небось раздевается по первому требованию.

– Обычно ее приходится уговаривать, чтобы оделась.

– Вот-вот... когда к ним относишься по-свински, они готовы ноги тебе лизать, а когда хочешь, чтобы все было по-хорошему... – Он махнул рукой. – Эта делала вид, что ничего не понимает. Сладкая дуручка. Если б не Сохнов... Самое скверное, это я их познакомил. Я взял ее на встречу... А они быстренько спелись за моей спиной. Она уволилась и даже на мои звонки не ответила ни разу. Счастливая семейка, молодые родители... Ко

всему прочему, она еще вообразила себя бизнес-леди, а Сохнов, как влюбленный дурак, готов был выполнить любой ее каприз.

– Вы имеете в виду ресторан?

– Конечно. Что она понимала в ресторанах?! Я не собирался ее убивать, я хотел немного потрепать ей нервы. Но вышло так, как вышло. И виноват в этом Сохнов.

– Вот как...

– Да. Именно. Если бы не он... все было бы по-другому.

– Похитить ребенка ваша идея?

– Парни вернулись из тюрьмы, хотели денег, я просто посоветовал легкий способ их раздобыть. Не моя вина, что все у них пошло наперекосяк. Идиоты, что с них взять? Юра с этой его полоумной бабой, братья-дегенераты... и этот... как его там... шофер Сохнова.

– Девочка жива? – спросил Владан.

Гац взглянул исподлобья и засмеялся:

– Знаете, в чем прелесть ситуации, господин Мариш? Вы ничего не сможете доказать. И сделать тоже ничего не сможете. Вы – благородный герой, а благородные герои ведут себя так, как им и положено: благородно. По этой причине я и веду с вами интересные беседы. Не вздумайте мне грозить. Это бесполезно. Сохнов свою дочь никогда не получит.

– Что ж, я вас услышал, – кивнул Владан, поднимаясь. Взял стакан, сделал глоток и направился к Гацу. Он шел расслабленно, ни в фигуре, ни в выражении лица не было и намека на угрозу, а поравнявшись с Гацем, молниеносно выбросил вперед руку и ударил его стаканом в висок. Гац охнул и обмяк в кресле.

Владан допил виски, оставшееся в стакане, подтащил свой рюкзак, достал из него скотч и веревку. Скотчем обмотал руки и ноги Гаца, потом перекинул веревку через балку под потолком и сделал петлю на конце. В мою сторону не смотрел, и я сидела, не шевелясь, памятуя о данном ему слове. Было не по себе наблюдать за тем, как спокойно, неторопливо он все это делает. В нем не было ни злости, ни даже раздражения. Так начинает свое утро рабочий, внимательно оглядывается, раскладывает инструмент...

Он вернулся к Гацу и похлопал его по щекам. Тот дернул головой и открыл глаза. С минуту он таращился на веревку с петлей, потом перевел взгляд на Владана.

– Какого черта ты устроил этот спектакль? Я знаю тебя как облупленного, – заговорил он с вызовом.

Владан наклонился к нему, только теперь я услышала в его голосе ярость, которую он умело сдерживал, но она все равно рвалась наружу.

– Ни черта ты не знаешь, – тихо произнес он и потрепал Гаца по плечу. – Сейчас повеселимся.

Владан развернулся и быстро покинул гостиную, вызвав большое беспокойство у Гаца, а я гадала, куда он ушел и зачем. Гадать, впрочем, пришлось недолго. Я услышала шаги, затем голос:

– Вы что, с ума сошли? Пустите меня, вы кто такой?

В дверях появился Марич, он волок за шиворот девушку примерно моего возраста. Она не упиралась, наоборот, старалась успеть за ним. Он толкнул ее на пол под ноги Гацу, а девушка закричала в ужасе:

– Папа, что происходит?

На девушке была пижама в горошек, может, поэтому, сидя в ногах у отца, она выглядела почти ребенком. Значит, это дочь Гаца, и Владан знал о ее присутствии в доме. А сейчас вытащил из постели, надо полагать.

Я невольно поежилась, представив, что должна испытывать девушка, а она вновь спросила, уже зло:

– Папа, что за хрень?

Должно быть, мое присутствие сбивало ее с толку, вот она и осмелела.

– Я объясню, – кивнул Владан, наклоняясь к ней. – Папа хотел трахнуть одну девушку, а она взяла да и вышла замуж за другого. Тогда папа ее убил, а ее ребенка, девочку пяти лет, увез от отца и где-то прячет. А может быть, тоже убил. Вот такой у нас расклад, детка...

Говоря это, Владан быстро стянул ей руки скотчем, подтащил к веревке и сунул ее голову в петлю.

– Марич! – заорал Гац. – Ты не убьешь мою девочку, она здесь ни при чем, слышишь...

– Конечно, не убью, – ответил Владан. – Ты ее сам убьешь...

Закрепив веревку так, что девушке пришлось встать на цыпочки, он подошел к Гацу, схватил его за шиворот и подволок к петле, сбил с ног, и Гац оказался на коленях. Никто из нас, похоже, не понимал, что он задумал. Сердце у меня колотилось в горле, я сжала кулаки, чтобы не закричать.

– К отцу на плечи, быстро, – скомандовал Владан.

Девушка неловко села, радуясь, что веревка немного ослабла.

– Подъем, говнюк.

Владан ударил Гаца ногой, заставив подняться, и тут же натянул веревку, Гац стоял, пошатываясь, оглушенный происходящим.

– Где твой мобильный? – спросил Владан.

Пока Гац силился ответить, я заметила телефон на журнальном столе рядом с креслом и подала Владану, тот достал нож, разрезал скотч на руках Гаца и сунул ему мобильный:

– Объясняю правила: сейчас ты позвонишь и скажешь, чтобы Ксюшу привезли сюда. Сделаешь шаг в сторону, чуть наклонишься вперед или просто согнешь колени, и твоя девчонка задохнется. Попробуешь схитрить, окажешься плашмя на полу, и твоя девчонка задохнется гарантированно. Береги время и силы. Упадешь раньше, чем привезут ребенка, твоя дочь погибнет. В общем, все зависит от тебя.

– Урод психованный, ты что, спятил?

– Ноги я развяжу, не то ты свалишься через пять минут. – Владан наклонился и разрезал скотч, Гац стоял, слегка покачиваясь. – Ну вот, теперь ты можешь потоптаться на месте, но не злоупотребляй, веревка натянется. Однажды я играл в такую игру. Я был значительно моложе, в отличной физической форме, чего не скажешь о тебе, и на плечах у меня была девчушка девяти лет, легкая, как перышко. Я очень старался, но не скажу, что у меня получилось хорошо. Это я к тому, что время пошло.

– Она в цыганском поселке, в Митино, – хрипло произнес Гац, тяжесть, давившая на плечи, уже давала себя знать, ясно было: он продержится недолго. – Цыганский барон мой знакомый, идеальное место. Чужие не сунутся, свои будут молчать.

– Отлично. Звони барону, пусть привезет ребенка.

– Он не...

– Папочка, звони, ради бога, – закричала девушка.

Гац набрал номер, голос его срывался на крик:

– Привези девчонку... ко мне... сейчас же... нет, не завтра, сейчас... быстрее...

Владан забрал мобильный и сел в кресло, положив телефон на журнальный стол.

– Марич, – позвал Гац, – кончай все это... ее сейчас привезут... она жива-здоровая... Господи... у меня колени подгибаются... я сделал то, что ты хотел...

Владан уставился в телевизор, сделав звук погромче, а я сидела, вжавшись в кресло, слушая крики Гаца и его дочери, сначала отчаянные, потом умоляющие, и с ужасом наблюдала за тем, как натягивается веревка.

– Владан, – хрипел Гац, точно веревка стягивала его шею. – Сколько ты хочешь, миллион? Долларов? Евро? Сколько? Моя дочь ни в чем не виновата, за что ей это, за что? Она же совсем еще ребенок...

У девушки кричать сил уже не было, она беззвучно плакала, шепча пересохшими губами:

– Папочка, спаси меня...

Гац вдруг шагнул вперед, колени его подогнулись, девушка неминуемо

бы повисла в петле, но Владан, который, казалось, вовсе не обращал на происходящее внимания, успел среагировать: подхватил девушку и ослабил веревку. Девушка упала на пол рядом со своим отцом, хватая ртом воздух. Владан наклонился к Гацу и сказал:

– В следующий раз, прежде чем тронуть чужого ребенка, подумай, что могут сделать с твоим.

В этот момент в дверь позвонили, и я бросилась в холл со всех ног. Руки так дрожали, что я не сразу справилась с замком. На крыльце стоял мужчина и держал на руках девочку с красной лентой в спутанных волосах. Не говоря ни слова, я взяла ребенка и захлопнула дверь, а потом заревела, прижимая ее к груди.

– Тетя, ты кто? – шепотом спросила она.

– Меня Полиной зовут. А ты Ксюша?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я тебя сейчас к папе отвезу.

Через полчаса мы тормозили возле дома Сохнова. Сергей Петрович ждал нас на улице. Завидев машину, бросился навстречу. Ксюша успела уснуть, да так и не проснулась, когда я передавала ее на руки отцу. Губы его дрожали, он произнес с трудом:

– Спасибо вам... Я ваш должник... Должник на всю жизнь...

– Вы мне ничего не должны, – хмуро бросил Владан, торопясь уехать.

По дороге я гадала, будет ли у этой истории продолжение. Позвонит ли Гац в полицию в надежде, что его причастность к похищению и убийствам очень трудно доказать, как поведет себя его дочь, и что сделает Сохнов, теперь, когда он знает, кто убил его жену и едва не лишил дочери. Но больше всего меня интересовал совсем другой вопрос. Я долго собиралась с силами и все же задала его:

– Ты ведь не выдумал эту историю? Та девочка... она... она задохнулась?

– Нет, – спокойно ответил он. – Им надоело ждать, и они разбили ей голову прикладом.

Внутри как будто что-то взорвалось, и я едва сдержалась, чтобы не заорать в голос.

До моего дома мы ехали молча, а чувство было, что между нами вдруг возникла стена, невидимая, но непреодолимая. Он жил в мире, где детям могли разбить голову прикладом, а я еще жаловалась на судьбу: ах, как мне, бедняжке, досталось.

– Спокойной ночи, – едва слышно пробормотала я, когда он

остановился у моего дома, он кивнул, я вышла из машины и, оказавшись в подъезде, бросилась бежать. В квартире повалилась на кровать, зарывшись лицом в подушку, и заорала. Я орала так отчаянно, точно всерьез надеялась выкричать, выдавить боль и ужас, что не давали вздохнуть. А потом, таращась в потолок и обливаясь слезами, шептала жалко:

– Прости нас, Господи, пожалуйста. Прости нас всех...

Утром на работу я опоздала из-за пробок на дороге. Владана в офисе не было, и я вдруг подумала, что это хорошо, есть время подготовиться к встрече. До обеда я терпела, потом позвонила. Марич, по обыкновению, не ответил. Затем появилась Маринка:

– Владан сказал, у вас сегодня выходной и завтра тоже. По случаю благополучного окончания дела. – Она устроилась за столом напротив, как видно, вознамерившись немного поболтать.

– Да? И чем он занят?

– Весь день в постели валяется.

– Рада за вас.

– За меня – напрасно. Он не со мной валяется, а с книжкой.

– Это хорошо. Что читает?

– Говорит, чего-то про индейцев. Майн Рида. Знаешь такого?

– Конечно.

– Кто бы сомневался.

– Он здорово злится? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– С какой стати?

– Ну... ничего за свою работу мы не получили. Сохнов предлагал деньги, но Владан отказался.

– Ха... Он заглянул на хату к этим придурочным братьям. В шифоньере сумка с девятью миллионами рублей без малого. Видно, долю Юры-безрукого они забрали. Так что мы, как всегда, в шоколаде.

– Вдруг он их Сохнову вернет?

– Еще чего. Вот только попробуй надоумить, – погрозила она мне кулаком. – Это у тебя папа олигарх, а мы должны сами о себе заботиться. Давай чаю выпьем, что ли? – предложила Маринка и сама занялась приготовлением. Оказалось, она в моем хозяйстве неплохо ориентируется. Мы пили чай, лениво болтая, пока она вдруг не спросила: – Что у вас вчера вышло?

– Ничего, – нахмурившись, покачала я головой. – Почему ты спрашиваешь?

– Он думает, что напугал тебя. Вот я и гадаю, каким это образом?

– Все нормально, – соврала я, и мы на некоторое время замолчали.

Не знаю, удалось ли мне обмануть Маринку, она медленно повертела чашку в руках и вновь заговорила:

– А чего не спросишь, как мы с Маричем познакомились?

– Чего спрашивать? Вы же рядом живете.

– Это уж потом я здесь квартиру купила, то есть купила я, но заплатил он.

– Повезло тебе с мужчиной, – съязвила я, тема «Маринка плюс Владан» была мне глубоко неприятна.

– У меня любовничек имелся, редкая сволочь, если честно... Достал и своих, и чужих. Решили с ним разобраться, а под раздачу я попала. Увезли меня в одно тихое местечко, чтоб этот гад прочувствовал всю серьезность ситуации, а он с гонором, уступать не хотел. И нанял Марича меня вызволить.

– Прямо боевик.

– Точно, – ткнула она в меня пальцем. – Так вот, Марич меня вызволил, и осталось в тихом месте четыре трупа. Одного урода я пристрелила.

– Аплодирую пятками. Это ты к чему? Хочешь сказать, что ты – боевая подруга, а я – обуза, пятая лапа у собаки?

– Ты не обуза, – вздохнула Маринка. – Ты то самое слабое место, по которому непременно ударят. – Она пошла к двери, обернулась и добавила: – Я знаю, ты никогда его не подставишь, но от нас мало что зависит. Побереги мужика, нельзя ему быть слабым.

Я подумала зареветь, но вместо этого, вскочив, пнула стул. Потом попинала его еще немного. Убрала посуду и поехала домой. Возле подъезда стояла машина Бада, он пошел мне навстречу, улыбаясь и раскинув руки, точно готовясь заключить в объятия.

– Тебя опять эта чокнутая сюда отправила? – гневно спросила я.

– Ты имеешь в виду Маринку? – поднял он брови.

– Разумеется.

– Нет, я сам такой умный. Подумал, раз сегодня пятница, мы могли бы напиться.

– Тебе не приходило в голову, что ты...

– Все время приходило, – перебил он.

– Что?

– Что мы просто созданы друг для друга, по крайней мере в эту пятницу.

– Меня интересуют исключительно долгосрочные проекты, –

засмеялась я, желая его поддразнить.

– Я готов продлить пятницу до бесконечности.

– Моему папе ты не понравишься, а я примерная дочь.

– Глупости. Я нравлюсь всем папам. – Он обнял меня за плечи и повел к машине. – Поверь, милая, хорошая пьянка еще никому не повредила.